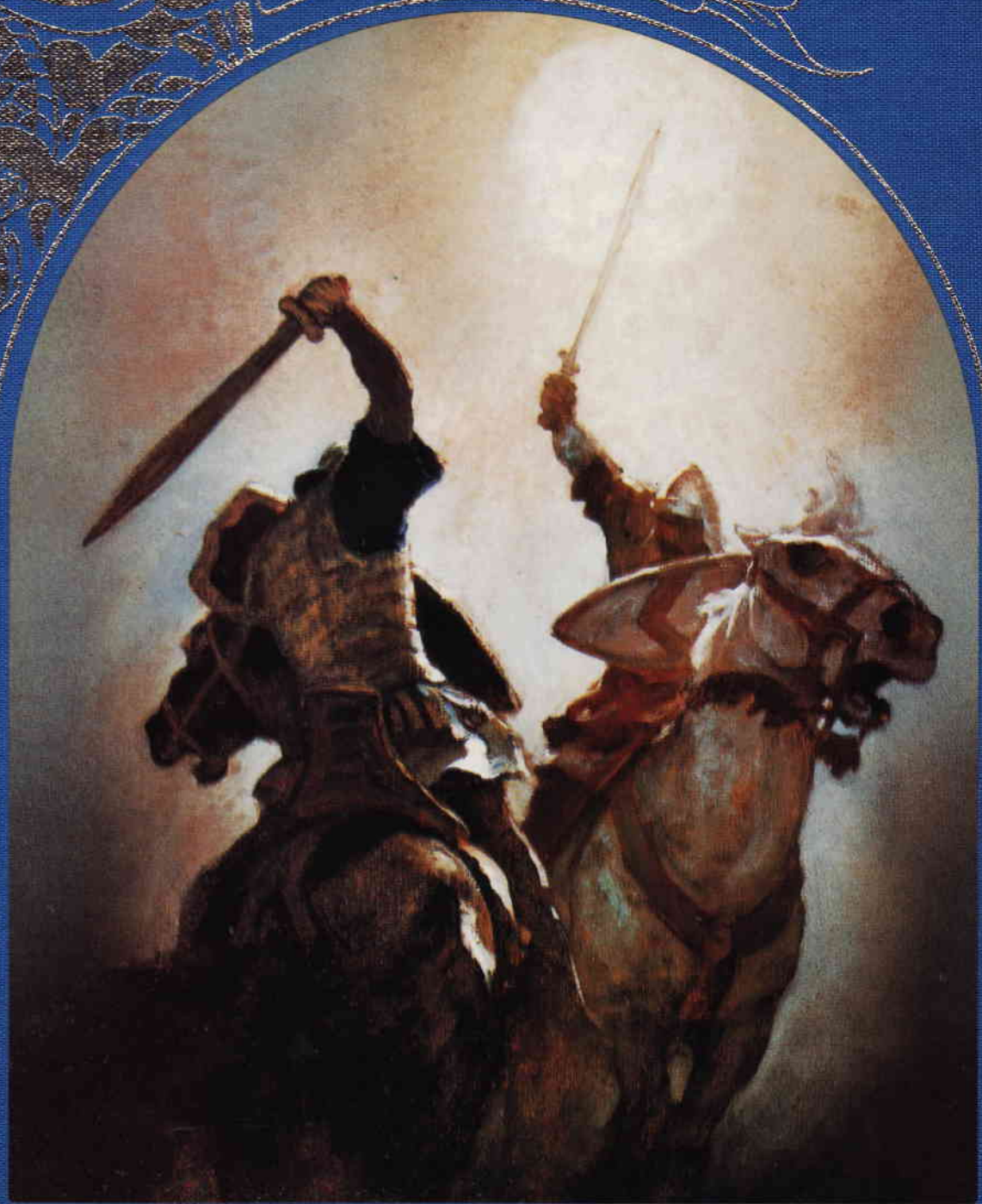

ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР

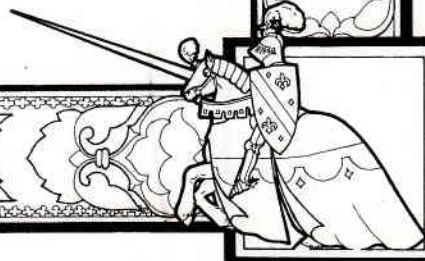
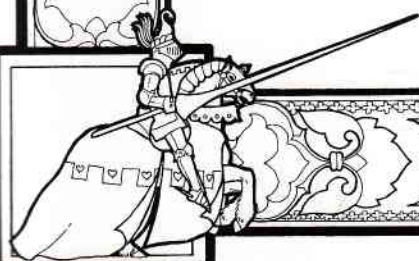
ЛЕГЕНДЫ ДОБЛЕСТИ

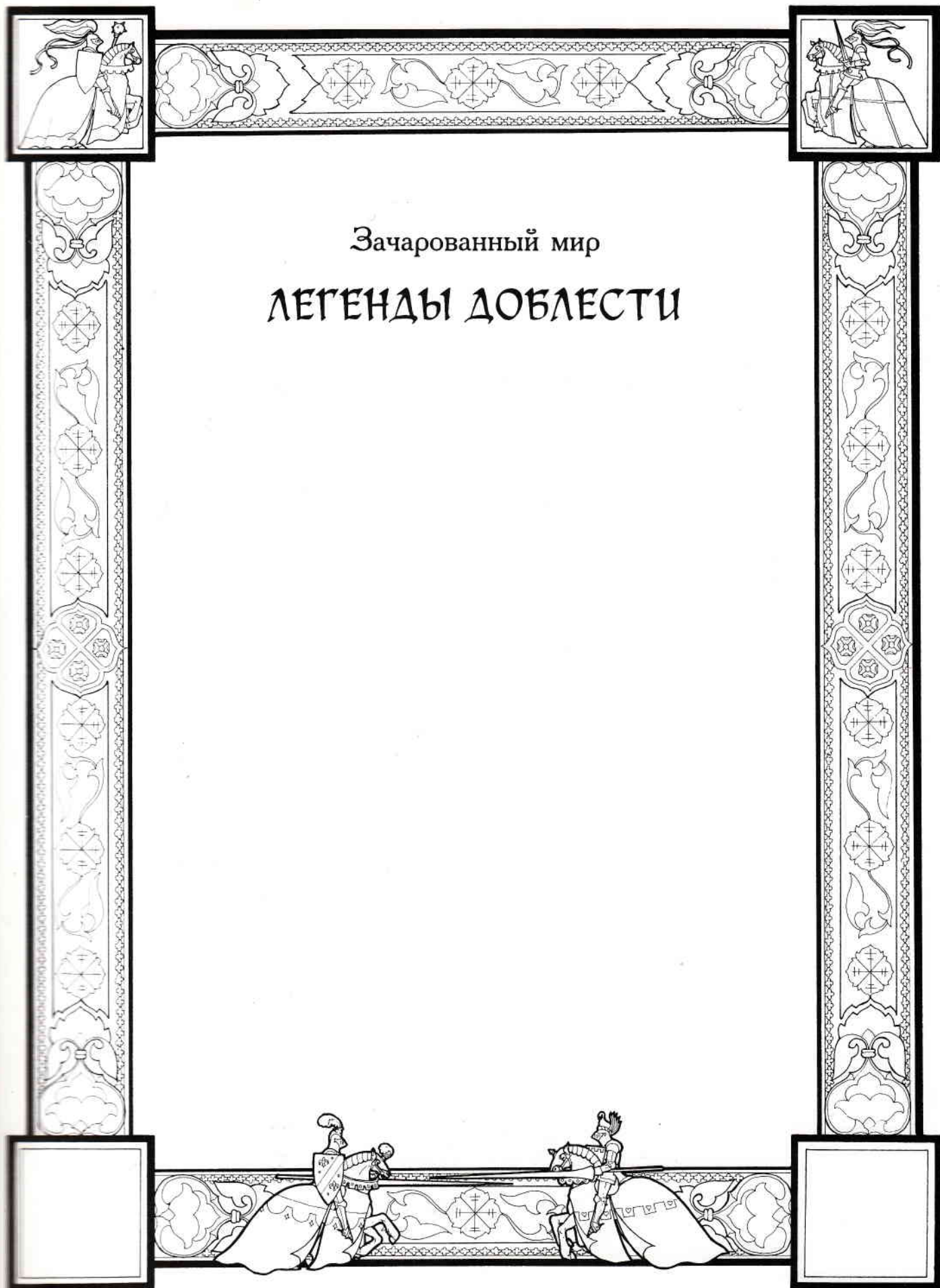

Зачарованный мир

ЛЕГЕНДЫ ДОБЛЕСТИ

Зачарованный мир

ЛЕГЕНДЫ ДОБЛЕСТИ

Содержание

Глава первая

Повелители колесницы и копья • 7

Обучение богатырей в ином мире • 34

Глава вторая

Закон чести • 43

Предательство Нибелунгов • 65

Глава третья

Братство Круглого Стола • 74

Воины в мире чудес • 101

Глава четвертая

Величайший подвиг • 109

Последняя битва великого короля • 132

«Терра»
Москва

Глава первая

Повелители колесницы и копья

Во дни славы Ирландии, когда остров был разделен на пять враждующих королевств и черные как смоль вороны богини войны кружили над холмами, расцвела слава воина Кухулина. Юность его, как и у всех воинов того времени, была полна испытаний, и испытания эти были многочисленны и суровы.

Кухулин был рыцарем Красной Ветви, одним из дружины Конхобара Ульстерского, короля из рода Роса Красного. Дружинники Конхо-

времени, были отважны и бесстрашны в бою, едины, как братья, против врагов короля и задиристы, как молодые бойцовые петухи. Месяцами, пока Ульстер жил в непрочном мире со своими соседями, они выясняли отношения между собой. И вот однажды трое храбрейших рыцарей Красной Ветви заспорили, кого считать лучшим воином королевства. И соперничество разделило их.

Не желая сеять вражду самостоятельным выбором достойного, Кон-

Чтобы выбрать величайшего из Ульстерских воинов, великан предложил испытание: он позволит обезглавить себя, при условии, что он сможет ответить тем же. Великан, в отличие от людей, мог поднять свою отрубленную голову и уйти живым.

хобар отправил их за справедливым решением на запад к королеве Коннахта и к королю Мунстера на юг. Но решение королевы не удовлетворило ни одного из спорщиков, а короля Мунстера, неуловимого мага, они отыскать не смогли. Конхобар приказал трем рыцарям: Лоегару Триумфатору, Коналу Победителю и Кухулину, примириться. Но перемирие оказалось безрадостным.

Как-то вечером в Эмейн Махе, в Доме Красной Ветви, когда завывал свирепый зимний ветер, Конхобар пригласил дружинников на пир. Но из троих на пир пришел только Лоегар. В последнее время рыцари избегали друг друга, а после того как Конхобар запретил поединки, они виделись совсем редко, так как не были уверены в своей выдержке.

Посреди всеобщего веселья, криков, хвастовства, дружеского подтрунивания и возбужденного лая собак никто и не заметил, как приподнялась дверная щеколда. Никто не услышал и не увидел, как массивная дубовая дверь открылась. Но звук, с которым она захлопнулась и от которого содрогнулось все здание, вызвал внезапную тревогу. В компании рыцарей воцарилась гнетущая тишина; встревоженные, они повернулись к вошедшему.

Перед ними предстал великан. Его лоб и нос нависали как скалы, отбрасывая тени на щеки, как будто сделанные из запыленного известняка и заросшие жесткой черной бородой. На великане была набедренная повязка, а плечи его покрывала короткая шерстяная

накидка. В одной громадной руке он держал бревно, так же легко, как обычный человек держит дубинку. В другой — сжимал топор. Медленно, так, что каждый шаг отдавался гулким эхом, он прошел к очагу. Все головы в зале повернулись к нему, но никто не решился нарушить молчания. Собаки, до этого резвившиеся, теперь, поджав хвосты, убрались прочь. Великан подошел к пылающим в очаге бревнам и посмотрел на присутствующих; все молчали. Тогда он заговорил сам. Великан сказал, что имя его — Уаф Бродяга и что он путешествует по миру в поисках того, кто дерзнет вступить с ним в спор. «Конечно, здесь — в Доме Красной Ветви, — продолжал он, — должен найтись смельчак, который заключит со мной пари и выполнит его». Фергус Мак Рой, родственник короля Конхобара, спросил от лица всех: «И что же это за соглашение?» «Все очень просто, — ответил Уаф Бродяга. — Конечно, тебя и короля это не касается, потому что оба вы — королевской крови. Я ищу храброго воина, который сегодня вечером отрубит мне голову, конечно, при условии, что завтра я верну ему удар. Несомненно, среди вас найдется такой храбрец». Ответом ему была тишина. Предложение было настолько странным, загадочным и с таким колдовским оттенком, что ни один из рыцарей не решался принять его. «Значит, среди вас нет достойных», — сказал великан с презрительной усмешкой. «Я принимаю твой вызов, фигляр!» — прокричал Лоегар Триумфатор.

«На колени, — сказал он великану. — Даю слово: я отрублю тебе

голову сегодня, а ты можешь отрубить мою завтра».

Уаф преклонил колени и положил голову на бревно. С видимым усилием Лоегар взметнул гигантский топор над головой. Падающее лезвие рассекло воздух с леденящим кровь звуком. В следующее мгновение оно вонзилось в шею великана, и громадная голова с высунутым языком упала на каменные плиты пола. Кровь струей хлынула из обезглавленного туловища.

Безмолвный и побледневший, Лоегар попятился в изумлении: спустя мгновение тело великана уже стояло на ногах! Огромная ручища взяла топор из дрожащих рук Лоегара и, подняв собственную голову за волосы, зажала зияющую рану так, что между пальцев текли только тонкие струйки крови. Все видели, что на лице великана сохранялось то же сердито-презрительное выражение, с которым Бродяга появился на пиру. Сжимая свою окровавленную ношу, массивная фигура прошествовала к выходу и скрылась в ночи.

На следующий вечер, как и накануне, дверь Дома Красной Ветви отворилась, впуская порывы дождя и ветра, и Уаф Бродяга, целый и невредимый, даже без единой отметины на шее, прошествовал к огню. Он встал и, опершись на топор, обвел горящим взглядом рыцарей.

Лоегара Триумфатора среди них не было. Его обычная храбрость испарилась, когда дело дошло до выполнения своей части ужасающего договора с великаном. Уаф пожал плечами, сплюнул на пол и молча провел пальцем по лезвию топора.

И тогда со скамьи встал Конал Победитель, готовый защитить честь

Ульстера. Было заключено такое же смертоносное соглашение, что и накануне: голова за голову. Так же как и Лоегар накануне, Конал поднял топор; кровь Уафа Бродяги, как и прежде, обагрила пол. Но на следующий вечер и этот защитник чести Ульстера не появился, когда настал его черед принимать удар топора.

Отсветы пламени освещали лицо Уафа Бродяги, стоящего у очага и смеющегося над слабовольными Ульстерскими рыцарями. «Двое лучших из вас проиграли мне, — сказал он. — А где же гордый Кухулин? Или он так же труслив, как и все остальные?»

Кухулин вскочил со скамьи и заговорил ледяным тоном. Он сказал великану, чтобы тот поберег свой трюк для дураков. «Почему, — спросил он, — должен нормальный человек расстаться с жизнью только ради того, чтобы обезглавить какое-то дьявольское создание, способное вернуть себе жизнь с помощью хитрости?» Великан взревел и рассмеялся. Он обозвал Кухулина трусом и бесхребетным ребенком.

Насмешки достигли своей цели. Ведомый гордостью, Кухулин вскочил со скамьи и, выскочив в центр зала, в ярости выхватил топор и отрубил великану голову, а когда голова упала на плиты пола, еще и ударил по ней обухом. Наступила тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием юноши.

Как и прежде, великан поднялся на ноги, подобрал топор и то кровавое месиво, которое минуту назад было его головой, и, выбежав прочь, скрылся во мгле.

Только герой Кухулин ради своей чести имел мужество положить голову на плаху и ожидать смертельного удара великана.

На следующую ночь Кухулин, как обычно, пировал с друзьями в зале. Его губы были плотно сжаты и в лице не было ни кровинки.

Рыцари Красной Ветви старались держаться от него подальше. На возвышении восседали в безмолвном ожидании король Конхобар и Фергус.

Внезапно дверь распахнулась, и лица всех присутствующих в зале обратились к ней. Там снова появился Уаф и выкрикнул имя Кухулина.

Кухулин медленно прошествовал в центр зала и преклонил колени в ожидании удара. Сотрясаемый дрожью, с лицом, искаженным страхом, витязь не двинулся с места, когда великан, как огромная глыба, навис над ним.

Гигантский топор взметнулся вверх и замер в воздухе.

— Вытяни шею, — скомандовал великан.

— Лучше побереги дыхание, — оборвал его Кухулин. — Сруби мою голову так же быстро, как я твою.

И Кухулин снова опустил голову.

Глаза великана сверкнули, когда он опускал топор. Стон вырвался из глоток сотен рыцарей Красной Ветви, которые оплакивали потерю своего любимца.

Но лезвие гигантского топора вонзилось в камень рядом с колено-преклоненным Кухулином. Витязь вскочил на ноги и повернулся к Уафу.

Но Уаф исчез. На его месте стоял Кароиз из Мунстера — королевства туманов и гор, раскинувшегося на юге от Ульстера. Тот самый король, который так загадочно отсутствовал, когда рыцари направились к нему в поисках правосудия. Конхобар попросил Карои-

за выбрать лучшего из ульстерских рыцарей всенародно, так, чтобы никто не усомнился в справедливости его решения.

И король Мунстера сказал, что Кухулин и есть самый достойный. Только Кухулин отклонил предложение, на которое Лоегар и Конал согласились. Лишь Кухулин воспламенился яростью — качеством, столь необходимым настоящему воину. Лишь он выказал презрение смерти, положив голову на плаху в ожидании удара великана.

В те смутные времена важно было решить, кто же все-таки из рыцарей лучший. И дело было не только в том, чтобы воздать должное достойнейшему из ульстерских рыцарей. Ведь пока вопрос о первенстве оставался открытым, Ульстерский двор был разделен, а значит, и Ульстер не мог в полной мере постоять за себя. Никто не оспаривал авторитет короля, ведь он достался ему по праву рождения. Но у короля должен был быть рыцарь, который бы сражался за него. Если король символизировал собой землю и людей, живущих на них, то его герой-рыцарь должен был стать предводителем войска. В любом государстве должна быть установлена своя иерархия. А народ без героя жалок и незащищен.

В древности закон был не слишком строг, а границы между племенами очень прозрачны. Так что люди могли свободно переходить из одного племени в другое. Племена постоянно мигрировали по всей Европе, словно животные, в поисках пищи, укрытия или племен послабее, которых можно ограбить и поработить. Миграциям, казалось, не будет конца, равно как и постоянным войнам.

Так продолжалось из века в век. Цивилизация развивалась медленно, и для защиты государства нужно было содержать сильную армию. Со времен Кухулина, когда кельтские воины сражались на колесницах, и до времен короля Артура, когда бились всадники, закованные в броню, каждое королевство нуждалось в своем герое-рыцаре. Им становился величайший и славнейший воин, который отличился в битвах за короля и занял высокое место при его дворе. Эти герои были словно бриллианты, вправленные в корону.

Их великая слава продолжает сиять и спустя многие годы. Зачастую они жертвовали жизнями, но их имена навечно запечатлевались в песнях и сказаниях. Рыцарские деяния не забыты — многие века сказители пели песни и рассказывали легенды об их отваге. Они повествовали о Кухулине и рыцарях Красной Ветви и о более позднем ирландском герое Финне Мак Кумале, который с верной дружиной защищал ирландские берега от захватчиков. Скандинавские барды увековечили имя Бафара Бьярки, который обнажал свой магический меч во славу короля Датского, и Сигурда Вольсунга, сражавшегося на стороне германских Нибелунгов. Позже им на смену пришел Артур Британский и рыцари Круглого Стола — Ланселот и Гавейн, Персиваль и Борс, Тристрам и несравненный Галахад.

Самые знаменитые из них не походили на простых смертных. Несомненно, они были отважны, но кроме того, величайшие герои с

самого рождения были другими, словно происходили из каких-то других миров, миров, где царила магия. Обычно их матерями были смертные принцессы — ведь дочерям крестьян не дано приносить миру героев. Но ходили слухи, что зачатие героя происходило каким-то странным образом, и начинались герои от богов или же от представителей мистических рас.

На берегах Эгейского моря говорили, что отцом героя Персея был Зевс, который явился матери Персея, Данае, в образе золотого дождя. И впоследствии Персей получал помощь от сверхъестественных сил в своих приключениях и подвигах. Даже снаряжение героя было не обычным. Оно делало его невидимым и позволяло летать (стр. 15). Позднее в другой стране рассказывали подобную же историю. Говорили, что Вольсунг, дедушка героя Сигурда, происходил от Одина — бога войны. А что касается Кухулина, то поэты пели о том, что его отец был сыном ирландского бога солнца Луга.

Во всяком случае, рождение Кухулина было окутано покровом тайны. Матерью Кухулина, по одной версии, была Дехтире, сестра короля Конхобара. В день свадьбы с лордом Суалтимом Дехтире выпила кубок вина, в который влетела муха-однодневка; Дехтире тут же глубоко уснула. Во сне перед ней предстал бог солнца Луг. Он сказал ей, что принял облик мухи-однодневки, чтобы войти в нее, и позвал Дехтире за собой. Она и ее подруги превратились в прекрасных птиц, скованных друг с другом цепью из золота и серебра. Ослепительная стая покинула

Эмейн Махе и скрылась в подземном мире — царстве Маленького Народца — мистической расы Ирландии.

В течение целого года о Дехтире ничего не было слышно. После чего стая птиц появилась над Эмейн Махе и повела Конхобара и его рыцарей на юг Ульстера. Там король обнаружил свою сестру и ее сына, который впоследствии был назван Кухулином. Дехтире рассказала королю о своем сне; Конхобар дал младенцу имя Сетанта и повелел считать его сыном лорда Суалтима, чтобы не запятнать честь мужа Дехтире. Конхобар оставил ребенка на попечении матери вдали от королевской крепости Эмейн Махе, пока он не достигнет возраста, пригодного для начала воинского обучения.

А некоторые сказители рассказывают другой вариант этой истории. Короткая, полная приключений жизнь Кухулина указывает на то, что он был связан с миром, включающим в себя не только обычный пейзаж — поля, луга и крепости. На ранних этапах творения границы между обычным миром людей и остальными измерениями были достаточно прозрачны. Обыкновенный мир деревьев, скал и облаков, где время текло размеренно, подчиняясь движению солнца, был открыт для волшебства и странных созданий, подвижных законами, недоступными обычным смертным.

Пути перехода в другие миры были иллюзорны и всегда изменчивы: любые границы мира смертных в любом месте могли стать воротами в страну чудес. Обычные ворота, ведущие на пастбище, ко-

торыми пользовались ежедневно, в один прекрасный день могли вдруг открыться в волшебную страну бушующего моря, тянущегося в бесконечность и усеянного островами, где обитали чудовища, или холмистых равнин, где маршировали молчаливые воины.

День ото дня те, кто трудился на травянистых холмах Ирландии, видели вокруг привычные склоны гор, но с наступлением ночи знакомые очертания сменялись на другие — сверкающие колдовские земли, населенные светоносными представителями Маленького Народца, который, как известно, обитал в недрах холмов. Курган в Кроахане скрывал крепость воинов королевы Мейв. В ночь Самайн, кельтскую ночь смерти, которая отмечала переход от лета к зиме, странные создания выходили из кургана. Гоблины выползали наружу, появлялись алые птицы и трехглавые стервятники. Люди старались отсиживаться по домам, не испытывая желания встречаться с враждебными существами, обычно находящимися за рамками их бытия.

Герои вели себя иначе: они могли пересекать границы необычного. Герои отличались не только необычностью своего рождения, но также и тем, как проходило их детство. Чтобы избежать риска и опасностей, юных героев, таких, как Кухулин, скрывали и тщательно охраняли, пока они были беспомощны. Например, юный герой Финн Мак Кумал был спрятан от ирландских воинов, которые убили его отца и захватили его наследство. Сын Финна Ойзин был вскормлен в горной долине оле-

нем (стр. 8). Значительно позже Мерлин Чудотворец с помощью волшебства скрывал юного короля Артура, пока тот не стал достаточно взрослым.

Когда приходило время и юноши выросли, они покидали свое убежище и приобщались к миру взрослых воинов. Они обучались воинскому искусству, получали оружие и имена, данные им за личные качества, которые они обнаруживали, завоевывая законное место в мире взрослых. Обычно это происходило, когда герои были совсем юными. Кухулину было только семь лет, он все еще носил свое детское имя — Сетанта, когда покинул материнский дом. Так случилось, что в детстве он много слышал о королевском дворе в Эмейн Махе. Он слышал о крепостях и воинах Красной Ветви, слышал о юношах, обучающихся воинскому искусству, прежде чем присоединиться к свите короля Конхобара. Барды пели о короле: «В манере одеваться, в силе, ловкости и стати, в изяществе манер и учтивости речей, в мудрости и владении оружием, красоте и благородстве в мире равных Конхобару нет».

И вдохновленный этим великолепным образом короля, который к тому же приходился ему дядей, Сетанта рос не по дням, а по часам. Забросив игрушечное оружие, Сетанта умолял Дехтире отправиться в Эмейн Махе. Но она лишь улыбалась и отвечала, что он еще слишком молод для такого долгого пути, но пообещала, что когда появится надежный рыцарь,

она отправит мальчика под его опекой к королевскому двору.

Но нетерпеливый Сетанта ждать не стал. Узнав, где находится Эмейн Махе, он отправился в одиночку испытывать судьбу, запасшись лишь небольшим дротиком, палкой и мячом. Палка и мяч предназначались для игры, напоминающей хоккей, — любимой игры маленьких воинов, которая развивала силу мышц, координацию и ловкость. Ловкость Сетанты была поразительна. Впоследствии рассказывали, что он весь долгий путь — многие мили ульстерских вересковых пустошей и чащ, — забавлялся тем, что подбрасывал палку, дротик и мяч и старался поймать их прежде, чем они коснутся земли.

Правда это или нет, но одно можно сказать уверенно: во время всего путешествия мальчик держался как настоящий мужчина. Стража у ворот крепости Конхобара не обратила внимания на семилетнего мальчика. Он беспрепятственно бродил среди праздных солдат и трудового люда, пока не нашел поле, называемое Ребачьим Домом, на котором тренировались юные придворные.

С шумом и выкриками группа ребят гоняла мяч по грязному полю. Не колеблясь ни секунды, Сетанта вступил в игру и подхватил мяч; проворный и неутомимый, он обвел всех игроков и забил гол, а затем забил еще несколько голов, обыгрывая ребят намного старше себя.

«Невежа», — сказал один. «Дурное воспитание», — подхватил другой. «Бродяги не имеют права присоединяться к нам», — сжав кулаки, ребята окружили Сетанту. Несколько бит полетели в прищельца.

Волшебный дар

Герои были людьми, но все же несколько превосходили обычных людей. Они отваживались совершать подвиги за пределами земного мира и добивались большего, чем простые смертные. Так происходило и на севере, где жили и сражались ирландские герои, так было и на островах солнечной Греции, где некогда жил Персей, герой, который сумел исполнить смертельно опасный подвиг, на который был послан царем, жаждавшим погубить его.

От Персея потребовали принести голову Медузы. Задание казалось совершенно невозможным, поскольку от одного взгляда Медузы, чудовищной Горгоны, люди превращались в камень.

Но боги Персею дали все, что необходимо для успеха. Афина, богиня мудрости, дала ему свой зеркальный щит, а Гермес, вестник богов, — меч. Более того, Гермес отнес юного героя в Гиперборею, землю Северного Ветра, где нимфы подарили Персею крылатые сандалии, дающие способность летать, и шлем, надев который воин становился невидимым.

И вот, паря как птица, стремительный как вихрь, Персей проник в обиталище Горгон. Заслышав шум крыльев, чудовище с волосами-змеями пробудилось. Но Персей, предупрежденный богами, избегал прямого взгляда и смотрел только на отражение в зеркальном щите. Улучив момент, когда Медуза, успокоясь, легла рядом со своими сестрами, герой обезглавил чудовище.

С головой Медузы, надежно упрятанной в шлем, герой прилетел на родной остров. Царя, как всегда, окружали придворные, но Персей нашел возможность отомстить. Он вытащил страшную голову Медузы из волшебного шлема и приблизил к лицу царя. Даже мертвая, Горгона не утратила волшебной силы. Царь окаменел...

Сетанта ловко уклонился и бросился на своих обидчиков. Яростно крича, он, окруженный мальчишками постарше, наносил удары и пинки до тех пор, пока не поверг всех на землю. На шум прибежал стражник и остановил драку. Старших мальчишек оставили продолжать тренировку под бдительным оком оружейника, а Сетанту, в испачканной и разорванной тунике, доставили к Конхобару. Детский отчаянный задор произвел впечатление на короля. Мягким, любезным голосом Конхобар поинтересовался, откуда и от кого он прибыл.

Когда Конхобар узнал имя мальчика и его род, то приветствовал Сетанту как собственное дитя и сразу же приказал зачислить его в отряд, в котором ребята совершенствовались в воинских искусствах и навыках. Конечно же, Конхобар вспомнил о предсказании — о том, что Сетанту станут восхвалять колесничие и воины, что все будут любить его, опору трона, отмстителя обидчикам короля и верного королевского заступника в битвах. Лучших наставников назначил Конхобар мальчику: Сенху, верховного судью Ульстера, Амергина, поэта, Блая, лорд-маршала, и Фергуса, главного советника короля. Наставники полюбили мальчика и прекрасно его обучали.

В течение какого-то времени жизнь Сетанты мало чем отличалась от жизни других юных дворян. Каждый день в Эмейн Махе он упражнялся с копьем и дротиком, мечом и кинжалом, секирой и пращей, луком и стрелами. Мальчиков учили ухаживать за лошадьми и управлять колесницей.

Кельты в те времена достигли такого мастерства в боевом применении колесниц, что внушали страх всем врагам, включая самых сильных и знаменитых. Военачальник и философ Юлий Цезарь писал: «Ежедневными тренировками они достигли такого мастерства, что даже на крутом склоне могли мгновенно повернуть скачущего галопом коня. Их колесницы пролетали по полям сражений, наступая, разворачиваясь и отступая с быстротой молнии».

Юный Сетанта рос сильным и ловким. Раньше всех других он показал себя настоящим воином и получил взрослое имя и боевое оружие.

Взрослое имя было определено его поступками. В те времена кузнецы-оружейники были уважаемы всеми, включая короля; и когда Куланн, самый известный кузнец Ульстера, пригласил короля Конхобара на пир, король с удовольствием принял приглашение. Он предложил Сетанте — этому оперяющемуся птенцу, которым гордился, — присоединиться к ним, как только он закончит ежедневную тренировку.

Когда вечерний свет начал угасать и тени пересекали игровое поле, а юноши вернулись в свои казармы, Сетанта отправился в дом кузнеца. Шел он около часа, по привычке бросая перед собой золотой мяч, и наконец достиг высокого частокола, которым был обнесен дом кузнеца Куланна.

Ворота были заперты на железную задвижку. Забыв о том, что должен прийти мальчик, Куланн приказал запереть ворота (продолжение на стр. 21),

Происхождение чудес

В сказаниях о героях часто фигурировали деяния волшебников, как, например, в случае с Финном Мак Кумалом и его сыном. Финн был предводителем воинов Финны — отряда, который защищал ирландские берега от захватчиков. В мирное время его воины развлекались охотой, разъезжая со сворой злых собак по ирландским холмам или глубоким зеленым лощинам. Как-то раз в конце дня, когда воины уже возвращались в крепость Финна на Лейнстерском холме, на дороге показался олененок. Увидев воинов, он бросился наутек. За ним кинулась свора собак, но олененок был так резв, что только собакам Финна удалось его догнать. Тогда олененок оглянулся, как будто стараясь понять, что за человек его настиг, а затем остановился и лег на землю.

Финн, сидя на лошади, наблюдал, как его гончие, Бранд и Скалон, обнюхали существо и вместо того, чтобы растерзать, легли рядом. А когда Финн и его охотники направились к крепости, олененок побежал за ними.

Вечером воины веселились в замке Финна. Между пирующими лениво слонялись собаки, подбирая объедки с пола; и олененок свободно бродил по залу, разглядывая Финна нежными карими глазами. Наконец, когда факелы догорели и воины уснули, зверек улегся как собачонка у ног Финна. Он улыбнулся — и олененок вдруг исчез. На

его месте стояла женщина, прекрасная, как цветок. Она заговорила голосом, подобным шепоту ветерка, и объяснила, что она — из другого мира, сокрытого под холмами Ирландии. Колдун превратил ее в олененка, бессловесное и беззащитное существо, когда она отвергла его любовь. Колдун держал ее в заточении и так жестоко с ней обращался, что один из рабов сжалился над ней и указал путь к крепости Финна, над которой не властны чары колдуна.

Финн слушал и любовался ею; и той же ночью красавица отдалась ему. Финн понял, что без нее жить не сможет. Но поскольку она не могла покидать крепость, оставался с ней: так сильна была его любовь, что ради нее пожертвовал он охотой и сражениями. Воины роптали, но влюбленный Финн не хотел ничего слышать.

Но настал день, когда Финну пришлось оставить жену. На берега Ирландии напали захватчики, и честь требовала, чтобы Финн возглавил воинов Фианны, а

жена оставалась одна в безопасной крепости на холме Айлина.

Когда же семь дней спустя он вернулся с победой в свою крепость, жена его исчезла. Взволнованные слуги рассказывали, что вскоре после того, как Финн уехал, человек, похожий на него как две капли воды и даже с такими же собаками, въехал в ворота крепости. Жена Финна радостно бросилась ему навстречу, ликуя. Но как только она пересту-

пила порог крепости, человек, который, конечно, не был Финном, прикоснулся к ней ореховой ветвью — и вновь на ее месте стоял олененок, которого незнакомец увел с собой. Так хитростью колдун снова завладел женщиной. Финн затосковал, а его воины шептались о колдовстве и не знали, как ему помочь. Наконец их предводитель вышел из своих покоев посуровевший и опечаленный и вместе со своими людьми отправился на поиски.

Семь лет продолжались поиски: найти колдуна оказалось не так-то просто, и воины не нашли ни малейшего следа, указывающего на присутствие женщины-олenenка. Жизнь постепенно вошла в прежнее русло: Финн и воины продолжали сражаться и охотиться.

Финн никогда не говорил более о своей исчезнувшей жене, но когда он оставался один, воспоминания продолжали терзать его. Однажды осенним утром Финн охотился со своими воинами на склонах горы Бенбулбен. Внезапно его внимание привлек лай собак. Оказалось, что Бран и Скалон защищали от остальной собачьей своры ребенка. Финн отозвал собак и увидел мальчика, в лохмотьях, со всклокоченными волосами. Мальчик походил на его уменьшенную копию. Мак Кумал взял мальчика с собой в цитадель и долгие месяцы не спускал его с рук, лаская и успокаивая. Ребенок и впрямь нуждался в ласке, ведь он был так же дик, как лесные жители. Да к тому же Финн не сомневался, что ребенок приходится ему сыном. Когда же он научился говорить, то поведал Финну свою историю.

Вот то, что рассказал мальчик: он рос в глубоком ущелье в горах вместе с оленем. Время от времени в их горной тюрьме появлялся какой-то человек и разговаривал с оленем о чем-то непонятном мальчику. Этот человек приходил много раз в течение долгих лет, но наконец однажды он дотронулся до оленя ореховой веткой — и ведомый магией олень ушел с ним из долины, бросив на мальчика долгий взгляд нежных карих глаз. Мальчик разрыдался и провалился во мглу, а когда он очнулся, то был окружен собаками Финна.

Финн понял, что его жена была как пленница уведена в другой мир, но оставила здесь сына. Больше Финн никогда не видел своей жены. Но мальчик вырос в могучего и справедливого героя Фианны и был прославлен в песнях и легендах. Впоследствии мальчик самостоятельно отправился в другой мир. Прозвали его Ойзином, что означает «оленок».

чтобы избежать опасностей, таящихся в ночи. Из-за стен дома кузнеца доносились голоса: в зале пировала веселая компания. Мальчик был один в надвигающихся сумерках.

Вдруг он заметил движение у ворот. Огромный мастиф — собака, специально выращенная для охраны, — медленно поднялся с земли. Его глаза поблескивали, шерсть стояла дыбом, а из пасти доносилось глухое рычание. Собака была на ночь спущена с цепи. Сетанта замер и покрепче стиснул мяч, не имея ни малейшего желания быть растерзанным собакой. Собака мчалась к нему, рыча, как гончая ада. Мальчик видел страшные клыки, чувствовал горячее дыхание и решил действовать без промедления.

Он бросил тяжелый мяч в пасть чудовищу. Собака не могла укусить — золотой мяч застрял в пасти. Сетанта выдернул руку из пасти чудовища и, схватив мастифа за ноги, бросил его на землю. Потом подхватил обломок скалы и бил им пса по голове вновь и вновь, пока тело не прекратило дергаться.

Отдышавшись, Сетанта встал на ноги и оказался лицом к лицу с высоким мужчиной, который вышел из ворот, заслышав шум. Это был его дядя, король Конхобар. Рядом с ним стоял кузнец, мрачный, с плотно сжатыми губами.

«Мальчик, — сказал кузнец медленно, — я не могу приветствовать тебя. Ты убил собаку, которая охраняла мои земли и дом. Никакой другой пес не может заменить его; и без этого существа

все, что я имею, под угрозой». И он отвернулся от мальчика.

Но тут мальчик проявил мудрость. Он сказал кузнецу, что если есть щенок подходящей породы, то он воспитает его, а до этого — сам готов охранять дом кузнеца.

«Благородное предложение», — прокомментировал король.

Сетанте не позволили выполнять работу собаки-сторожа, поскольку он был родственником короля, но за свое благородство он получил имя. Королевский колдун и мудрец Катхбад дал ему имя, которое демонстрировало дух, проявленный мальчиком. Имя это было Кухулин, что означает «Пес Куланна».

Это был тот самый Катхбад, который спустя некоторое время подсказал Кухулину, что уже можно просить взрослое оружие. Катхбад был одним из учителей Кухулина, и на вопрос того, можно ли получить взрослое оружие прямо сегодня, ответил, что получивший оружие в этот день станет знаменитейшим человеком в Ирландии, но его жизнь оборвется рано.

Юный Кухулин, мечтавший о славе героя, не мог упустить такого шанса. Если его имя будет покрыто славой, то не имеет значения, как быстро оборвется его жизнь. Он потребовал от своего дяди выдать ему взрослое оружие и получил собственное копье Конхобара, щит и меч взамен прежних, слишком хрупких для его сильных рук. И король отдал ему свою собственную колесницу и возничего по имени Лоег, который оставался с ним до самой последней битвы.

На этом детство закончилось. Теперь Кухулину необходимо было утвердить себя среди взрослых. Овладев воинскими искусствами, готовый к сражениям, он, выученик самых мудрых и отважных наставников Конхобара, был готов принять боевое крещение. И скоро пришел час его первой битвы. Кухулин пересек Ульстер в погоне за тремя братьями, совершавшими опустошительные набеги. Когда он, разгоряченный битвой, вернулся в Эмейн Махе, его боевую колесницу украшали три окровавленные головы.

Возвращаться из сражения с подобными трофеями было знаком триумфа. Кельтские воины верили, что в головах сосредоточены дух и сила, и собирали головы поверженных врагов. Черепа побежденных хранились в специальных нишах домов и кельтских храмов, как бы оберегая живущих, передавая им свою силу.

«Они отрубают головы врагов, поверженных в битвах, и вешают их на шеи своим коням, — писал римский историк Диодор Сикулос о кельтах. — А головы сильнейших своих врагов они бальзамируют кедровым маслом и с гордостью показывают их иностранцам».

Слава Кухулина возрастала с числом его трофеев; вскоре его называли отважнейшим и прекраснейшим из ирландских воинов. И все же его обучение еще не было окончено.

Подчиняясь своей судьбе, он пошел путем героев. Как и другие до и после него, он посетил мир, именуемый Альбой (стр. 35), где женщина-воин по имени Скафах обучала его магическому искусству, которое

было известно только величайшим: рассказывали, что после Альбы он мог из своего горла испускать раскаты грома, танцевать на острие копья или же разрубать врагов щитом. Он научился владеть *гае болга* — особым победоносным копьем, использовать которое можно лишь в крайнем случае; зазубренный наконечник этого копья разрывал вражескую плоть в клочья. Там же, в Альбе, он стал отцом, хотя сын не принес ему ничего, кроме скорби. Когда же он снова вернулся в Ирландию, то завоевал самую прекрасную девушку — Эмер Волшебную, которая стала его женой.

Но все это было лишь приготовлением к битве, в которой и родилась его подлинная слава. Она разгорелась вскоре после того, как Кухулин стал королевским рыцарем. А предшествовало ей вот что.

Мир между пятью ирландскими королевствами всегда был непрочным: Ульстер на севере, Коннахт на западе, Ленстер на востоке и два Мунстера — западный и восточный — в южной части острова. Ульстер был сильнейшим из пяти королевств. Ведь его королем был Конхобар, а героем-богатырем — Кухулин. Но враги Ульстера были повсюду.

И главным врагом была Мейв — королева Коннахта, правящая страной из своего дворца с бронзовыми колоннами в цитадели на холме Круачан. Светловолосая королева Мейв не имела права на власть: по законам Коннахта женщина не могла править, но королева к тому же была храбрым воином и, по слухам, колдуньей. Железной рукой она управляла своим мужем по имени Айлилл.

Прекрасная, но злобная Мейв из Коннахта, королева-воин, которая посылала неисчислимые рати, чтобы завоевать Ульстер и захватить волшебного Кулейского быка.

Она держала своих любовников прямо во дворце, но Айлилл никогда не требовал от нее объяснений.

Тем не менее однажды утром, когда супруги лежали в постели, Айлилл оскорбил жену.

— У хорошего человека — хорошая жена, — произнес он задумчиво.

— Верно, — ответила Мейв, — а что натолкнуло тебя на эту мысль? — Сейчас ты стала лучше, чем когда я женился на тебе, — сказал Айлилл.

На несколько минут воцарилось напряженное молчание.

— Я была гораздо лучше, когда не знала тебя, — фыркнула Мейв.

Итак, начался спор между мужем и женой, впоследствии унесший жизни тысяч лучших ирландских воинов. Мейв и Айлилл стали решать, кто из них богаче. Они сравнивали принадлежащие каждому драгоценности, шелка, стаи птиц и стада животных и вскоре дошли даже до кастрюль, корзин и кувшинов. Но их богатство оказалось равным.

Одного не имела Мейв. У Айлилла был белый бык Финнбенаха. По силе и свирепости он не имел равных во всей Ирландии, за одним исключением: в Ульстере, в Кулее обитал Донн — могучий коричневый бык, превосходивший по силе Финнбенаха. Мейв решила завладеть Кулейским Донном, чтобы доказать свое превосходство над мужем.

Так началась эта история. Но дело заключалось еще и вот в чем: оба этих быка не были просто

животными, и Мейв связалась с вещами, которые лежали вне пределов ее понимания. Оба этих животных были царями среди быков, защитниками людей и стад. Говорили даже, что когда-то они были людьми. Белый был когда-то мистическим принцем Коннахта, представителем Маленького Народца, а коричневый принадлежал к Маленькому Народцу Мунстера. Они яростно соперничали между собой, и именно ярость стала менять их облик.

Сперва они превратились в воронов — предвестников войны. Потом в водяных чудовищах, пожирающих друг друга. В конце концов в обличье водяных змей они были проглочены коровами, которые впоследствии произвели на свет двух лучших быков Ирландии — Финнбенаха и Донна Кулейского. Когда эти волшебные животные находились в разных провинциях — страна процветала. А значит, задуманное Мейв грозило разорением всем: когда повелители быков начинали драку, в стране воцарялись смерть и опустошения. Но гордость затмила разум Мейв. Она решила завладеть Донном Кулейским.

Она вызвала из небытия призраки воинов и нашла союзников среди живых. Вскоре равнина вокруг Круачана покрылась тысячей костров. Семеро сыновей Мейв пребывали в коннахтских войсках. К ним присоединились король Ланстера и король Мунстера со своими людьми. Среди них был Фергус — названный отец Кухулина и Кормак — сын Конхобара. Два года назад они покинули Ульстер и направились на службу к Мейв, потому что не могли про-

стить Конхобару бесчестный поступок (стр. 56). Они любили свою страну, но тем не менее согласились сражаться против нее. Еще там был Фердиад — прекрасный воин Коннахта, тренировавшийся вместе с Кухулином в Альбе. Жители разных провинций, они тем не менее являлись названными братьями, поскольку оба посещали другой мир.

Мейв спросила ведунью из Маленького Народца о судьбе своих дружин; и та поведала, что видела окровавленные тела воинов. Но Мейв пренебрегла предсказанием, так как знала, что на мужчинах Ульстера лежит проклятье: несколько поколений назад пьяные всадники-ульстерцы погнались за молодой колдуньей, находящейся на последнем месяце беременности. Погоня закончилась у подножия холма, на котором впоследствии была построена крепость Конхобара. Женщина опередила всадников и там, на холме, прямо на виду у глумящихся воинов, родила двойню. Женщину звали Махе; благодаря ей холм и получил свое название — Эмейн Махе, что в переводе означает «двойня Махи». В предсмертной агонии, мучимая стыдом, Махе наложила на мужчин Ульстера проклятие: в девяти поколениях, как только враг устремится на землю Ульстера, все воины, юноши, мужчины и старики, будут слабы и беззащитны, как дети, а значит, не смогут защитить Ульстер от вторжения.

Как раз сейчас в крепости Эмейн Махе Конхобар и его воины лежали, не способные сражаться и даже ходить. У Мейв были шпионы, которые донесли ей об этом. И она

выступила со своими войсками из Коннахта к границам Ульстера.

Но Мейв не учла нескольких вещей: во-первых, Фергус, о котором поговаривали, что он был ее любовником, не предал родную землю, а послал предупреждение о планах Мейв своему приемному сыну Кухулину. Второе — сам Кухулин: ведь его отцом был отнюдь не житель Ульстера, а бог солнца Луг. Поэтому его не коснулось проклятье Махи. Кроме Кухулина проклятье не затронуло и его возницу Лоега, рожденного в другом королевстве.

Итак, армии Мейв двигались на северо-восток, пока не достигли места под названием Арткулин, неподалеку от Ульстера. Большой каменный столб отмечал границу. Неподалеку от него рос дуб, на котором было вырезано имя Кухулина и предупреждение Фергусу и остальным ульстерцам, состоящим на службе у Мейв, в котором говорилось, что тот, кто этой ночью пересечет границу, на восходе расстанется с жизнью.

Этой ночью войска не перешли границу. Ночь была снежной и темной, но за ней последовал морозный солнечный день, и захватчики вступили на землю Ульстера. Вперед были отправлены разведчики — двое молодых воинов на колесницах.

Вскоре воины Мейв увидели еще один дуб, чернеющий среди снега. Все ветви, за исключением четырех, были срублены, а на каждой из оставшихся была насажена отрубленная голова разведчиков или возниц. Убийцы нигде не было видно, но всем стало ясно, что Ульстер тоже способен защищаться. Фергус пытался отговорить Мейв, но она и слушать не

захотела, так как была уверена, что воины Конхобара не в силах даже встать с постели. Она не обратила внимания на смертельное предупреждение Кухулина — Гончей Ульстера.

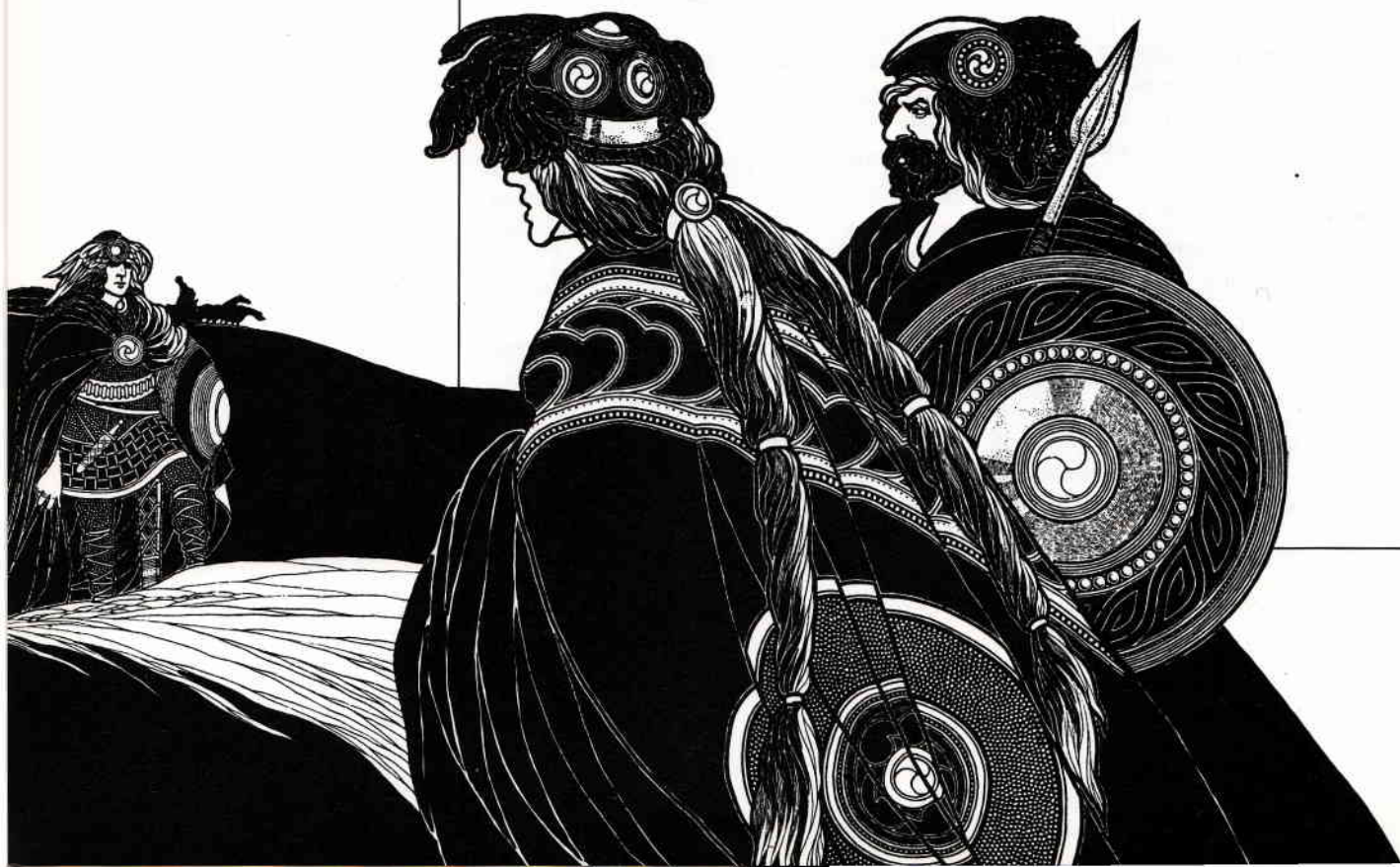
Начался грабеж. Армия Мейв была перегружена снаряжением и провизией, а значит, не могла быстро двигаться. Особенно тяжелы для воинов были ночи. Воины были истощены утомительными маршами по заснеженным долинам, лесным опушкам или берегам рек. В этой странной стране дни истощали, но и ночи не давали желанного покоя, — ведь ужас преследовал людей Мейв. Услышав доносившиеся из темноты бряцанье сбруи или скрип колесничных колес, захватчики еще не успевали опомниться, как оказывались лицом к лицу с Кухулином. Меч Кухулина разил наповал. И на рассвете воины обнаруживали отсеченные головы своих товарищей, насаженные на ветви деревьев.

Однажды ночью Кухулин с боевым кличем напал на вражеский лагерь. Он был хорошо виден в ярком свете лагерных костров: широко рас-

ставив ноги, он стоял на колеснице, прикрываясь большим щитом, сжимая в руке копье. Рядом с ним стоял Лоег, направляя лошадей по безупречному кругу, вырубаемому в толпе Кухулином.

Ярость красной пеленой застилала глаза героя. Весь он так и горел отвагой. Он сражался в одиночку против многих, словно воплощенный бог войны; дружинники Мейв гибли сотнями. Рассказывали о странном изменении, которое произошло с Кухулином. Его волосы, — шептались воины, — встали дыбом, один глаз прищурился так, что стал практически незаметен, зато другой разросся почти на пол-лица, так что богатырь стал похож на скандинавского бога войны Одина. Рот Кухулина растянулся, обнажив зубы. Тело его дрожало, как дерево под ураганным ветром.

Сотнями погибали воины Мейв. И смерть подбиралась все ближе к ней самой, стоящей в колеснице в

окружении рыцарей. Во время одной из атак железный шар, брошенный из колесницы Кухулина, убил золотую птицу, сидевшую на плече королевы.

Наконец, после четырех ночей кровопролития, она остановила и без того медленное продвижение своих войск и послала герольдов, чтобы договориться с Кухулином. Герольды были в безопасности: Кухулин бы не тронул парламентаров или других безоружных людей. Они нашли его и Лоега неподалеку от брода через реку Ди. Предложение Мейв только рассмешило Кухулина: она обещала ему большую награду, в случае если он перейдет на ее сторону. Но он сказал, что если она или Фергус пожелают с ним встретиться, то он их выслушает. И в самом деле, со своим названным отцом Фергусом Кухулин достиг соглашения: Ульстерский герой так и будет оставаться около брода. И каждый день Мейв будет посылать ему одного из своих рыцарей, чтобы тот сразился с ним в честном поединке. Если победит рыцарь Мейв, то ее армии будут продвигаться в глубь королевства, пока Кухулин не оправится после поражения. А в дни, когда будет побеждать Кухулин, армия должна оставаться на месте.

Соглашение это не было слишком необычно. Случалось, что воины скрещивали оружие, выкрикивая насмешки и ругательства под аккомпанемент драконоголосых труб, называемых каринксами. Иногда случалось и так, что воины враждующих сторон договаривались о поединке, чтобы определить победителя и сберечь жизни многих

воинов. Тогда шум битвы стихал и все внимание обращалось на этот поединок. Особенно популярны были поединки в эпоху героев. Как заметила Мейв: «Лучше терять одного воина ежедневно, чем сотни ежедневно».

И так день за днем Мейв выставляла нового рыцаря против Кухулина — и день за днем ее витязи гибли. И пока они сражались, Мейв послала отряд на север, чтобы захватить Донна и доставить его прямо в ее лагерь. Но никто не смог пройти мимо Кухулина, стерегущего брод.

Люди шептались, что Мори́га, богиня войны, вестница смерти, пламенноволосяя, в алом платье, пришла ночью в шатер героя, но Кухулин отверг ее. Желая отомстить, она приняла облик угря и во время битвы обвила его ноги, когда он переходил брод. Кухулин наступил на тварь — и она ослепла.

Говорили, что в конце концов, потеряв терпение, Мейв послала вместо одного шестерых воинов, но Кухулин одолел всех. Также говорят, что когда Кухулин начал уставать после нескольких недель бесконечных сражений и ослаб от ран, его отец, бог солнца Луг, отправил героя на три дня отдыхать и набираться сил, а сам принял его облик и продолжал сражаться.

Названный отец Кухулина Фергус и его названный брат Фердиад, хотя и сражались в армии Мейв, все же любили Кухулина всем сердцем и не желали его гибели.

Чтобы остановить истребление своей армии, Мейв и Фергус договорились с Кухулином о том, что если он будет побеждать каждый день одного из ее рыцарей, то ее армия будет оставаться на месте.

В своей колеснице, с мечом в руке, Фергус Мак Рой отправился на встречу с Кухулином, а над головой его кружили черные вороны — священные птицы богов войны.

Тогда Мейв послала на переговоры Фергуса. Утром он приехал к броду и остановил свою колесницу на берегу. Оставив лошадей, Фергус обратился к своему приемному сыну:

«Ради всего, что я сделал для тебя, открой для нас путь на один день», — взмолился Фергус.

Но Кухулин отказался.

Тогда Фергус сказал: «Даю тебе слово, что если сегодня ты нас пропустишь, то во время генерального сражения я брошусь бежать от тебя, и армии Мейв побегут вслед за мной». И Кухулин нехотя пропустил названного отца. В тот день армии Мейв вторглись в Ульстер, разоряя и сжигая все на своем пути.

С Фердиадом дело обстояло иначе. Этот молодой человек — славнейший из воинов Мейв, обучавшийся вместе с Кухулином, наконец отказался сражаться с другом своей юности. Отказался он и тогда, когда Мейв предлагала ему почести и богатство. И когда она предложила ему свою дочь в жены, он не изменил решения. И Мейв поклялась, что созовет всех бардов Ирландии и заставит их петь о трусости Фердиада, отступившего перед Кухулином. После этого Фердиад отказаться не мог: задета была его честь.

На рассвете следующего дня Фердиад вооружился, направился к броду и стал ждать на южном берегу Кухулина. Луч солнца еще не успел коснуться водной глади, как появился Кухулин со своим другом Лоегом. Золотистые волосы Кухулина сияли на солнце, совсем

как в детстве. Глаза его были мутны от усталости, однако он улыбнулся своему старому другу и сказал: «Мы всегда сражались вместе, ибо не было нам равных ни в умении, ни в доблести. Мы были как братья. И прошу тебя, давай не будем вступать в поединок». Еще он рассказал о коварстве Мейв и повторил, что друзья не должны сражаться.

Фердиад ответил: «К чему слова? Каким оружием будем сражаться?» Огорченный возница Фердиада отвернулся.

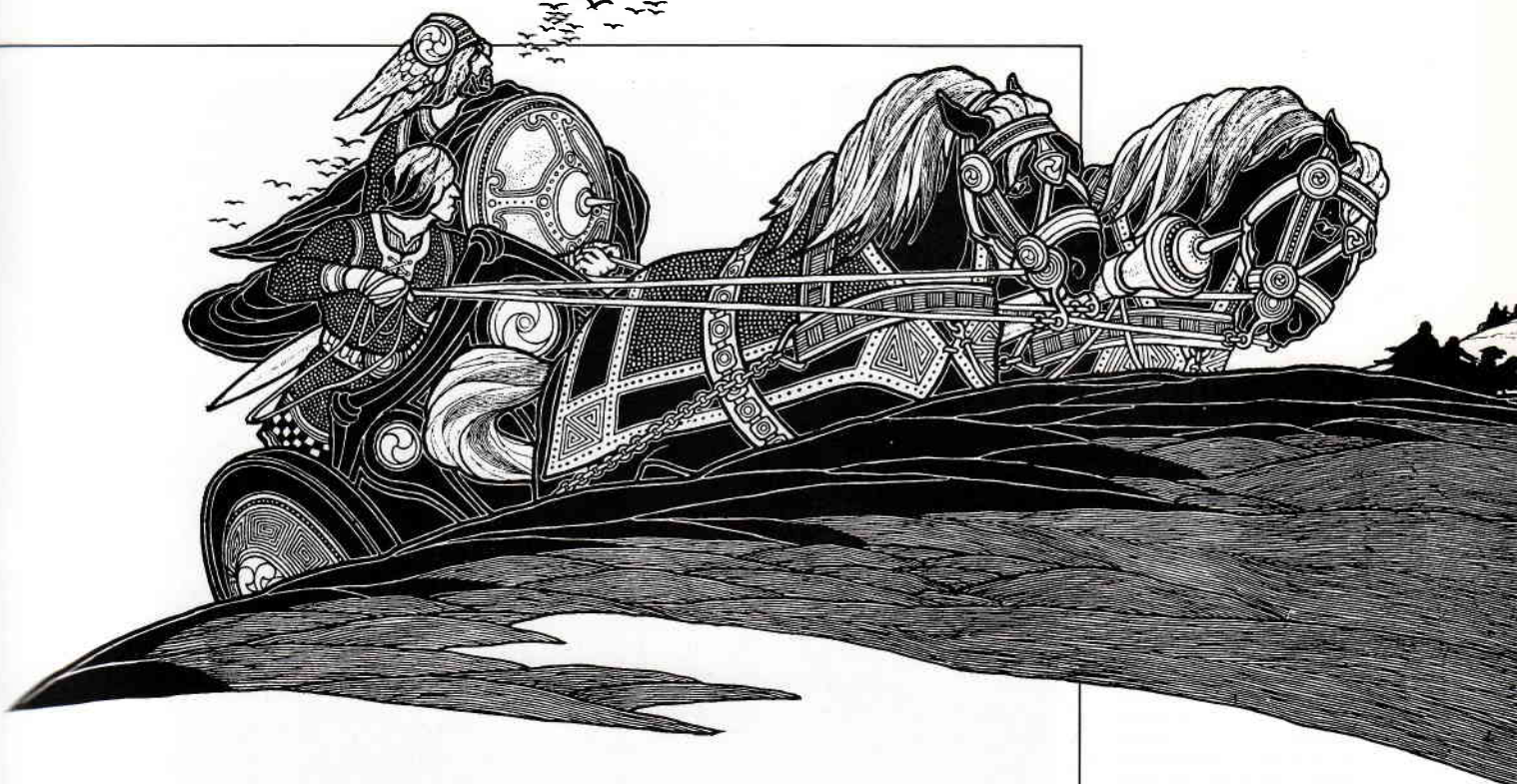
Кухулин снова улыбнулся и сказал: «Что же, раз ты первым пришел к броду, значит, за тобой и выбор оружия».

Фердиад выбрал дротики. Итак, каждый взял щит и дротики с рукоятками из слоновой кости — по восемь на каждого. Они сражались на колесницах, делая обманные движения и уклоняясь от ударов. Они сражались все утро, но ни один так и не ранил другого.

И когда солнце поднялось уже достаточно высоко, Фердиад сказал: «Дротики — это не подходящее оружие для нашего поединка». Кухулин не возражал, и они выбрали тяжелые длинные копья. И к вечеру оба были ранены.

Когда наконец стемнело, Фердиад и Кухулин отдали копья возницам и прервали поединок. Этой ночью они отправили лошадей пастись в один загон, сделанный из срубленных веток, а возницы их грелись у одного костра.

Сами же молодые воины ужинали и разговаривали, как старые добрые друзья.

Следующий день прошел так же, как и предыдущий. Сначала они сражались на копьях, а потом перешли на мечи и ранили друг друга, так что кровь застилала им глаза. Богатыри уже падали от усталости, но все же продолжали рубиться.

К концу третьего дня они разошлись по разным берегам реки, пожелав, однако, друг другу спокойной ночи. И каждый из них на своем берегу одиноко смотрел на молчаливые звезды.

Утро следующего дня выдалось ясным и было наполнено пением птиц. Фердиад облачился в железные доспехи. Шлем его был изукрашен карбункулами и самоцветами. В руке он сжимал меч, а за спиной его был прикреплен щит.

Перейдя брод, он направился на встречу Кухулину — своему другу и врагу.

И сказал ульстерский богатырь Лоегу, своему колесничему: «Сегодня мы будем сражаться пешком. Ругай меня, если я начну уставать, ярость придаст мне сил». Лоег согласился.

Покрепче привязав щиты, все утро сражались герои на речном мелководье, щит к щиту, нанося и отражая удары. И вот Фердиад нанес Кухулину удар, сбив его с ног.

Кухулин попытался встать, — но вновь оказался повержен...

«Кухулин — трус, — прошипел верный Лоег с берега реки. — Щенок, зачем полез ты в битву?!»

Кухулин, услышав бранные слова, уже через мгновение оказался

Злобные уловки, которые ни к чему не привели

День за днем во время войны за Донна Кулейского, Кухулин, герой из Ульстера, поражал Коннахтских богатырей в честном поединке около брода через реку Ди. Но королева Коннахта задумала бесчестную уловку: она послала воина по имени Калотин, чтобы сразиться с отважным рыцарем. Вместе с Калотином отправились двадцать восемь его сыновей. Говорили, что все двадцать девять мужчин были как один чудовищный воин с двадцатью девятью головами — так умело и слаженно они действовали. С рассвета до заката сражался Кухулин: то копьем, то мечом, то боевым топором. Гибель героя казалась неизбежной: ведь с ним сражалась целая армия опытных воинов. В момент, когда смерть подступала особенно близко, ярость придавала ему силу: вспоминал герой, что сражается с предателем, перешедшим на сторону Коннахта. И он с удвоенными силами бросался в бой. В конце концов Кухулин убил Калотина и всех его сыновей, взяв их головы в качестве трофея. В тот день битва была выиграна. Но у Калотина была еще жена и дети, порожденные ею отворотительные создания, которых она использовала в качестве орудия мести убийце мужа.

на ногах. Вокруг его головы появился сияющий ореол. Воины, наблюдавшие за поединком, позже рассказывали, что слышали какие-то дикие звуки, будто голоса воронов со всего Ульстера слились в едином крике, полном жажды убийства.

Фердиад взмахнул мечом — и клинок, скользнув по щиту Кухулина, распорол ему бок; вода окрасилась в алый цвет. В глазах Кухулина вспыхнули безумные огни. Он приказал Лоегу, ждавшему на берегу, подать ему гае болгу — самое смертоносное зазубренное копье из всех, которым может обладать человек.

Фердиад, услышав звук летящего копья, развернулся и попытался прикрыться щитом, но не успел. Копье, брошенное рукой Кухулина, скользнуло по ободу щита и, пробив нагрудник, вошло в тело и пронзило витязя насквозь.

«Я умираю, — простонал Фердиад, — умираю, и это на твоей совести, Кухулин». Кровавая пена хлынула изо рта. Витязь выронил щит и упал лицом вниз.

Подхватил Кухулин тело друга и перенес на северный берег реки, чтобы Фердиад мог умереть на Ульстерской земле, а не среди армии Мейв.

Спел он для Фердиада погребальную песнь. «Все битвы, — пел Кухулин, — были шутками и насмешками по сравнению с битвою друзей. Велик и могуч, как гора, был Фердиад, — пел он, — а теперь стал меньше тени...» И вся ярость улетучилась,

пока на речном берегу, возле бездыханного тела, воспевал и оплакивал Кухулин своего друга. И когда спустя некоторое время Лоег увез его прочь, Кухулин даже не заметил этого...

А тем временем кончилось проклятие Махи. Ульстерцы поднялись на защиту своего края, преграждая путь армии Мейв, не сдерживаемой более героем Кухулином. Часть же дружинников отправилась на поиски Кухулина, чтобы спасти израненного богатыря.

Рассказывали, что в течение нескольких недель Кухулин был укрыт и опекаем Маленьким Народцем. Они знали все о листьях и травах. В те же самые недели люди короля Конхобара спешили в Эмейн Махе, где стало собираться войско, чтобы дать отпор Мейв.

По всей стране шли бои, такие жестокие, что от деревьев оставались черные, лишенные листьев остовы, а поля превратились в выжженные прогалины. Но армии Мейв продолжали грабить и, готовясь отступить, все-таки захватили Донна Кулейского, священного быка. Конхобар преследовал их, пока Фергус снова не развернул войска, чтобы дать отпор королю Ульстера.

И в день этой последней битвы Кухулин появился на поле брани. Среди шума сражения Фергус расслышал голос Кухулина.

— Отступай, Фергус, — прокричал тот. Но Фергус отказался.

— Ты дал клятву, Фергус, — вскричал Кухулин, — в тот день у брода, когда я позволил тебе пройти!

И это была правда. Фергус отступил. Он развернул свою ко-

лесницу и поскакал прочь от Кухулина. Его люди последовали за ним, и вся армия Мейв, видя это, бросилась бежать. Воины из Ульстера преследовали их, пока из коннахтских захватчиков не осталось практически никого, кроме мертвых и умирающих.

Тогда на поле перед Мейв предстал Кухулин. Она осталась почти одна у сломанной колесницы, с лицом темным от грязи и волосами, перепачканными кровью. На коленях она молила героя о пощаде. Он сжалился — и это была ошибка. Мейв, Айлилл и то, что осталось от некогда великой армии, после долгого марша прибыли в Круачан. Там, оскорбленные и униженные, они принялись готовить план мести. Быка, из-за которого разыгралась война, Мейв забрала с собой в убежище, — но это ее не радовало. Восемь посыльных сопровождали Донна Кулейского до Коннахта, как она и приказала. Когда бык был доставлен в Круачан, он, конечно же, встретился с белым быком Коннахта, и предот-

вратить поединок было невозможно. Быки разорвали свои цепи и кинулись друг на друга. Все, кто был достаточно близко, чтобы видеть сражение, погибли, превращенные быками в кровавое месиво.

Последнее действо коричневого быка на земле Коннахта — огромные рога, вонзенные в плоть белого быка. Донн, король быков, направился на север, в Ульстер, но когда он добрался до Кулли, безумие снизошло на священное животное: он убивал людей, встречавшихся на его пути, и вытаптывал поля, а потом лег на землю и умер. Его сердце разорвалось.

Так и кончилась война для великого коричневого быка из Кулли. А королева Мейв вернулась в Коннахт побежденная. Там, посрамленная, она и осталась.

Но в душе своей она замыслила отомстить человеку, который стал причиной ее поражения, — Кухулину.

K

Обучение ВИТЯЗЯ

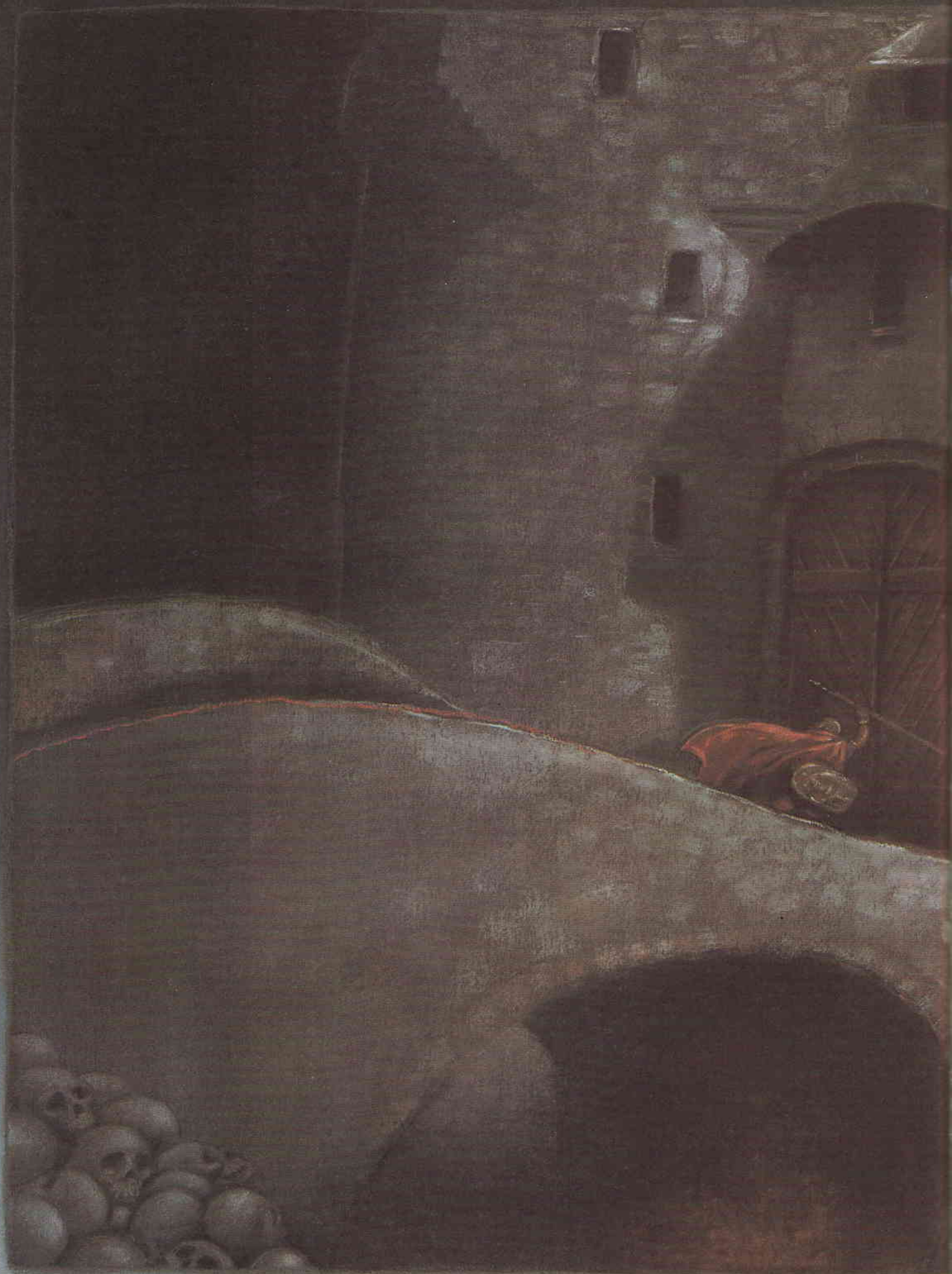
Герои отваживались идти даже туда, где не бывал никто из простых смертных, — в мир переменчивых теней, мир, скрытый от глаз ежедневными будничными пейзажами. Но сколь опасными были путешествия, столь и щедро они вознаграждались. Для ирландского витязя Кухулина путь испытаний ознаменовался настоящим возмужанием.

А началось все с того, что отец прекрасной Эмер потребовал, чтобы влюбленный Кухулин прошел обучение у легендарной женщины-воительницы Скафах, правительницы сокрытой туманами страны Альба в бурнопенном ирландском море.

И вот с тремя отважными спутниками Кухулин высадился на скалистый берег Альбы. Но вскоре он остался один — колдовской искус увлек его друзей в неведомую даль. Но юный воин продолжил путь и, продвигаясь на север, достиг горячей и сотрясающейся земли гейзеров и вулканов, на которую опирался свод неба. Равнина казалась обхваченной злым колдовством, и Кухулин колебался, не решаясь продолжить путь. Но явилось ему некое лучезарное дитя и протянуло витязю талисманы. «Если хочешь найти Скафах, — молвило дивное дитя, — следуй за этими талисманами!»

Кухулин принял дар; первым было колесико. Как только витязь бросил его на землю, оно засияло золотым светом и покатило вдале. Минувя каменные жерла, истекающие кипящей смолой, Кухулин шел по следу золотого колесика.

Только так он мог избежать гибели. А когда исчез первый золотой поводырь, Кухулин бросил на

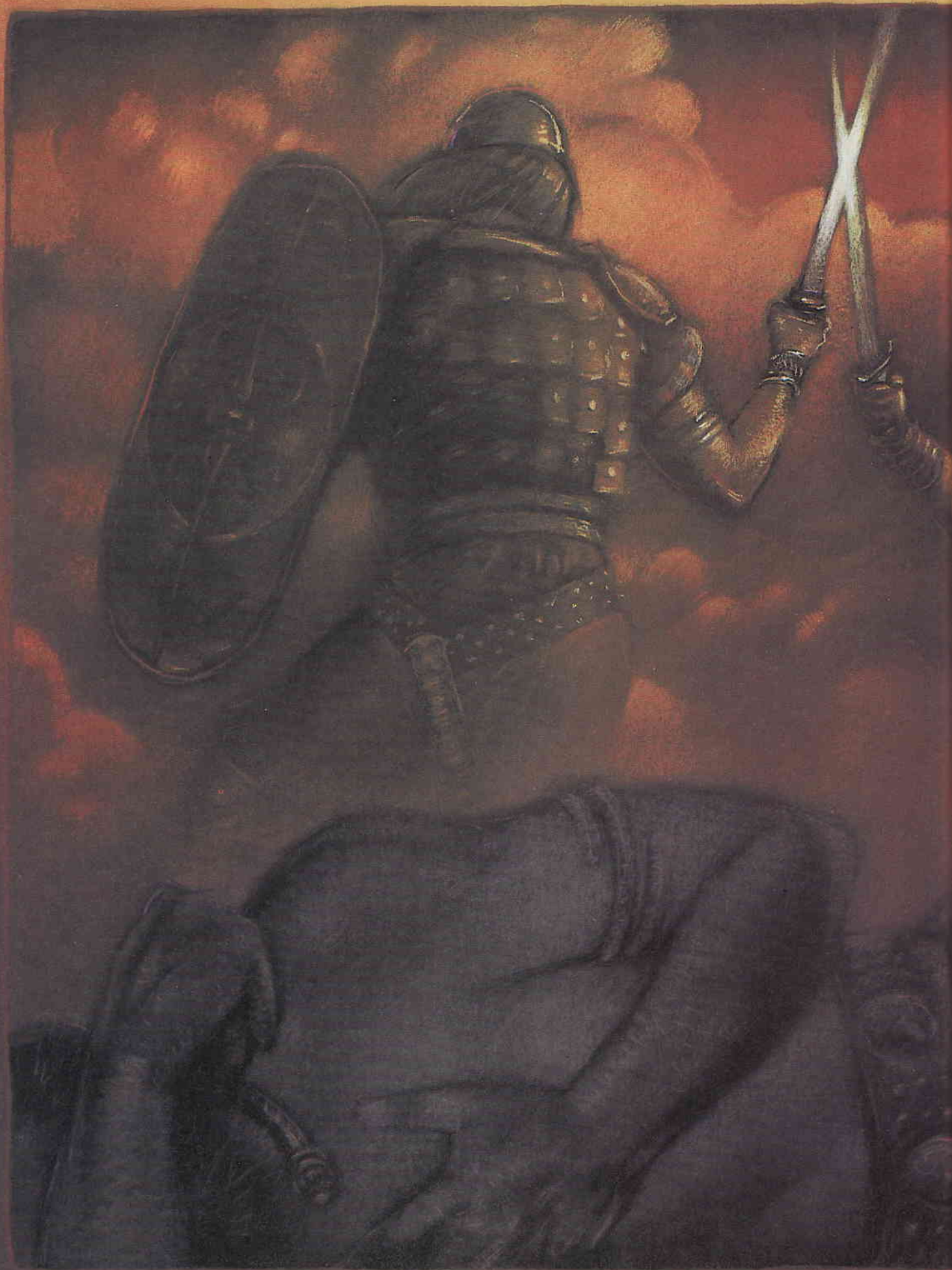
землю следующий талисман — золотое яблоко и последовал за ним. Огромные острые лезвия, размером с ногу, рассекали воздух, но Кухулин, следуя за золотым яблоком, преодолел и эту преграду мира Скафах.

Наконец, трудный путь сквозь мрачную равнину остался позади; пройдя по ущелью меж темных гор, витязь увидел крепость женщины-воительницы. Твердыню, воздвигнутую на скале, окружал глубокий ров. Узкий мост выгнулся над пропастью. А за мостом стояли — солдаты Скафах. Ладные рыжеволосые парни принялись насмехаться над Кухулином, словно витязь еще не выдержал испытания. И действительно, шаткий мост над пропастью, на который Кухулину громко советовали ступить, был непростой преградой, поскольку молодцы раскачивали его изо всех сил.

Как только Кухулин вступил на настил, мост задрожал, раскачиваясь, как на бурных волнах; едва избежав падения, витязь отступил. Насмешки на том краю, конечно, еще усилились. Еще и еще одна попытка, — но под градом оскорблений мост неизменно отбрасывал Кухулина.

И тогда, ослепленный яростью, Кухулин совершил такое, что заставило насмешников замолчать. Разбежавшись, он прыгнул, будто шагая по воздуху, и, лишь коснувшись моста, перелетел через пропасть, как форель через пережат, и вонзил копье в крепостные ворота, оставив позади мост, трепещущий, как лоскут шелка на ветру.

И это была последняя преграда. Громадные крепостные ворота открылись. Познав доблесть Кухулина, Скафах так приветствовала его: «Лишь самые отважные преодоле-

вают преграды, те, в чьем сердце пылает пламя истинного героизма». Воительница приняла Кухулина в свиту и принялась его обучать. Долгие месяцы он провел в Альбе, постигая исполненные магии боевые искусства, искусства столь поразительные, что лишь их названия, но не они сами, дошли до последующих поколений, а что это были за искусства, в точности никто уже не мог сказать. Вот некоторые названия: подвиг лезвия, подвиг копья, подвиг веревки, подвиг лосося, мастерство храброго колесничего.

Кухулин учился так хорошо, что не находилось ему равных ни среди иноземных витязей, ни даже среди сынов Альбы. Он возглавил дружину Скафах и завоевывал для нее победы в сражениях. А одна из побед вознаградила его сыном. Когда Кухулин завершил обучение, грозная армия под предводительством соперницы Скафах прорвалась через горы. Ее звали Эйфа, королева-воин. Богатырская дружина Скафах встретила неприятеля, а сам Кухулин победил самых лучших бойцов Эйфы. И тогда, не видя другого выхода, Эйфа вызвала Скафах на поединок.

Но Кухулин настоял на том, чтобы выступить от имени своей наставницы. Конечно, он остерегался мощи Эйфы, — все твердили, сколь свирепа королева-воин. Скафах же сказала, что Эйфа больше всего любит своих лошадей, колесницу и возничего. И вот Кухулин вступил в бой.

Копья скрестились — и разлетелись вдребезги; противники оказались одинаково искусны в этом виде оружия. Тогда они обнажили мечи, но воительнице удалось быстро обе-

зоружить витязя: лезвие ее меча, сверкнув в воздухе, перерубило меч Кухулина у самой рукояти.

Тогда хитрый рыцарь крикнул, что кони Эйфы оступились на скользком утесе и колесница может сорваться вниз. Эйфа, поддавшись на уловку, оглянулась — и в то же мгновение Кухулин схватил ее обеими руками.

Стиснув Эйфу в стальных объятьях, витязь поверг ее на землю и, приставив кинжал к горлу, потребовал признать себя побежденной. И воительница сдалась. Она поклялась никогда впредь не вступать в бой со Скафах и пообещала подарить самое себя Кухулину, победителю. И отнес Кухулин Эйфу в ее шатер, и несколько дней они принадлежали только друг другу. И зачала Эйфа дитя, и почувствовал сердцем витязь, что родится у них сын.

«Когда мальчику исполнится семь лет, пришли его ко мне в Ульстер», — сказал Кухулин. Ни он сам, ни кто-либо другой на свете не увидели, как заблестели в предвкушении мести глаза Эйфы.

Год обучения на Альбе завершился, и Кухулин вернулся в твердыню Скафах за последним напутствием. И подала великая воительница ему, лучшему из всех своих учеников, могучее копье «гае болга» как высшее признание доблести и поведала предсказание: великая слава ждет Кухулина, во все времена поэты будут слагать песни о его подвигах, но путь земной ему отмерен краткий, как утренняя роса.

Из предсказания Кухулин принял все, что касалось почета, но ничего — насчет краткости жизни; окутанный славой, вернулся он домой, в Ульстер, к завоеванной невесте. Но никогда не забывал о сыне своем, оставленном в призрачном крае Альбы.

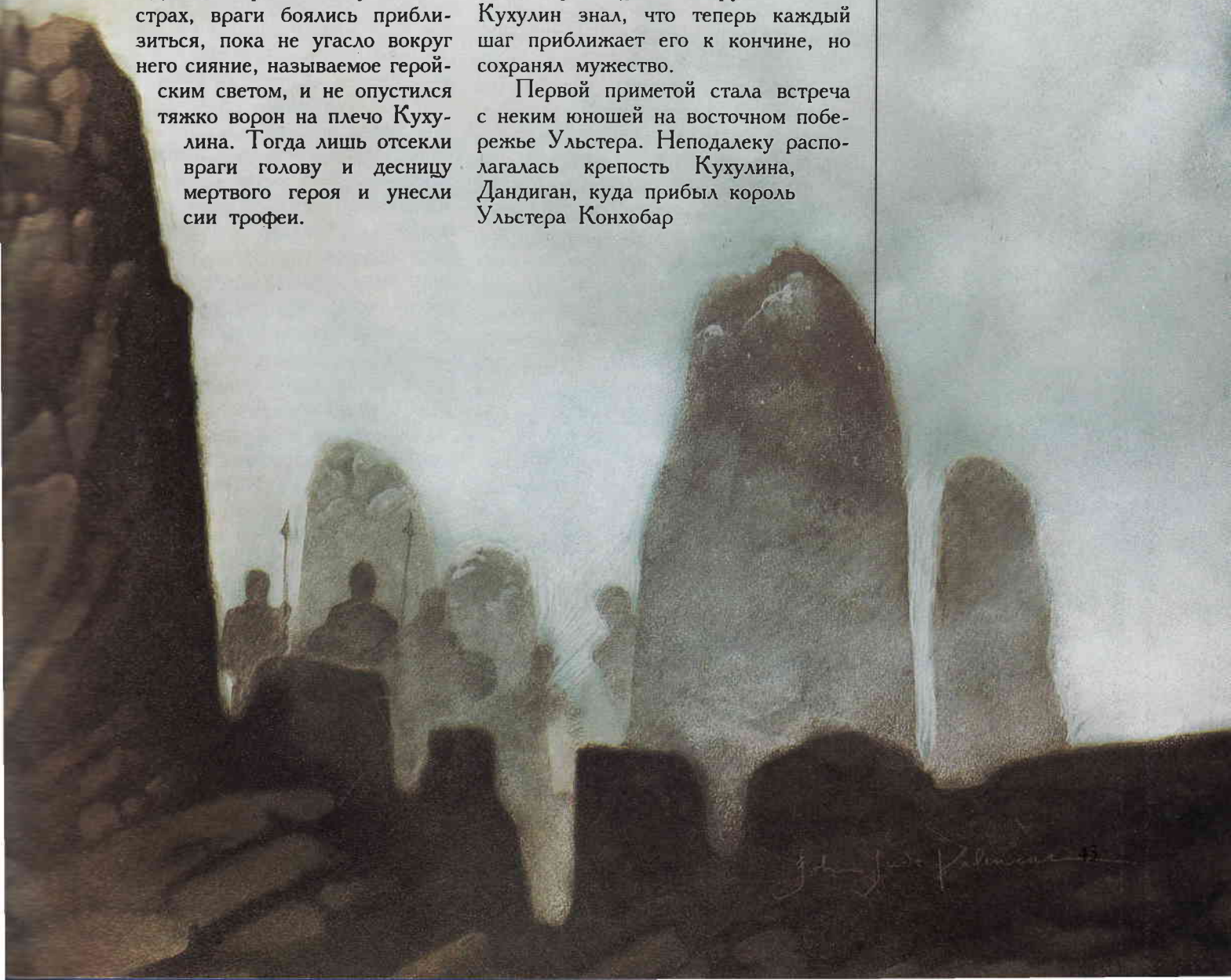
Глава вторая

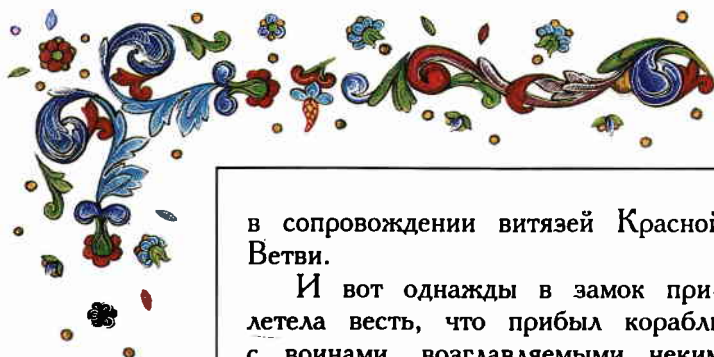
Закон чести

В день летнего солнцеворота, когда задули холодные северные ветры и небо закрыли темные тучи, от рук врагов погиб герой Кухулин. Великий Охотничий Пес Ульстера, поняв, что рана его смертельна, привязал себя к скале и умер стоя. Даже мертвый внушал он страх, враги боялись приблизиться, пока не угасло вокруг него сияние, называемое геройским светом, и не опустился тяжко ворон на плечо Кухулина. Тогда лишь отсекали враги голову и десницу мертвого героя и унесли сии трофеи.

Истинный герой, Кухулин и смерть встретил героически. Таковы герои: не кротостью, а славою овеян их путь навстречу неизбежности, стремлением превратить в триумф падение под ударом рока. Как всегда происходит с героями, зловещие приметы предвещали скорую гибель. Кухулин знал, что теперь каждый шаг приближает его к кончине, но сохранял мужество.

Первой приметой стала встреча с неким юношей на восточном побережье Ульстера. Неподалеку располагалась крепость Кухулина, Дандиган, куда прибыл король Ульстера Конхобар

в сопровождении витязей Красной Ветви.

И вот однажды в замок прилетела весть, что прибыл корабль с воинами, возглавляемыми неким светловолосым юношей. Король Конхобар отправил посыльного расспросить, зачем пожаловали странники. Но посыльный не принес никакого ответа: юноша не поведал ни имени своего, ни рода, а в ответ на угрозу, что его заставят говорить, только рассмеялся.

Услышав об этом, Кухулин потребовал копье и меч и вместе с королем и витязями Красной Ветви отправился на берег Бейл Стренд. Лениво опираясь на копье, юноша ожидал их приближения. Кухулин замер, внимательно разглядывая дерзостного; совсем юный, но сильный и мускулистый, как добрая гончая. Вооружен тяжелым копьем и широким мечом.

Кухулин улыбнулся и вежливо поприветствовал странника, а затем попросил: «Оставь капризы, юноша, и назови свое имя».

Но юноша покачал головой: «Никому я не называю своего имени, но и не отказываюсь от поединка, даже если он грозит мне смертью». С этими словами он поднял оружие и встал в боевую стойку.

И грянул бой. Противники, юноша и муж, проворные и стремительные, как тигры, дрались словно играючи. Боевые дротики рассекали воздух, с грохотом ударяя в щиты или вонзаясь в прибрежный песок. И казалось, что перевеса нет ни у кого, а ведь равных Кухулину

не находилось прежде на всем белом свете.

А затем стало происходить что-то странное. Перед изумленными взорами витязей Красной Ветви юноша начал оттеснять Кухулина к воде. Шаг за шагом юноша наступал, а взрослый боец отражал удар за ударом, сражаясь уже не для потехи, а борясь за жизнь.

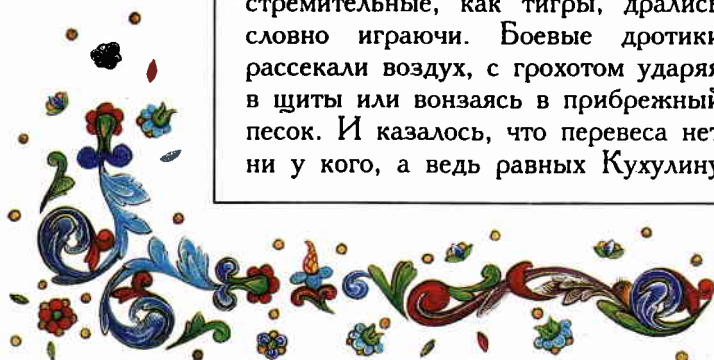
Ярость охватила Кухулина. Он, стиснув зубы и грозно сощурясь, приказал подать ему гае болгу, жесткой гривой увенчанное копье, разящее насмерть. И как только Кухулин поднял копье, безумие боя заполонило все его существо, и сияющий нимб героя возгорелся вокруг его головы.

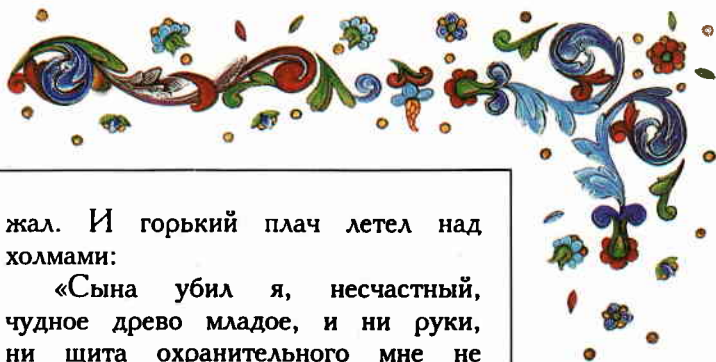
Узрев сие, на мгновение оцепенел юноша, но затем метнул свое копье в Кухулина — и промахнулся. Копье, не ранив героя, пролетело мимо, а ответный бросок Кухулина был точен. Смертоносное гае болга пронзило щит юноши и глубоко вонзилось в живот. Битва завершилась, такое ранение всегда означало смерть. Уронив щит, юный боец осел на землю. Кухулин бросился к нему, намереваясь добить.

Но юноша поднял руку, и Кухулин увидел на ней знакомое кольцо. «По воле матери моей», — прошептал умирающий.

Но Кухулин и сам уже понял, что произошло — и кольцо, и дивная доблесть юноши все сказали витязю.

Он сражался с собственным сыном. Много лет назад, когда Кухулин постигал воинское искусство в мире запредельной Альбы, там, за восточным морем, он

покорил воительницу и оставил ей своего ребенка (стр. 41).

Зная, что сама воительница не прибудет в Ульстер, Кухулин оставил ей перстень с повелением надеть его на руку сына, когда тот, достигнув поры возмужания, приедет к отцу.

В сущности, Эйфа так и поступила. Умирающий сын поведал Кухулину, как все произошло. Оскорбленная как победой, так и уходом Кухулина, она готовила из сына орудие мщения. Обучив юношу воинским искусствам так, что никто во всей Альбе не мог сравниться с ним в доблести, Эйфа вручила ему богатырское оружие и отправила на встречу с отцом в Ульстер. Она дала юноше три наказа, заставив поклясться жизнью и честью в их соблюдении. Три «никогда» — не отступать ни перед кем, не избегать вызова даже от самого зрелого витязя и не называть свое имя.

Таков был замысел воительницы: либо сын убьет отца, либо отец — сына. И вот юноша прошептал — и кровавые пузыри пенились на его устах, — что узнал он отца по геройскому сиянию и направил копье мимо цели; а теперь, свободный от запрета, назовет свое имя. «Я — Конла, сын Охотничьего Пса Ульстера», — прошептал юноша, и свет померк в его глазах.

Зарыдал Кухулин, пав на колени возле него; а затем вонзил кинжал в юное сердце, оборвав мучительную агонию. Вот так Кухулин убил собственного сына. Понурился, тяжело застонал герой, словно не Конла, а его собственное сердце пронзил кин-

жал. И горький плач летел над холмами:

«Сына убил я, несчастный, чудное древо младое, и ни руки, ни щита охранительного мне не узреть. Я ворон бездомный, ладья, волнами влекомая, корабль я без руля и ветрил, яблоко, от яблони отброшенное, — и все это наименьшее, с чем можно сравнить мою утрату. Скорбь и печаль поселились во мне навеки!»

Витязи Красной Ветви подняли обезумевшего Кухулина и отнесли в замок. Возвращались силы к герою, но недолго оставалось ему жить на свете, близился час его последней битвы. И говорят, что погибать герой начал в тот самый роковой день, когда убил на берегу Бейл Стренд единственного сына.

А события, приводящие Кухулина к последней битве в долине Майтишн, уже разворачивались. В те давние времена закон чести требовал возмездия. Поскольку воительница отомстила Кухулину, черед пришел для мести ирландского витязя. Но Кухулин, пролив реки крови ирландцев в битве при Кулей, нажил врагов, ищущих отмщения, в своей собственной стране.

И главной из них была Мейв, воинственная королева Коннахта, чьи армии были повержены в битве при Кулей. Мейв ждала своего часа, и час пробил, когда подросли юноши, которым она могла дать оружие мести. И первые, к кому она обратилась, были самыми обиженными из воинов ее свиты. Так получилось, что во время битвы Кухулин убил одного из славных

Неотвратимы деяния рока

Жизнь всех героев окутана паутиной рока. "Не в силах смертный одолеть судьбу", — повторяли поэты. Каждый шаг — и об этом свидетельствует история Эдипа, — не удаляет, а лишь приближает исполнение рока. Перед рождением его оракул предсказал, что суждено Эдипу убить отца и стать мужем собственной матери. Лай, царь Фив, пронзил сыну ступни и приказал бросить его умирать в глуши. Но ребенок не погиб. Пастух подобрал дитя и отнес в Коринф, где царь и царица приняли и воспитали Эдипа как родного сына. И мальчик считал их своими родителями. Рок выжидал, пока Эдип рос. А когда юноша стал воином и узнал о том, что предсказано ему убить отца и жениться на матери, то не медля ни минуты покинул Коринф, чтобы не принести несчастье тем, кого любил всем сердцем. Рок начал плести непреодолимую паутину — Эдип отправился в Фивы. В ущелье на перекрестке трех дорог некий старец оскорбил юношу; разгневанный Эдип убил его. Убил короля Фив, Лая, своего отца. Сам того не ведая, Эдип исполнил первую часть предначертания. Великое уныние овладело Фивами. Погиб царь, а окрестности Фив опустошал Сфинкс.

витазей Мейв, воина по имени Калотин, и его сыновей (стр. 31), а вдова Калотина вскоре разрешилась от бремени тройней, вертлявыми одноглазыми девочками. Мейв поняла, что демоны вселились в тройняшек. В самые мрачные уголки мира она направила сестер — постигать черную магию.

Когда они вернулись, преуспев в темных науках так, что умели перевоплощаться, вызвать видения и пророчествовать, Мейв собрала совет. Был призван Ерк, сын короля Лейнстера, чьей окровавленной головой Кухулин потрясал перед Лейнстерским войском; и Лугейд, сын короля Манстера, убитого Кухулином; и все три дочери Калотина. И спросила королева Мейв: «Кто убил вашего отца?»

И каждый произнес имя Кухулина. Так начался смертный бой.

Двинула армии Мейв — собственную, из Конахта, манстерские полки Лугейда и лейнстерцев Ерка, — к северным пределам Ульстера. С Мейв отправились три мерзопакостные ведьмы, и сколько было визга, суеты вокруг фургонов и трехголосой брани позади боевой колесницы Мейв! Но вот прошли четыре дня, и армии достигли границ.

А древнее проклятье тем временем поразило витезей короля Конхобара (стр. 25) во дворце Эмейн Махе. Конхобар знал, что когда случается такое, воины не могут сражаться три недели. И знал Конхобар, что Кухулин, не подверженный проклятью, все же не готов к бою, — так изнурала его скорбь.

Не сможет герой противостоять врагам в одиночку, как в прежние дни. В этом и состоял замысел Мейв: не дать герою передышки, повергнуть его — и тем самым лишить Ульстер главного заступника.

И решил Конхобар отослать Кухулина из Эмейн Махе в другой, удаленный королевский замок, окружить витезя красавицами и бардами с тем, чтобы песнопения и ласковые слова утомили жажду битвы. А еще Конхобар настаивал на том, чтобы Найэм, возлюбленная Кухулина, добилась от героя обещания воздерживаться от сражения до ее позволения. И Кухулин, сдерживаемый словом чести и настояниями Конхобара, не рвался на встречу с Мейв, — но Мейв призвала на помощь дочерей Калотина.

Все время, пока Конхобар прятал героя, злые колдуньи донимали его чарами. Восседа на солнечном лугу Эмейн Махе, вблизи королевского замка, они — три извивающиеся тени в зеленых одеждах, — из травянок, дубовых листьев и грибов создавали призрачные армии, которые, впрочем, перед взором Кухулина казались неотличимыми от настоящих. И хотя Кухулин понимал, что перед ним лишь колдовское наваждение, он весь дрожал, переполненный боевым порывом. Лишь обещание, данное Найэм, сдерживало его.

Но это продолжалось недолго. Одна из ведьм приняла облик Найэм и голосом его возлюбленной сказала, что настал час защитит охваченный пламенем Ульстер.

Королева Мейв со своими ведьмами добилась своего.

Кухулин готовился к битве.

И тогда, как осенний дождь или зимний снег, посыпалась целая вереница зловещих предзнаменований. Когда Кухулин обряжался, золотая пряжка, которой он пристегивал боевой плащ, выпала из рук. Кони Кухулина, которые резвились на пастбище, не позволяли возникнуть Лоегу надеть на себя упряжь; откликнулись они только на призыв хозяина, а из темных глаз коренника, жеребца по кличке Серый из Махе, покатались кровавые слезы.

Но вот на коней надели сбрую и запрягли в колесницу, и Лоег с Кухулином умчались под пасмурным небом. Они мчались через ульстерские леса прямо к долине Майтишн, где расположились армии Мейв. А вслед им летел горестный вой — то плакали женщины Ульстера.

Дом матери Кухулина лежал на их пути; Лоег придержал коней, а герой сошел с колесницы и отправился за материнским благословением. Мать подала вино, но кубок оказался наполненным кровью. Узрев сие, мать принялась умолять не уезжать, но Кухулин только улыбнулся и отправился дальше.

День догорал; колесница промчалась мимо ручья, в котором бледная юная дева, стирала окровавленные одежды. И некий глас поведал, что плачет дева о Кухулине. Но герой ответил, что прежде чем погибнет он, много много иных одежд обогреться кровью, и продолжил путь.

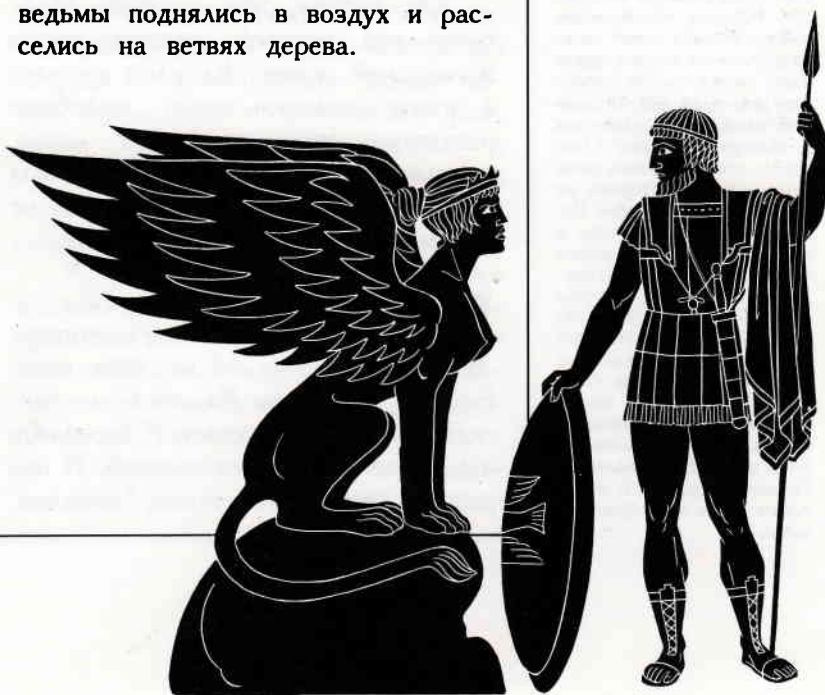
Пришел черед последнего и наихудшего предзнаменования. Костер заблистал у дороги; три древние старухи с лицами, скрытыми темными капюшонами, жарили собачье

мясо. Окликнув Кухулина по имени, они пригласили его разделить угощение.

Это был достаточно серьезный момент. Кухулин, как большинство ирландских воинов и героев, обязан был соблюдать определенные заветы, именуемые геаза, правила или установления, точно так же, как его сын исполнял заветы своей матери. К геазе отношение было весьма серьезное — считалось, что правила освящены надмирными силами, а нарушение их вело к гибели. Одна геаза Кухулина запрещала ему есть собачье мясо, но другая требовала никогда не отказываться от угощения.

Кухулин колебался, оказавшись между противоречивыми требованиями. Старухи же посмеивались. Наконец он решил принять угощение. Взяв кость левой рукой, Кухулин отведал собачатины — и силы покинули руку. Вытер испачканную жиром руку о бедро — и силы покинули левую ногу. Прихрамывая, Кухулин взобрался на колесницу, и угрюмый возница помчал его к полю битвы, а три ведьмы поднялись в воздух и расселись на ветвях дерева.

крылатое чудовище с львиным телом и женской головой. Сфинкс задавал загадки, а тех, кто не давал правильный ответ, убивал. Чтобы спасти город, Эдип отправился к Сфинксу. Чудовище спросило: "Кто ходит утром на четырех, днем на двух, а вечером на трех ногах?" "Человек", — ответил Эдип, найдя правильное решение. И Сфинкс издох, когда его загадка была отгадана; страна избавилась от чудовища. За это деяние Эдип был провозглашен царем Фив и получил царствующую вдову в жены. Избегая предсказания, он исполнял его. Истина открылась Эдипу несколько лет спустя, когда на царство отцеубийцы и кровосмесителя напал великий мор. Узнал Эдип, за чтониспослано такое наказание. Лишь сам царь мог принести искупительную жертву во спасение страны. И Эдип совершил ее: он ослепил себя и, сопровождаемый двумя сестрами, — дочерьми, покинул Фивы. Простолоудинном, не царем, странствовал он по Греции, пока не нашел упокоение в смерти. Исполнив предначертанное роком, он снискал ореол героя.

Смерть, но не бесчестье

Отважные погибают, но не сдаются, сражаются до последнего, но не просят пощады. Так поют сказители о Роланде, храбром рыцаре короля Карла, сражавшемся против сарацинов. Все любили отважного Роланда, но и у него был непримиримый враг — его отчим Ганелон. Однажды, по предложению Роланда Ганелона отправили послом к сарацинам. Ганелон воспринял это не как почетную миссию, а как угрозу своей жизни. Он всячески отказывался, но не мог не исполнить повеление короля. А Роланд только смеялся над страхом отчима. С ненавистью в сердце трусливый и вероломный Ганелон отправился к императору сарацин договариваться о мире. Но на самом деле он предал своего короля и заключил тайное соглашение с сарацинами. Они условились, что сарацины якобы прекращают войну, и Карл выводит армию из Испании, оставив только небольшой отряд под командованием Роланда. И как только это произойдет, сарацины превосходящими силами атакуют его. Так и случилось. Двадцатитысячный отряд Роланда атаковало огромное сарацинское войско. Роланд легко догадался, кто его предал, когда узрел перед собою огромную рать неверных. Отважный рыцарь мог попросить о помощи — голос Олифанты, его охотничьего рога, слышен был и за горами, во Франции; но протрубил Роланд тогда лишь, когда в сражении пали все воины его отряда, а сам он, смертельно раненный, просил уже не о помощи, а об отпущении. Король услышал зов Роланда, вернулся с войском и разгромил сарацин. Солнце еще не зашло, а побежденный император назвал имя предателя. И тогда воины Карла изловили Ганелона, привязали к четырем коням и разорвали на части.

Он увидел, что равнина Майтишн вся покрыта рядами щитов ирландской армии. Кухулин ринулся в атаку, издавая вопли, подобные раскатам грома, и бросая копья, сверкающие, как молнии. Он убивал врагов до тех пор, пока равнина не покрылась изувеченными телами.

Кухулин был грозным противником, но у Мейв был план. Ведьмы — дочери Калотина — рассказали ей, что копья Кухулина в один день убьют трех королей. И она решила завладеть этими копьями.

Мейв направила к полю битвы бардов, — а королеве барды вынуждены были подчиниться.

Первый из них потребовал у Кухулина копье; Кухулин, конечно же, отказался.

«Я ославлю твоё имя в песнях, если ты откажешься выполнить мое требование», — вскричал бард.

Кухулин в ярости метнул копье в барда с высоты своей колесницы. Оно попало в его голову, вошло между глаз и вышло из затылка.

Тут же Лугейд из Манстера, который давно разыскивал убийцу своего отца, вытащил оружие из

тела барда, метнул его в колесницу Кухулина и попал в Лоега. Дочери Калотина, парившие над полем битвы, взвыли от радости: Кухулин потерял первое копье. Оно убило короля колесничих.

Второй бард воззвал к Кухулину и тоже потребовал у него копье, и Кухулин вновь отказал.

«Я назову одну из провинций Ульстера мерзким именем, если ты откажешься дать мне копье», — вскричал бард. Кухулин метнул копье и убил его. И вновь мстительный враг — Ерк Лейнстерский — вынул из тела и бросил копье. Оно убило коня Кухулина — Серого из Махи. Так ульстерский богатырь потерял свое второе копье и был убит король лошадей. Дочери Калотина наполнили воздух злобными криками.

И наконец третий бард воззвал к Кухулину, призывая его из гуши сражения. Вновь он, как и его предшественники, потребовал у Кухулина копье, грозясь опозорить его семью, — и Кухулин убил барда, как и его предшественников, — и вновь громко выли ведьмы. Лугейд из Манстера выдернул копье из головы барда и, прицелившись, послал его в Кухулина, который стоял на своей колеснице.

Оно вспороло живот Кухулину, и его внутренности вывалились наружу. Герой знал, что рана, полученная им, смертельна, но продолжал стоять перед рядами воинов, словно был он бессмертным. Затем он засунул кишки обратно в чрево и обмотал его боевым кушаком; медленно спустился с колесницы и прошествовал к озеру, располагавшемуся на краю поля. Там он омыл раны и пока делал это, выдра, на-

зываемая ирландцами «водной собакой», поднялась со дна, чтобы полакать крови, растекшейся по поверхности воды. Камнем Кухулин убил тварь — и это был его последний героический акт, а первым актом было убийство простой собаки. Ремнями крепления лат привязал себя король воинов к колонноподобному камню и умер — один среди врагов, но все же стоя на ногах.

День потемнел. Вороны богини битв оседлали ветры над равниной Майтишн и их карканье наполняло воздух. Дождь пролился из низких туч, как будто само небо оплакивало Кухулина. Герои были сердцем королевства, его силой и могуществом. Они так много значили для своего народа, что в Ирландии мертвых богатырей сжигали стоящими, в полном боевом облачении, повернутыми в сторону вражеских земель.

Ранняя смерть — обычная участь героев. Каждый из них шел, как Кухулин, узкой, извилистой тропой, полной препятствий и угроз. Их убеждения и долг, неизбежно вступаая в противоречие между собой, приводили к трагической развязке. Одни правила входили в противоречие с другими, так что герою приходилось выбирать между смертью и бесчестием.

Кухулин, к примеру, был обязан подчиняться своему королю и защищать его земли, но также он обязан был избегать позора и всегда быть готовым отразить нападение, не щадя своей жизни.

Кухулин знал, что его смерть будет бедой для всего Ульстера, и пони-

Насилие вопиет о мщении

Не потому ли, что силою своею они превосходили обычных смертных, страдания героям выпадали тоже чрезвычайные, превосходящие земную меру. Так было с Орестом из Микен, мстителем за Агамемнона, отца своего, убитого матерью Ореста Клитемнестрой. Все началось с Троянской войны, когда царь Агамемнон принес в жертву богам свою дочь, дабы вымолить у них попутный ветер. После окончания войны, когда Агамемнон триумфатором вернулся домой, Клитемнестра, разгневанная вестью о гибели дочери, убила мужа, выходящего из бассейна, секирой. А затем правила элловратными Микенами сама с помощью своего любовника, красивого, но жадного и бесчестного Эгисфа. Но не было покоя Клитемнестре: она знала, что ее сын Орест, скрывающийся после убийства Агамемнона в горах, непременно вернется и отомстит. Орест вырос могучим воином, доблестным и отважным; он знал, какая судьба ему уготована, но, как утверждают, ничего не предпринимал до тех самых пор, пока Аполлон не известил его, что боги требуют гибели Клитемнестры. И вот настал день, когда Орест вернулся в Микены. Мечом он поразил любовника матери. А затем, показав ей тело убитого Эгисфа, убил и Клитемнестру. Отец был отмщен. Но никогда более не было покоя Оресту. Безжалостные богини мести, Эриннии, всю жизнь до самой смерти преследовали его, насылая страшных призраков и адские видения.

мал знамения близящейся смерти. Но он должен был сражаться: любые противоречия между интересами самого героя и его короля всегда разрешались в пользу того, кто, собственно, и сделал его героем.

Это правило, действовавшее во внутренних конфликтах в Ирландии и Британии, реализовывалось в виде геазы — волшебной цепи, сковывающей действия храбреца. Но в то же время геаза должна была помогать героям достойно выходить из затруднительного положения. Так, например, королю Ульстера было запрещено в одиночку охотиться на вепря в его логове, — и этот запрет помогал сохранить жизнь важнейшей персоне государства. Или Кухулину — человеку королевской фамилии — запрещалось отказываться от угощения, и это помогало соблюдать правила хорошего тона.

Многие геаза предназначались для защиты от сверхъестественного зла. Так, королю Ульстера не позволялось купаться в Лох Фойле в день весеннего солнцестояния. (День весеннего солнцестояния — это день, когда происходит смена зимы летом. В этот день сила другого мира —

мира мертвых — особенно велика, и все смертные подвергаются особому риску.) Кухулину, Псу Ульстера, было запрещено есть мясо животного, давшему это имя. В те дни имя было тесно связано с носящим его, а значит, нанесение вреда чему-либо, связанному с именем, было равносильно нанесению вреда носящему имя.

Но противоречия геаза могли использоваться хитрыми врагами. Любовница Кухулина, оставленная в другом мире, воспользовалась ими, чтобы отомстить витязю. Это привело к смерти его сына Конлы. Мейв также использовала подобные противоречия, когда послала дочерей Калотина вынудить Кухулина съесть запретное мясо, или когда приказывала бардам оскорбить его и потребовать у него копье.

Правила чести, возвышавшие героя, были также и источником его незащищенности. Но не только честь и долг вступали в противоречие: зачастую герои были наделены красотой, недоступной обычным смертным, а их великодушное и любвеобильное сердце зачастую вступало в противоречие с долгом.

Жена или любовница героя могли отдалить его от короля и товарищей. В конце концов важным оставалось только одно: румянец щек, блеск волос, гибкость стана. Это именно те вещи, которые способны повернуть стрелку компаса чести и пробить длинную зияющую брешь в арабеске сомнений и недоумений.

И когда женщина, в которую влюблялся герой, сама влюблялась в него, а значит, забывала о своих обязанностях или о любви, предшествовавшей этой, — получалась трагедия.

Такая трагедия, например, произошла в Ульстере при дворе короля Конхобара и привела к смерти и бесчестью.

Случилось это, когда Кухулин был еще молодым рыцарем. Настал день предсказаний. Личный бард и волшебник Конхобара, Кофбад, проснулся с первым лучом солнца, встал и первым делом поглядел на небо. Оно было чистым и голубым. Но когда солнце встало, внезапно на горизонте появилось темное облако, за ним — другие. Все утро дул сильный ветер, а к полудню земля начала содрогаться. Вечерний воздух наполнили странные звуки — крики, шум волн, разбивающихся о камни, плач женщин.

Ночь принесла с собой зловещую тишину. Пришло известие, что жена королевского арфиста родила девочку. Кофбад спешно направился в дом арфиста, чтобы увидеть ребенка.

«Это она принесла бурю, — сказал он, окинув девочку долгим взглядом. — Она вырастет несравненной красавицей, но несчастья будут преследовать ее по пятам: герои и короли будут сражаться за нее, а земли Ульстера покроет множество могил». «Назовите ее Дейдре», — сказал Кофбад. Это имя означает «несчастья». Обычно в те дни таких младенцев убивали, но она была единственным ребенком арфиста.

Опасаясь предсказанной ей судьбы, арфист увез дочь в горы, где на зеленых холмах выстроил для нее дом с крышей из зеленого дерна и стенами из яблонь. Женщина-бард по имени Левархам — подруга арфиста — стала няней Дейдре.

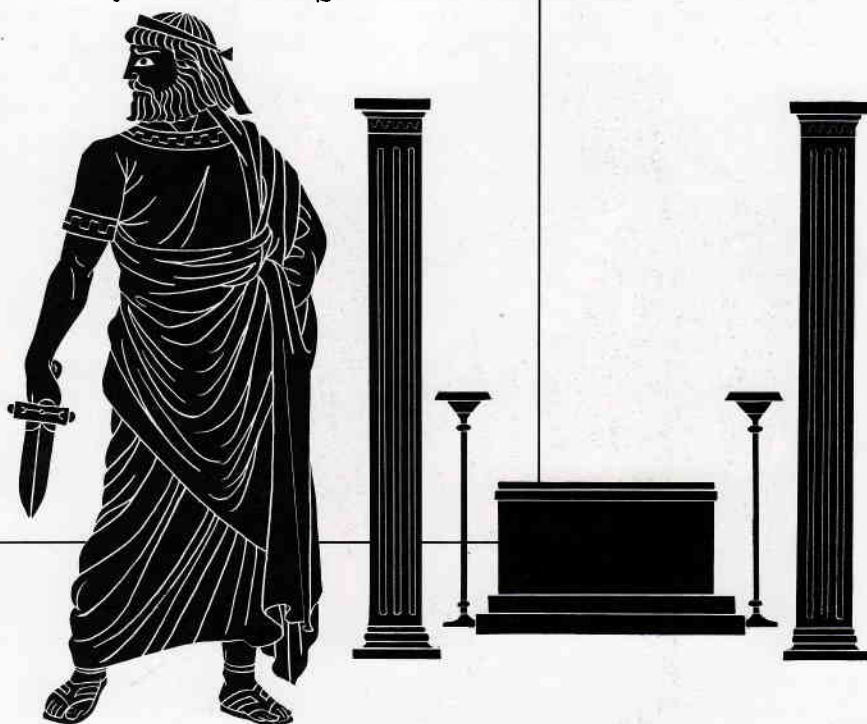
В течение четырнадцати лет жили в горах Дейдре и Левархам. И выросла Дейдре в девушку, прекрасную, как лебедь. Она выучилась всему, что

знала Левархам. Но за эти годы Дейдра не видела ни единой живой души, за исключением Левархам.

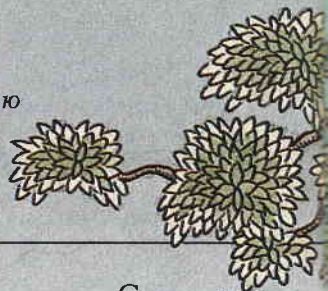
Но вот как-то ночью на их убежище набрел охотник. Он увидел красавицу Дейдре и рассказал о ней королю. И так поразителен был его рассказ, что король сам отправился в горы, чтобы взглянуть на девушку.

Увиденное им наполнило его желанием и, невзирая на протесты Левархам, он увез ее воспитанницу в неприступную цитадель на холме Эмейн Махе, намереваясь сделать ее своей невестой. Леванхар предупредила Конхобара о злом роке девушки, но тот лишь пожал плечами: в своих решениях он был непреклонен.

Конхобар дал Дейдре год и один день, чтобы она изучила обычаи королевского двора, и с удовольствием наблюдал, как она расцветала. Он украсил ее драгоценностями. В длинных волосах покачивались золотые шарики, которые в те времена носили только принцессы. Белоснежную шейку обвивало искусное золотое ожерелье. Прекрасно сотканная туника скреплялась на плечах витыми бронзовыми брошками, а плащи ее были со-

Помолвленная с королем Ульстера, Дейдре Печальная сбежала в Шотландию вместе с тремя сыновьями Уснеха. Король Конхобар послал своего родственника Фергуса Мак Роя, чтобы уговорить ее вернуться.

тканы из чистейшей шерсти. Ярким цветком была она среди придворных девушек, так что, оставив без внимания предсказание Кофбада, король с нетерпением ждал конца года.

Но Дейдре едва замечала, как постепенно превращается из девушки в женщину: ведь вокруг было столько нового! Но вот однажды солнечным днем, когда она сидела со своими подругами на крепостном валу Эмейн Махе, глядя на раскинувшийся внизу холм, усеянный домиками, Дейдре увидела того, кто пронзил ее сердце.

По пыльной дороге шел очаровательный юноша. Он совершенно не походил на неприступного, загадочного и высокомерного короля. Был он высок — выше любого воина в крепости. Его волосы, цвета вороньего крыла, блестели на

солнце. И даже с такого расстояния Дейдре уви-

дела голубизну его глаз. С ним шли еще двое мужчин. Все трое пели, и песня их звучала, словно веселое пение жаворонка или дрозда. Фермеры на полях бросили работу и, улыбаясь, слушали, когда мужчины проходили мимо. Это были сыновья Уснеха, любимые всеми в этой провинции за их доблесть и веселый нрав. Самый высокий — Наойс, а братьев его звали Лийлле и Ардан.

Дейдре вскочила на ноги и последовала за ними. Она побежала вдоль дороги, стараясь привлечь их внимание, и несмотря на то, что братья пытались увести его, Наойс остановился и обернулся.

Это была его судьба. Звездный свет ее красоты наполнил его сердце радостью и печалью.

Его братья заметили это и предупредили его о том, что это невеста короля, и о том, что если он ее заберет, то может случиться несчастье; но его это ничуть не беспокоило. И видя, что с Наойсом ничего не поделать, братья присоединились к нему, — ведь сыновья Уснеха всегда были заодно. Той же ночью они увезли Дейдре.

Конхобар, как только выяснил, что они сбежали, сразу же послал погоню. Их преследовали месяцами, но сыновья Уснеха оказались слишком быстрыми. Через некоторое время до него дошло известие, что они вместе с Дейдре пересекли море и прибыли в Шотландию, где братья поступили на службу к тамошнему королю. Расстояние было слишком велико, и Конхобар был вынужден прекратить погоню.

Проходили годы, и хотя Конхобар не говорил ни с кем о своей потере, однако он не забыл ни женщину, ни рану, нанесенную его самолюбием.

Среди воинов Конхобара память о Дейдре быстро угасла. Но иначе обстояло дело с сыновьями Уснеха: они были любимы всеми за отвагу и добродушный нрав, и все воины были опечалены их отъездом. Поэтому, когда Конхобар объявил, что прощает всех троих, сердца рыцарей Красной Ветви наполнились радостью; правда, некоторые из них удивлялись неожиданным решением короля. А не-

сколько самых проникательных заподозрили Конхобара, который отличался мстительностью.

Конхобар узнал, что сыновей Уснеха связывает геаза: они могут покинуть Шотландию только под защитой его величайших воинов — Конала Победоносного и Кухулина, или его родственника Фергуса. Никто никогда не слышал о тайнах геаза, но было очевидно, что Конхобар замышляет что-то втайне от своих воинов. Конал и Кухулин отказались принимать в этом участие и покидать Эмейн Махе. Фергус же, напротив, поверил своему родственнику — королю и, взяв с собой двух сыновей, отбыл в Шотландию.

Они высадились на западе Шотландии и нашли домик, выстроенный сыновьями Уснеха. Дейдре была очень счастлива. Наойс и его братья радостно приветствовали Фергуса, истосковавшись по родине и обществу рыцарей Красной Ветви.

Фергус поклялся, что путешествие будет безопасным, но Дейдре горько рыдала, оплакивая оставленную за кормой Шотландию, ее лесистые гавани, перезвон птичьих голосов и ласковое море, омывающее песчаные пляжи, — край, где она была так счастлива, — рыдала, увлекаемая через тревожно бурлящее море. И когда они достигли ульстерских берегов, Дейдре слышала жуткое уханье и хохот совы, унылые клики лебедей Мойны; но Фергус и сыновья Уснеха оставались глухи к печальным предзнаменованиям.

Дейдре, чувствуя приближение горестного часа, заметила первое звено в цепи бед. Едва достигнув берега, им пришлось расстаться с лучшим кораблем и самим Фергусом. Ульстерский лорд из близкого окружения короля пригласил Фергуса на пир в своем замке; пленник обычаев и правил геаза, Фергус не мог отказаться от угощения. Какое-то время он, красный от гнева, не мог решить, чему следовать: правилу или клятве Конхобару обеспечить безопасность сыновей Уснеха. Затем решил исполнить правила, а Дейд-

ре и сынов Уснеха отправить в Эмейн Махе в сопровождении своих сыновей, которым перепоручил выполнение клятвы.

Следующим звеном в цепи несчастий Дейдре не без оснований сочла то, что их и сыновей Фергуса в Эмейн Махе разместили не в королевском дворце, а в Доме Красной Ветви. И король не вышел им навстречу, а кормилица Дейдре, Левархам, поведала о вероломстве Конхобара. Несколько позже пришел какой-то придворный и при-

Король Конхобар нарушил свою клятву, когда Дейдре вернулась в Ульстер. По его повелению призрачное море окутало ее защитников, они бросили мечи и погибли. Дейдре досталась королю.

нялся пристально разглядывать Дейдре через окно. А ночью шестеро узников Дома Красной Ветви услышали крики и почувствовали едкий запах разгорающегося пожара. Люди Конхобара пошли на приступ. Сыновья Уснеха обнажили мечи и вступили в бой. Часть воинов Конхобара, поверив лживым указаниям короля, сражались против сыновей Уснеха, а часть — на их стороне. Один из сыновей Фергуса защищал узников, а другой, прельщенный обещанием короля, подарить ему поместье, сражался на стороне

короля. Всю ночь, пока бушевал пожар, ульстерские воины сражались и умирали.

Уберегли сыны Уснеха Дейдре и сами остались живы. И когда свет угас, они сомкнули щиты, оградив Дейдре, и прорвались через ворота Дома Красной Ветви на свободу.

Но эти ворота открыли путь прямо в глубокое море. Стылые соленые воды сомкнулись над беглецами. Побросав тяжелое оружие, утопающие изо всех сил устремились вверх, на поверхность.

И тогда волны дрогнули и растаяли, и безоружные люди обнаружили, что окружены стражниками Конхобара. Бурные воды оказались всего лишь иллюзией, сотворенной магом Кофбадом для прекращения кровопролития, после того, как Конхобар поклялся, что сыновей Уснеха он не тронет. Солгал король. Норвежский наемник убил братьев, поскольку никто в Ульстере не захотел посягнуть на жизнь отважных сыновей Уснеха. Говорят, что меч срубил все три головы одновременно, так что братья не видели смерть друг друга. Что же касается Дейдре, жертвы злой судьбины, то о ее кончине рассказывали по-разному. Кое-кто говорил, что она выпила по глотку крови из рассеченных шей сынов Уснеха и сразу же умерла. Другие же говорят, что она, обезумев от скорби по Наойсу, бродила в одиночестве, пока не вышла однажды на берег моря.

Потеряв своих любимых спутников, Дейдре не желала больше жить. Ножом она смертельно ранила себя, а затем выбросила оружие в море, чтобы никто не смог поднять лезвие, лишившее ее жизни.

И там, выхватив нож у какого-то плотника, нанесла себе смертельный удар.

Что же касается Фергуса, то он, вернувшись в Эмейн Махе и узнав наконец о вероломстве короля, совершил мечь. Со своей дружиной и сыном Конхобара он сровнял крепость с землей и ушел вместе со всеми служить врагу Конхобара, Мейв из Коннахта. Так принципы чести сделали Фергуса изменником. Одно преступление — обман Конхобара — поставило Фергуса перед страшным выбором между двумя другими преступлениями; поскольку Фергус поклялся нерушимой клятвой сыновьям Уснеха, Конхобар не имел права убивать их. А маг Кофбад, оскорбленный ложью Конхобара, сказал, что никто из его наследников не сядет на ульстерский трон.

Так и случилось: все сыновья Конхобара умерли бездетными еще при жизни отца. Крепость Эмейн Махе была разрушена, а рыцари Красной Ветви рассеялись в бесконечных междоусобных войнах. Вот так в пору, наступившую после гибели великого воина Кухулина, иссякли силы Ульстера. На целые века эта и другие провинции Ирландии оказались ввергнутыми в пучину войн и раздоров. И только через много-много лет после смерти Кухулина могучие короли, именуемые Маеф, или «Срединные», поскольку владели они самой серединой страны, подчинили властителей всех провинций и вернули мир и покой на землю Ирландии.

Самым могущественным из этих королей был Кормак Мак Арт, и в его царствование величие братства, известного как Фианна, достигло зенита. Созданная во времена правления деда Кормака, Фианна представляла собой армию людей, занятых дозорной службой в те дни, когда в стране было спокойно, но становившихся солдатами в час войны. Они разъезжались по всей Ирландии, летом ночуя под открытым

небом, а зимой в крестьянских домах. То были отборные воины, и всякий, кто хотел бы присоединиться к ним, обязан был пройти целый ряд испытаний. Первое — умение сочинять стихи, но это было детской забавой по сравнению с остальными проверками отваги и выучки, которых требовала Фианна. Кандидат, среди прочего, должен был отбиться от девяти воинов, стоя на коленях во рву и имея при себе лишь щит и ореховый посох. К тому же он должен был невредимым скрыться от погони в густом лесу, причем бежать так осторожно, чтобы ни одна его коса (а воины Фианны в то время заплетали косы) не распустилась. И во время погони он должен был перепрыгивать через ветви, высотой достигавшие его лба, или пролезать под ветвями, нависшими над землей на высоте колена. И за все это время он не должен был выказать и тени страха.

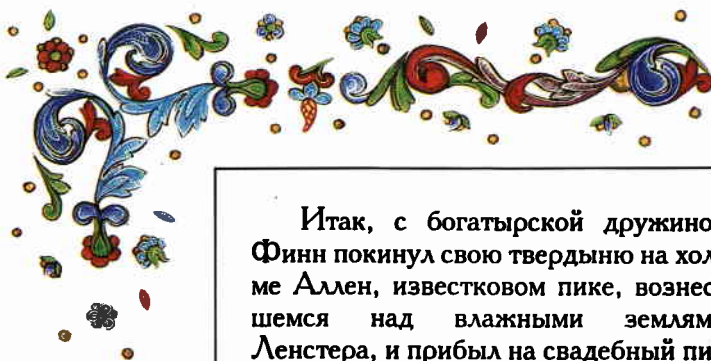
Если он выдерживал все эти испытания, то становился членом братства, деяния которого вошли в легенды. Предводителем братства во времена Кормака был Финн Мак Кумал, чье имя покрыто славой. Говорили, что еще ребенком он победил создание ночи, которое каждый год сжигало крепость Высокого Короля Фтара, а так же, что он отведал волшебного тунца и приобрел магическую силу, делавшую его быстрее ласточки на суше и дельфина на воде; говорили, что вода из его ладони исцеляла умирающих. Еще о нем говорили, что если его сын и его враг при-

дут, чтобы он рассудил их, то врагу не надо бояться несправедливого решения.

Финн не был похож на Конхобара, и воины его были мягче представителей Красной Ветви, но и их связывали те же законы чести, зачастую противоречащие один другому, что и витязей Конхобара. И когда люди использовали эти законы чести в своих интересах, результатом этого становилось бесчестие. Подобная трагедия затронула даже Финна уже под самый конец его жизни.

С наступлением зимы своей жизни Финн решил подыскать себе невесту, чтобы та согрела его. Он был женат и ранее: сначала на женщине королевского рода, а потом на представительнице волшебного народа, но жен его уже не было на свете. Женщиной, которую он выбрал теперь, была русоволосая дочь Высокого Короля Кормака Мак Арта, по имени Граин. Гордая, с твердым характером, она отказала уже не одному жениху, однако, когда Кормак сказал ей о предложении Финна, она согласилась, хотя и с неохотой, сказав, что если Высокий Король считает, что вожак Фианны достаточно хорош для него, то и для нее он подходит.

Итак, с богатырской дружиной Финн покинул свою твердыню на холме Аллен, известковом пике, вознесшемся над влажными землями Ленстера, и прибыл на свадебный пир в Тару, в крепость Высокого Короля.

Пир в Таре выдался чудесным. Пять широких дорог вели к травянистому холму, где располагалась цитадель. Ее окружали двойные стены из белого камня. За стенами располагался королевский дворец, здания для дружины, гостей, и пленников, а также украшенный перьями гринан — шатер, специально сооруженный для Граин и ее прислужниц. Двенадцать дверей вели в пиршественный зал, а сам он был более семисот футов в длину и облицован резными деревянными панелями. Щиты развешивались на стенах так, что каждый воин мог сидеть рядом со своим. Золотые трубы созывали гостей, а арфисты услаждали их слух во время пиршества.

Граин сидела за пиршественным столом со своим отцом и Финном, который стал ее мужем, и разглядывала воинство Фианны. Достойным было зрелище — столько голубоглазых, загорелых, длинноволосых воинов собрались вместе, и такая аура доблести, отваги и веселья окружала их, что трудно сие даже передать словами. Был среди них и сын Финна Ойзин, сладкоголосый певец, и его внук Оскар, командир батальона, не знавшего поражений, стройный Каолит был здесь, известный своей быстротой, и одноглазый Галл, свирепый воин, и Конан, пустомеля, но везучий.

Но ни на ком из них не остановился взор Граин. Она смотрела на стройного воина, молодого, а не седовласого,

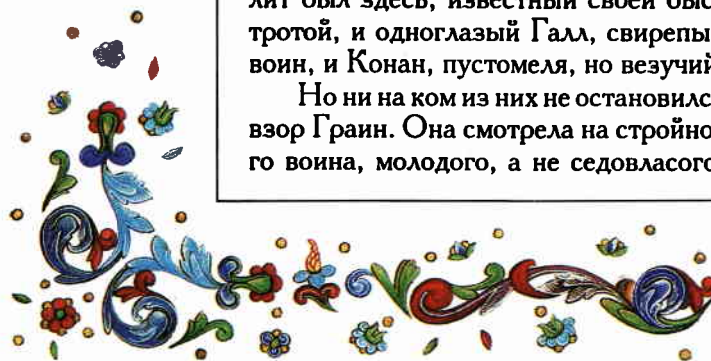
как ее муж, — в шапочке, надвинутой по самые брови. Это был Диармад. Он переплыл моря и убил колдуна, который вредил Фианне. Он был известен своей доблестью и безмятежностью. Судьба поджидала его в облике волшебного вепря, который был сотворен как месть за убийство, совершенное отцом Диармада. Сейчас вепрь был далеко, и Диармад, похоже, не беспокоился о грозящей ему опасности.

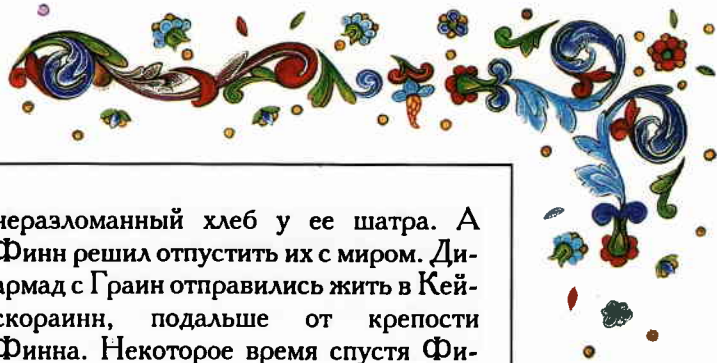
Пока Граин переглядывалась с Диармадом, а все остальные продолжали беседу с ее старым мужем, вспыхнула драка между собаками, находившимися в зале. Диармад вскочил и выгнал животных, и при этом он потерял свою шапочку, которая скрывала небольшую отметину, оставленную на его лбу волшебством, которая, как говорили, привораживала любую женщину. Граин увидела отметину. Честь, гордость и долг испарились из ее сердца.

Она не стала медлить. Достала из своей киорболг — небольшой сумки, в которой женщины носят свои шкатулки из слоновой кости — снотворное зелье. Всыпав порошок в кубок с вином, она обошла с ним всех гостей, только Диармаду вина не досталось. Вскоре все гости, кроме Диармада, повалились на стол и уснули. Диармад с удивлением наблюдал за этой сценой, а Граин подошла к нему и сказала с мягкой улыбкой: «Забери меня на эту ночь из дворца».

Диармад отказался: это предложение роняло честь его предводителя. Но Граин не беспокоилась. Она скромно потупилась, но когда взглянула вновь, сталь блеснула в ее взоре.

«Твой долг увести меня этой ночью», — сказала она и покинула зал.

Гости начали просыпаться, и Диармад подошел к двум своим ближайшим друзьям.

Диармад рассказал им о дилемме, возникшей благодаря Граин, но оба сказали, что гейз подчиняет все. Диармад задал вопрос, изложив его как теоретическое предположение, самому Финну. Брови Финна поднялись в изумлении.

«Гейз надо следовать», — сказал он.

Итак, в ночи, опозоренный и крадущийся, как вор, Диармад покинул Тару вместе с Граин и отправился в пустоши.

Пролетел год. Все это время он следовал правилу: никогда не забираться на дерево с одной ветвью или в пещеру с одним выходом. Они никогда не ели там, где готовили, никогда не спали там, где ели, и даже никогда не ночевали на одном месте две ночи подряд. Оберегая свою честь, Диармад отказывался прикоснуться к Граин, а на ночь возле ее шатра оставлял неразломанную буханку хлеба, как знак того, что жена Финна оставалась девственной. Но Граин, страстная по природе, выжидала.

Финн, такой же искусный в бою и погоне, как Диармад, легко выследил парочку. Он увидел хлеб и понял, что это обозначает, но продолжал преследование. Его сын и внук обратились к нему: «Как ты сам сказал, гейз превыше всего, и Диармад исполнил это со всей возможной честностью».

Но пара посрамила старика, а он обид не прощал. Он бы сразился с Диармадом, но юноша всегда убегал и, как говорили, иногда не без помощи потусторонних сил.

Страсти нельзя сопротивляться бесконечно, и, наконец, Диармад сделал Граин своею и перестал оставлять

неразломанный хлеб у ее шатра. А Финн решил отпустить их с миром. Диармад с Граин отправились жить в Кей-скораинн, подальше от крепости Финна. Некоторое время спустя Финанна во главе с Финном прибыла в Кей-скораинн на торжества по поводу подписания мира. Рано поутру после их прибытия Диармад отправился с собакой в сторону Бенбульбена. Граин горько плакала, пытаясь остановить его, но он ее не послушал. В сопровождении своих гончих, он быстро пересек долину и стал не спеша подниматься по склону. У самого гребня холма в утреннем тумане он различил одинокую фигуру. Это был Финн.

«Кое-кто из нас встает среди ночи, — сказал Финн, — а гончая выследила вепря. Если мы поторопимся, то еще догоним его».

Роковая кончина героя неотвратима: чему быть, того не миновать. Гейз Диармада запрещала ему охоту на вепря, поскольку одна из этих тварей должна была его убить. Он знал, что это именно тот вепрь, и понимал, что задумал Финн. Он понимал, что, когда это произойдет, для Граин разомкнется кольцо скитаний и вернутся дни, подобные давно прошедшим в Таре. И как бы ему ни хотелось жить, нечто более важное — честь — влекло его к смерти.

Звериный рык известил о том, что кабан рядом. Гончие Диармада заскулили, когда увидели горящие жаждой убийства глаза и чудовищные клыки громадного зверя. Но вепрю нужен был только Диармад. Пока Финн равнодушно наблюдал, молодой человек взмахнул копьем и вогнал его между глаз зверя.

На своей свадьбе с Финном Мак Кумалом Граин Ирландская была очарована красотой Диармада. Опоив гостей волшебным зельем, она вынудила Диармада бежать с нею, нарушив долг перед Финном.

Только Финн Мак Кумал мог спасти смертельно раненного Диармада: вода из рук Финна исцеляла умирающих. Но Финн, вспомнив нанесенные ему обиды, пролил воду сквозь пальцы.

Вепрь замер. Диармад стремительно подскочил и рубанул по шее твари, но меч разлетелся в куски. Человек и зверь сцепились, сражаясь, и какой-то бесконечно долгий миг, вепрь тащил Диармада по траве, пока, наконец, оба залитые кровью, они не замерли. Тело Диармада, распоротое желтыми клыками, замерло неподвижно. Вепрь издох — обломок меча пробил ему голову.

Финн услышал крики рыцарей Фианны, бегущих по склону на шум битвы. Он остановился возле Диармада, и злая усмешка заиграла на его устах.

«А ты не так красив, как прежде, Диармад», — бросил он.

Это услышал внук Финна, Оскар, и взволнованно сказал: «Верни ему жизнь». Все знали, что вода из рук Финна спасает умирающих. Но Финн покачал головой.

— Верни ему жизнь, — повторил Оскар.

— За все, что я прежде сделал для Фианны, — с трудом прошептал Диармад, — верни мне жизнь.

Финн медленно подошел к маленькому ручью и погрузил руки в холодную воду. Под пристальным взглядом внука он медленно вернулся к месту, где лежал Диармад. Но когда

он приблизился, то воспоминание о Граин заставило его губы сжаться, а воду — пролиться сквозь пальцы.

Снова заговорил Оскар. Снова Финн набрал воды. И снова все повторилось.

Тогда внук воззвал к чести Финна, и помня свои обязанности, тот в третий раз набрал воды и поднес к губам Диармада.

Но Диармад был уже мертв.

Такова была трагическая кончина Диармада. Невольник чести, он с достоинством встретил смерть, зная, что судьбы не избежать. И сам Финн, понуждаемый внуком, предпринял попытку, спасая свое доброе имя.

И это имя светит сквозь тьму веков. Спустя годы мощь Фианны возросла, но высокомерие возросло еще больше. Фианна выступила против Высокого Короля и в конце концов была разрушена.

Так же, как люди говорили, что Кухулин разъезжает по небу на боевой колеснице, в течение многих лет после смерти героя, о Фианне они рассказывали лишь лучшее и самое светлое. Например, что Финн спит волшебным сном в пещере, скрытой от глаз смертных, ожидая своего часа. И когда Ирландии это понадобится, Финн вновь проснется.

Воином оказалась женщина. Сигурд пробудил ее от магического сна.

Предательство Нибелунгов

Славу и предательство, раннюю смерть и бесконечную тоску вложили скандинавские поэты в песнь о Сигурде, последнем из датского клана Вольсунгов. Вольсунги были родом героев, происходящим от богов. И чтобы доказать свое высокое происхождение, Сигурд, едва достигнув зрелости, убил дракона, сторожившего сокровища. После победы над чудовищем Сигурд искупался в его крови, что сделало его неуязвимым, за исключением одного места на плече. Места, на которое упал лист липы и прикрыл его кожу в то время, когда он принимал эту жуткую ванну.

После сражения с драконом Сигурд отправился на юг в поисках новых приключений. Спустя несколько дней он увидел столб дыма, поднимающийся над вершиной горы, и направился на верном своем коне по кличке Грейфелл выяснить, что там такое. По мере подъема видел все отчетливей отважный, что вершина окружена стеной огня.

Сигурд повернул лошадь к огненной стене, и Грейфелл с готовностью пошел вперед. Копыта его ступали по раскаленным углям, словно это была холодная галька. Но как только он пересек огненную стену, языки пламени стали исчезать, пока совсем не потухли. Сигурд увидел то, что было скрыто

Пламя поднялось вокруг Брюнхильды, охраняя ее, пока Сигурд вновь за нею не вернется.

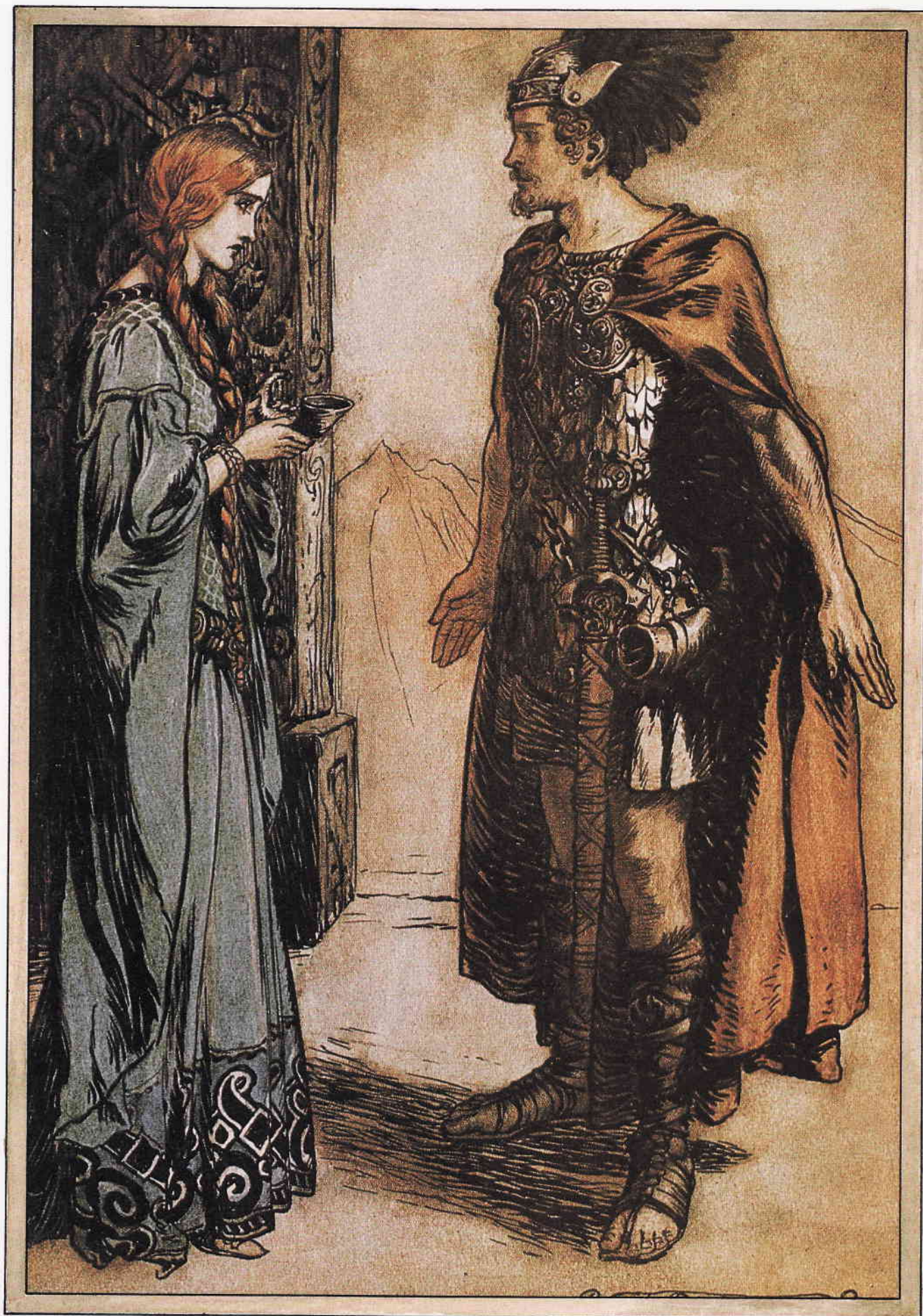
огнем: каменную могилу с телом одетого в золотые доспехи воина.

Поднявшись, он снял с воина шлем. Волна золотых волос хлынула наружу. Волосы окружали прекрасное лицо. Он разрезал ремни, поддерживающие блестящий нагрудник. Воином оказалась женщина. Более того, она была жива: Сигурд, очевидно, пробудил ее от колдовского сна.

Несколько мгновений она смотрела на него мертвенным взглядом, а потом с легкостью, могущей быть только результатом воинских тренировок, вскочила на ноги. Она заговорила — и сердце Сигурда сильнее забилося под кирасой. «Сигурд смог проникнуть в огненную крепость, — сказала женщина-воин, — а на такое способен только отважнейший из смертных. А значит, я теперь принадлежу ему».

Эта женщина была в самом деле наградой герою, как Сигурд понял, когда услышал ее имя: Брюнхильда. Валькирия — одна из героического сонма полубогинь, которые парили в облачной выси над полем битвы, выбирая воина, который погибнет в славе. Однажды она выбрала воина до назначенного времени и была осуждена жить среди обычных людей и постигать их тоску. Но все же она была валькирией, и поэтому ее погрузили в глубокий сон в огненной крепости, так что только величайший из героев — тот, который преодолееет пламя, — сможет заполучить ее.

Никто не знает, как долго беседовали Сигурд и Брюнхильда, но в конце концов они обменялись клятвами. В знак того, что он берет ее в жены, Сигурд дал валькирии кольцо, которое он взял из сокровищ дракона. А она взамен дала ему рунический амулет, чтобы отвага никогда не покидала героя, а меч его не знал поражения. Когда же смертный уезжал, чтобы найти короля, которому он будет служить, и совершить подвиги, сделавшие его достойным облачной женщины, он увидел, что валькирия вновь легла в свой каменный

Кримхильда — королева Нибелунгов — предложила Сигурду кубок волшебного вина.

гроб. Языки пламени снова поднялись, охраняя ее, пока Сигурд не вернется.

Сигурд долгие месяцы путешествовал по миру и в конце концов забрел в земли Нибелунгов — лесного народа, управляемого королем по имени Гиуки. Храбрый и честолюбивый Сигурд прибыл ко двору короля, и его рассказ о золоте и валькирии привлек внимание королевы. Ее звали Кримхильда, она была колдуньей; более всего ее волновало благополучие ее детей.

Пока она слушала рассказ воина, то решила, что для ее дочери Гудрун лучшей партии и быть не может. И придумала, как это можно осуществить: предложила воину кубок вина, замороженного ее темными чарами. Разум Сигурда затуманился, и память о девушке-воине покинула его. Перед ним стояла Гудрун, нежная и очаровательная. И он отдал ей свою любовь.

Спустя несколько недель Сигурд женился на Гудрун, как и планировала колдунья. Семья Гудрун стала и его семьей, а ее братья стали его братьями: Гутторм, Хогни и особенно Гуннар, самый старший и лучший из них. Сигурд и Гуннар вместе охотились и воевали, между ними завязалась дружба.

Кримхильда, которая внимательно следила за своими детьми, приступила к осуществлению второго шага. Она послала своего сына Гуннара посватать Брюнхильду, прекраснейшую из девушек, а Сигурда — сопровождать его. Сигурд, чей разум был затуманен чарами колдуньи, забыл о своем обещании и стремился помочь своему другу и брату в этом деле, как и во всем остальном.

Два молодых человека добрались до чудесной горы Брюнхильды. Сигурд отъехал в сторону, пока Гуннар пытался преодолеть огненную стену. Но конь Гуннара отказался пересекать огненное кольцо. Гуннар попробовал проделать то же самое с конем Сигурда, но Грейфелл отказывался подчиняться любому наезднику, кроме самого Сигурда.

Обещанная Брюнхильда попросила одного воина из Нибелунгов — Хогни — отомстить за нее.

В конце концов они решили воспользоваться заготовленным заговоренным зельем, которое Кримхильда, предвидя, что преодолеть пламя сможет только Сигурд, дала им. Это зелье изменило их внешность. Сигурд преодолел пламя и вошел к валькирии. Брюнхильда, обнаружив возле своего гроба незнакомца, решила, что Сигурд погиб, и так как только величайший из воинов мог преодолеть стену пламени, то этот человек должен был занять место Сигурда — сильнейшего и храбрейшего. Скорбя, она отдала ему золотое кольцо, подаренное ей Сигурдом, и согласилась выйти за него замуж.

Раздор начался в семье на свадебном пиру старшего сына. Рядом с Гуннаром и Брюнхильдой в пиршественном зале сидел Сигурд с женой Гудрун, и на пальце у Гудрун красовалось золотое кольцо из драконьих сокровищ. Брюнхильда присмотрелась. Это был тот самый Сигурд, которого любила она, — высокий и красивый, с резко очерченной линией бровей и кудрями медного цвета. Он встретил ее взгляд и отвернулся.

Женщины стали ссориться. Гудрун заметила, что валькирия не спускает глаз с Сигурда, и это ей не понравилось. И поэтому она рассказала Брюнхильде то, что Сигурд сказал ей по секрету, забыв о том, как некогда прежде завоевал Брюнхильду для себя, — что он завоевал Брюнхильду для Гуннара. Гудрун показала Брюнхильде золотое кольцо, которое Сигурд получил в награду и отдал носить ей — своей жене.

Брюнхильда отвернулась от своего мужа, Гуннара, с презрением. Он был не тем, кто преодолел пламенное кольцо, и уловка, которую он использовал, оскорбила валькирию. Она наговорила Гуннару на Сигурда и потребовала убить его, чтобы смыть с себя позор. Но Гуннар отказался. «Сигурд, — сказал он, — нареченный брат мне».

Тогда Брюнхильда обратилась к младшему брату Гуннара Хогни. Тот был наделен злобным характером и был способен

В единственное уязвимое место на теле Сигурда вонзил Хогни свое копье.

на предательство. Он с радостью взялся за дело. Начал с того, что смутными речами вызвал беспокойство жены Сигурда о его безопасности. И таким образом прознал от не умеющей молчать женщины о единственном уязвимом месте Сигурда — пятне там, где липовый лист закрыл его плечо.

Зная это, убить Сигурда было просто. И вот, дождавшись подходящего дня, Хогни отправился с ним на охоту глубоко в германские леса. С богатой добычей появился Сигурд; а затем, разгоряченные, они бросились наперегонки к источнику, чтобы утолить жажду и искупаться. И Сигурд гонку выиграл. Когда же он вышел из воды, мокрый и смеющийся, и оказался спиной к Хогни, Хогни вонзил копье в его плечо.

Так умер Сигурд. Брюнхильда, вне себя от горя, кинулась в погребальный костер и предалась пламени, чтобы остаться с ним навечно. А Хогни и остальные Нибелунги погибли спустя некоторое время, сражаясь друг с другом из-за Гудрун, которая с момента смерти Сигурда жила только мщением.

Глава третья

Братство Круглого Стола

Как-то раз во времена, когда Британия сияла в славе, а король Артур сидел на престоле, двое могучих рыцарей сошлись в поединке. Битва велась ради двух женщин, а призом в ней был ястреб.

Все началось с того, что рыцарь по имени Эрик, сын Ларка, выехал прекрасным весенним утром, чтобы навестить жену короля Артура, пока та охотилась вместе со своими дамами в западных лесах. Во время охоты произошло нечто загадочное. Рыцарь в синих с золотом доспехах возник между деревьями; рядом с ним ехала дама. Пару сопровождал приземистый карлик, который оскорбительно паялся на королеву, а когда сэр Эрик вмешался — и на него. Более того, карлик хлестнул рыцаря королевы узловатой плеткой по лицу. И вот курьезное трио — карлик со злобным взглядом, надменно смеющийся рыцарь и робко улыбающаяся дама — развернуло лошадей и скрылось в лесу.

Сэр Эрик оставил королеву и ее дам в безопасности под присмотром своих оруженосцев. После этого он повернулся и, вооруженный лишь мечом и охотничьим луком, последовал за незнакомцами.

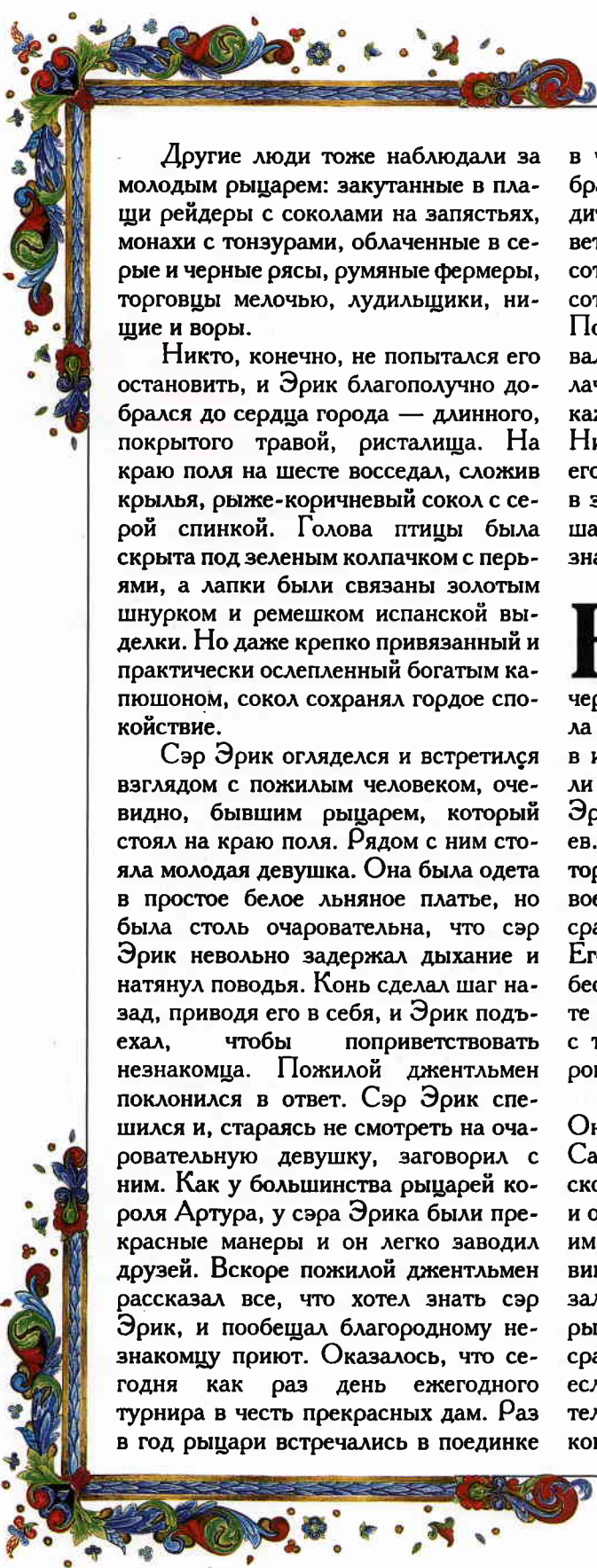
В течение нескольких часов он ехал по извилистой лесной тропинке, пока лес не расступился, пропуская его к открытым полям и тенистым

холмам. Тропа вела через эту незнакомую страну к цитадели, под маячившими на горизонте стенами и башнями которой виднелись покрытые черепицей крыши домов большого города. Далеко впереди, возле городских ворот, сэр Эрик увидел три небольшие фигуры, одна из которых была облачена в золотое.

Он пришпорил коня и последовал за ними.

Он увидел улицы города, заполненные празднично кружащейся толпой. Обидчиков сэра Эрика нигде не было видно. Его конь осторожно пробирался по булыжной мостовой в направлении центра города. Сэр Эрик не обращал внимания на взгляды, бросаемые на него. А смотрели из-под опущенных ресниц придворные дамы, одетые в серебристые бархатные одежды; и краснолицые матроны с головами, закутанными в льняные платки, широко улыбающиеся; и одетые в пунцовые одежды пресвитеры, в открытую зазывавшие энтов.

Другие люди тоже наблюдали за молодым рыцарем: закутанные в плащи рейдеры с соколами на запястьях, монахи с тонзурами, облаченные в серые и черные рясы, румяные фермеры, торговцы мелочью, лудильщики, нищие и воры.

Никто, конечно, не попытался его остановить, и Эрик благополучно добрался до сердца города — длинного, покрытого травой, ристалища. На краю поля на шесте восседал, сложив крылья, рыже-коричневый сокол с серой спинкой. Голова птицы была скрыта под зеленым колпачком с перьями, а лапки были связаны золотым шнурком и ремешком испанской выделки. Но даже крепко привязанный и практически ослепленный богатым капюшоном, сокол сохранял гордое спокойствие.

Сэр Эрик огляделся и встретился взглядом с пожилым человеком, очевидно, бывшим рыцарем, который стоял на краю поля. Рядом с ним стояла молодая девушка. Она была одета в простое белое льняное платье, но была столь очаровательна, что сэр Эрик невольно задержал дыхание и натянул поводья. Конь сделал шаг назад, приводя его в себя, и Эрик подъехал, чтобы поприветствовать незнакомца. Пожилой джентльмен поклонился в ответ. Сэр Эрик спешился и, стараясь не смотреть на очаровательную девушку, заговорил с ним. Как у большинства рыцарей короля Артура, у сэра Эрика были прекрасные манеры и он легко заводил друзей. Вскоре пожилой джентльмен рассказал все, что хотел знать сэр Эрик, и пообещал благородному незнакомцу приют. Оказалось, что сегодня как раз день ежегодного турнира в честь прекрасных дам. Раз в год рыцари встречались в поединке

в честь прекрасных дам, чтобы выбрать из них прекраснейшую. Победителю достается сокол — всадник ветров, чья сила и великолепная красота может сравниться только с красотой прекраснейшей из женщин. Последние два года победу одерживал рыцарь Идер — стареющий силач, чья гордая леди требовала, чтобы каждую весну он приносил ей сокола. Никто больше не решался вызывать его на поединок. Сэр Идер одевался в золотое и голубое; сэр Эрик, услышав это, стиснул зубы — теперь он знал, что нашел обидчика.

Но, конечно, ничего не сказал. Он со стариком и его дочерью, — а прекрасная девушка была дочерью старика, — направились в их городской дом. Коня стреножили и отвели в конюшню. За обедом Эрик услышал историю своих хозяев. Старик был землевладельцем, который продал землю, чтобы оплатить военные походы. Сам он больше не сражался из-за возраста и бедности. Его дочь, которую звали Энид, была бесприданницей, а бесприданницы в те дни, как бы красивы они ни были, с трудом могли рассчитывать на хорошую партию.

Но сэра Эрика это не беспокоило. Он полюбил Энид, как только увидел. Сам же он, отпрыск могучего королевского рода, не нуждался в ее приданом, и он не преминул об этом сказать своим хозяевам. После того как разнесли вино и огонь в камине догорел, он сказал хозяевам: «Я вызову Идера. Этот рыцарь мне не нравится, и я буду с ним сражаться во имя прекрасной дамы, если она согласится, ведь она очаровательнейшая из девушек, которых я когда-либо видел».

Энид, вспыхнув, посмотрела на отца; и тот с улыбкой кивнул. Доблестный рыцарь был достойной парой его дочери. Это было решено с легкостью, но сражение все еще было впереди, а Идер был известен как воин, не знающий поражения.

На рассвете следующего дня Энид облачила сэра Эрика в доспехи своего отца: своих при нем не было. Поверх шерстяной рубахи и штанов рыцарь надел кожаную тунику, которая должна была предохранить его от доспехов: удары по кольчуге могли вгонять кольца глубоко в плоть. К примеру, длинная кольчужная рубашка весила сорок фунтов. На голову он надел кожаную шапочку, чтобы уменьшить давление шлема. Этот полированный шлем весил двадцать пять фунтов. Его украшали желтые ленты, прикрепленные Энид, как знак ее расположения.

Оседлав коня, сэр Эрик выехал на поле, чтобы сразиться с Идером. Рядом с ним ехала Энид на красивой лошади, и праздничная толпа бросала на нее восхищенные взгляды, пораженная ее красотой.

Сэр Идер ждал на поле. Он посмеялся над тем, как сэр Эрик превозносит красоту своей возлюбленной, и над его вызовом, назвав его трусом и неоперившимся птенцом. Но когда сэр Эрик подверг сомнению его собственную доблесть, он, конечно же, прекратил насмешки. Пинками, толчками и яростными командами поле наконец освободили для противников. Поединок начался в соответствии со строгими правилами рыцарства, которые знали не только участники, но и все горожане. Эрика и Идера нарекли братьями, но они продол-

жали обмениваться оскорблениями. И когда бойцы начали поединок, то ритуал диктовал все — скорость, последовательность событий, перерывы, оружие; неизвестным оставался только исход битвы. Поединок начинался с конной схватки. Бойцы становились друг против друга по разным концам поля. Рыцари опускали забрала шлемов и по сигналу герольдов немедленно атаковали друг друга. Они не держали поводья, чтобы оставить руки свободными. Каждый из рыцарей прикрывался щитом. Острия копий смотрели вперед, слегка отклоняясь в сторону противника. Лучшие воины направляли острие копья в центр щита противника, но редко встречались рыцари, которые могли так манипулировать острием копья на полном скаку.

С грохотом Эрик и Идер столкнулись. Оба копья ударили в щиты, и сила удара была такой, что оба всадника очутились на земле.

Начался второй этап турнира. Они кружили, держа мечи наготове и позвякивая кольчугами. Вес доспехов замедлял движения. Вновь и вновь огромные лезвия опускались, нанося удары то по шлему, то по щиту, то по кольчуге. Стянутым амуницией обоим — наносящему и получающему удар, — требовались минуты, чтобы прийти после него в себя, пока кровь крупными каплями стекала на пыльную траву. Долгим был этот смертельный поединок.

Проходили часы. Возбуждение в толпе то спадало, то вновь возрастало.

Во времена короля Артура галантные рыцари сражались в честь своих дам. Так, сэр Эрик, рыцарь Круглого Стола, участвовал в турнире в честь своей возлюбленной — прекрасной Энид и победил, выиграв приз, — великолепного охотничьего сокола.

Все ждали смертельного удара, но каждый раз то один рыцарь, то другой ловко уклонялись. На разных концах поля на своих лошадках сидели Энид и дама Идера, неподвижные, как статуи. Сокол на своем высоком насесте сидел также неподвижно. Тени удлинились. Наконец Идер попросил об отдыхе.

Оба рыцаря остановились, и, опираясь на рукояти мечей, стояли, переводя дыхание. Сэр Эрик повернулся и через смотровую щель увидел белую фигурку Энид, сидящей на маленькой серой лошадке.

Приободренный, повернулся он к Идеру.

«Пес, — сказал он, — пришло время прекратить твоё безрассудство».

Начался последний этап сражения. Каждый из противников выискивал трещины и щели в броне другого: недостаточно хорошо отпарированный удар мог угодить в шов на кольчужной рубашке и проникнуть дальше в плоть, или еще хуже — попасть в щель забрала и ослепить рыцаря. Неосторожное движение — и по руке Идера потекла кровь, пропитывая золотую с синим тунику, в которую он был одет.

Сэр Идер стал заметно уставать и шатался, как пьяный. Более молодой и ловкий Эрик стал теснить его. Его меч опустился на шлем Идера — и тот пошатнулся. Следующий удар расколол шлем сэра Идера и оставил на черепе кровотокающий рубец. Рыцарь пошатнулся и рухнул на землю.

Быстро, словно гончая, Эрик оказался рядом с ним, собираясь перерезать сэру Идеру горло. Но тот не был готов к смерти. Над полем прозвучал голос, сдавленный остатками шлема: «Я взываю к твоему милосердию, — простонал он, — мой меч — твой, а сокол принадлежит твоей даме».

Но Эрик потребовал, чтобы рыцарь к тому же отправился ко двору короля Артура и понес наказание, которое королева посчитает нужным назначить за нанесенное ей оскорбление. После этого сэр Идер остался один, ожидая, пока его люди не придут за ним и не заберут его домой, а толпа, примолкшая в последней части поединка, окружила сэра Эрика. Они сняли с него боевой шлем и сопроводили его пока он шел к своей даме.

Народ весело приветствовал Эрика, когда он снял сокола с насеста и

вручил его Энид. Птица, устав от долгого сидения во время поединка, вспорхнув, уселась на ее одетую в перчатку руку и с воодушевлением принялась чистить перья. Она, казалось, была довольна тем, что нашла родственную душу и отдалилась от мужских проблем.

Сэр Эрик был воином, который жил в новом мире. От диких времен Фианны его отделяли столетия. И даже великий воин Кухулин давно почил в славе. Десятилетиями Британия, или как ее тогда называли, Логрес, жила в мире, мудро управляемая королем Артуром.

Теперь король был стар, но его неиссякающая энергия и деяния его молодости окружали его ореолом сияющего волшебства. Само рождение короля, как и рождение иных героев, было окружено тайной и волшебством. Об этом знал даже самый молодой паж при его дворе. Много лет назад, когда Англию терзали внутренние раздоры и нападения врагов из-за моря, архимаг Мерлин изменил облик короля Утера Пендрагона, превратив его в лорда Горлиса из Корнуолла. Чары действовали всего одну ночь, — но в эту ночь король и жена Горлиса, леди Игрейн, зачали ребенка. А поскольку времена были смутными, то Мерлин спрятал младенца до тех пор, пока тот не будет готов занять трон после смерти Утера.

Это случилось четырнадцать лет спустя, когда Мерлин взял юношу в Лондон, где на глазах самых знатных лордов Артур вынул из камня церемониальный меч, что было под силу только полноправному королю. Когда драгоценная рукоять меча легла ему в руку, Артур унаследовал престол.

Но юному королю пришлось сражаться за трон. Годы ушли у него на то, чтобы объединить воинственные кланы британцев и защитить страну от врагов. Он был крепок духом, и ему помогал Мерлин. Именно Мерлин дал возможность Артуру обрести свой боевой меч Калибурн — оружие, выкованное волшебной расой в подозрительном королевстве. Лезвие меча была нескруσιμο, а ножны исцеляли любые раны, стоило только к ним прикоснуться. Именно с Калибурном Артур объединил страну.

И как полагают некоторые, именно по приказу Мерлина был сооружен Круглый Стол. Говорят, что создан Стол был для рыцарей отца Артура и являлся как бы символом бесконечности, ведь он не имел ни начала ни конца; поскольку стол был круглым, никто из сидевших за ним рыцарей не занимал более почетное место, чем другие. Было лишь одно исключение: одно сидение, называемое Съег Перилос, или Гибельное Место, которое предназначалось только величайшему рыцарю мира, чье превосходство будет доказано, — гласило одно из предсказаний Мерлина, — величайшим подвигом.

Это место оставалось незанятым. Перед смертью король Утер передал стол королю Леодеграну из Корнуолла, как приданое для его дочери, прекраснейшей из принцесс того времени, обрученной с Артуром. Звали ее Гиневра, и она принесла в приданое мужу, Артуру, не только Круглый Стол, — символ равенства и единства рыцарей, — но и то, что впоследствии уничтожило братство.

Лишь отвага разрушит чары

В славные рыцарские времена людям нравилось рассказывать удивительные истории о том, как завоевывали прекрасных дам и о доблестных и отважных влюбленных, среди которых часто звучало имя Арта Ирландского. Он был сыном великого короля, прозванного Конн-Ста-Битв. И в одиночку Арт сумел одержать победу в схватке с колдуньей за деву из волшебной страны Фейри. Звали девушку Дилвкэйм — Волшебное Созданиe, но была она несчастной пленницей собственных родителей. Ее матери, могущественной колдунье, была предсказана смерть в тот час, когда ее дочь выйдет замуж. Поэтому-то колдунья с Морганом, своим мужем, держали прекрасную Дилвкэйм в заточении, а рыцарей, пытавшихся ее освободить, предавали смерти. Стремясь к прекрасной Дилвкэйм, Арт преодолел Запретное море и высадился на таинственном берегу, где не ступала нога человека. Когда он вступил на землю Фейри, колдунья сразу же узнала о его приближении. Черным волшебством навстречу рыцарю были посланы полчища ведьм и громадных ядовитых жаб. Арт вступил в бой и расчистил путь к замку колдуньи. Замок окружали бронзовые пики, и на острие каждой — головы несчастных рыцарей, которые пытались освободить Дилвкэйм. Одна из пик пустовала — очевидно, место было предназначено для головы Арта. Но рыцарь не ведал страха. Сама колдунья вступила с ним в бой, но Арт не отступил, сражался и победил. И вот ее голова вознеслась на бронзовой пике. Колдун Морган вступил в бой и тоже пал, сраженный. Счастливый победитель подхватил на руки истомленную ожиданием Дилвкэйм и отправился домой. Сказители говорят, что даже волшебство приходит на помощь влюбленным. Волны подхватили их и нежно, как летний ветерок, перенесли на берег родной Ирландии.

Но эти дни и дни, когда сэр Эрик покинул королеву, чтобы найти сэра Идера и сразиться с ним, разделяют многие годы. В дни Эрика братство находилось на вершине своей славы, а двор короля Артура был прекраснейшим во всем христианском мире. Круглый Стол был установлен в большом зале Камелота — крепости Артура, которая по некоторым сведениям находилась в Сомерсете, а по некоторым — в Корнуолле. Самые могучие рыцари мира — сыны лордов, королей

и принцев, несравненные в доблести, — присоединялись к Артуру, чтобы служить ему. Для некоторых это являлось целью всей жизни. Среди них был сэр Гавейн — образец преданности и рыцарства, в солнечной натуре которого было нечто волшебное; магия делала его необыкновенно сильным с рассвета и до заката, а ночью он был слаб, как ребенок. Еще в свите состояли добродушный и наивный сэр Персиваль, усердный и отважный сэр Борс,

раздражительный и несколько хвастливый сэр Кей, сэр Гарнет, храбрый и скромный, сэр Паламидес Сарацин, сэр Динадан, всегда утверждавший, что осторожность — лучшая сторона отваги, но очень смелый, и наконец, признанный могучий богатырь сэр Ланселот. Всего сто пятьдесят прославленных рыцарей.

Трудно себе представить красоту Камелота. Замок стоял на высоком зеленом холме. Ярус за ярусом вздымались его стены и башни, сложенные из золотистого камня. Над башнями развевались королевские штандарты. За стенами располагался город. Там были казармы для солдат, кузницы и оружейные мастерские для изготовления и хранения оружия, дома шорников, конюшни, вольеры для ястребов. Все это располагалось неподалеку от покрытого травой ристалища, но на приличном расстоянии от дворца. На высоком холме в окружении цветущих садов располагалась цитадель с библиотекой, сокровищницей и часовней.

Исторически Камелот был лишь содружеством воинов, но время внесло драматические изменения в их характеры. Они стали рыцарями. Само слово означает только то, что они были всадниками; оснащены они были новейшей по тем временам амуницией — высокими, покрытыми бархатными попонами, деревянными седлами, стремянами, привезенными из Азии и не известными в Европе во времена ирландских героев. Детство рыцаря проходило в постоянных упражнениях.

По достижении семи лет мальчиков благородного происхождения отправляли в замок, где они постигали искусство охоты и войны. По всему Камелоту — в большом дворцовом зале, в покоях королевы, в конюшнях, рядом с клетками ястребов, на псарнях — можно было увидеть маленькие фигурки королевских пажей, безымянных, одиноких и уставших до крайности. На то, чтобы натренировать ум и мышцы в обращении с мечом и копьем, а также верховой езде, требовались годы.

К четырнадцати годам, при везении, лучшие пажи становились оруженосцами. Им позволялось носить шлем и прислуживать воинам на ристалище. Если все шло хорошо, их самих в двадцать один год посвящали в рыцари.

Но рыцарство подразумевало намного большее, чем просто военное искусство. Под эгидой рыцарства сформировалась новая мораль. Дикая импульсивность героев времен Кухулина была заменена новыми законами, законами чести, которые пажи и оруженосцы постепенно изучали.

Рыцари короля Артура были не только воинами, связанными законами воинской чести, но также и защитниками слабых и обездоленных. Они не могли отказать, услышав просьбу о помощи. Даже в бою они старались проявлять максимальный гуманизм: например, они старались не ранить лошадь противника. Никто из рыцарей, если поединок, конечно, велся не на смерть, не смел проигнорировать мольбу побежденного о пощаде, и самые яростные поединки иногда оканчивались тем, что победитель, отрывая полосы ткани от своих одежд, перевязывал раны побежденного.

Правила благородного поведения на поле боя плавно распространялись и на правила поведения в обществе, особенно, если там присутствовали дамы. Образ женщины приобрел тогда новое значение. В то время женщины были как бы возведены на пьедестал, они стали идолами, вдохновителями рыцарских подвигов. Рыцарство, конечно, не изменило женщин. Как и во все времена, они любили, выходили замуж, рожали детей, смеялись и плакали, хотя и по другим причинам. Но это не имело значения — обожествлялась сама идея женщины. Рыцари стремились к божественным идеалам и образцам верности, побеждающим смерть.

При некоторых дворах это отношение было доведено до абсурда, по крайней мере, если верить трубадурам. Например, в роскошных и изысканных дворцах Прованса придворные дамы устраивали публичные суды, обсуждая поведение своих воздыхателей. А в Германии рассказывали об Ульрихе, графе Лихтенштейна, который обрек своего коня на вечное путешествие, а свое тело на сражения, во имя служения возлюбленной. Она радовалась, получая вести о его победах, и напутствовала его на подвиги. Однажды она услышала, что Ульрих потерял палец на турнире, и публично демонстрировала скорбь; а затем узнала, что на самом деле палец не оторван, а только поцарапан. Тогда она послала письмо, обвиняя рыцаря в том, что из-за него она прослыла лгуньей. Когда посланник принес эту весть Ульриху, рыцарь, без колеба-

ний — как он всегда поступал, выслушивая ее слова, — приказал посланнику отрубить ему палец.

История Ульриха, конечно, хрестоматийный пример ослепления идеей служения женственности. При дворе короля Артура, зеркале рыцарства, кое-кто, возможно, и восхищался этим, но подражать ему никто не стал. Женщин превозносили, как никогда прежде, но не так, чтобы потерять их в заоблачных высях. Их искали, завоевывали, любили и оберегали их честь. А поскольку в эти времена честь дам бросала отблеск на мужчин-покровителей, улыбки дам сердца предназначались доблестным и отважным.

Так сэр Эрик нашел невесту, защищая честь королевы, как свою собственную, и завоевал Энид в честном бою, проявив доблесть и отвагу. Они поженились и отправились жить в его поместье, где супруги месяцами пребывали в полном уединении. Он не показывался при дворе и не искал приключений. Над ним уже стали смеяться; и тогда Энид сама предупредила мужа, что геройская слава увянет, как подснежник, если он останется только счастливым мужем. А если он хочет оставаться героем, то должен вновь совершать подвиги. Так он и поступил.

Все рыцари короля Артура стремились к подвигам и приключениям. Вращенные для битв, только в борьбе были они счастливы. В ней находили смысл жизни.

Тем не менее они жили в сравнительно мирную эпоху. Бесконечные войны, которые вели их предки, остались в прошлом.

Сон короля Артура

Однажды, в светлые годы начала царствования, отпраздновал король Артур на охоту и остановился отдохнуть возле лесного ручья. И когда уснул он, то увидел страшный сон. Образы драконов проплывали в его сновидениях; грифоны и другие омерзительные твари пожирали его подданных. Наихудшим из всех был Зверь Взыскующий — змееподобное огнедышащее чудовище с голосом, подобным собачьему вою. Тварь напилась чистой воды из ручья и исчезла во мгле. Весь дрожа, проснулся король. Сновидение, казалось, перечеркивало светлые надежды в его сердце. А что оно обозначает, объяснил кудесник Мерлин. Зверь Взыскующий — не просто дурной сон. В это отвратительное существо превратилась принцесса, которая пыталась совратить собственного брата и, получив отказ, затравила его собаками. А теперь это порочное создание появлялось там, где возникали низменные устремления и противоестественные желания. И королю Артуру открылось это видение по причине порочности самого Артура. Не ведая истинных родителей, взращенный вдалеке от семьи, он, повзрослев, зачал ребенка с дочерью своей матери, своей сводной сестрой, королевой Моргаузой Оркнейской. Родился от этой связи сын, который вырастет только для того, чтобы однажды ввергнуть Англию в упадок. Итак, Мерлин объяснил королю, что хотя жизнь его будет овеяна славой, будущее омрачено тенью. Он сам породил человека, который разрушит все, что создаст Артур.

Король Артур нашел в лице Гиневры, дочери Леодеграна Корнуолльского, королеву, ставшую достойным украшением его страны. Прекрасным было ее приданое: сто отважных рыцарей и Круглый Стол Утера Пендрагона.

Рыцари при дворе никогда не предавались праздности. Всегда принимали участие в охоте и турнирах. Они были хорошей практикой для рыцарей Артура. Часто войны отправлялись и в одиночку на поиски приключений, подвергаясь риску и мечтая о славе.

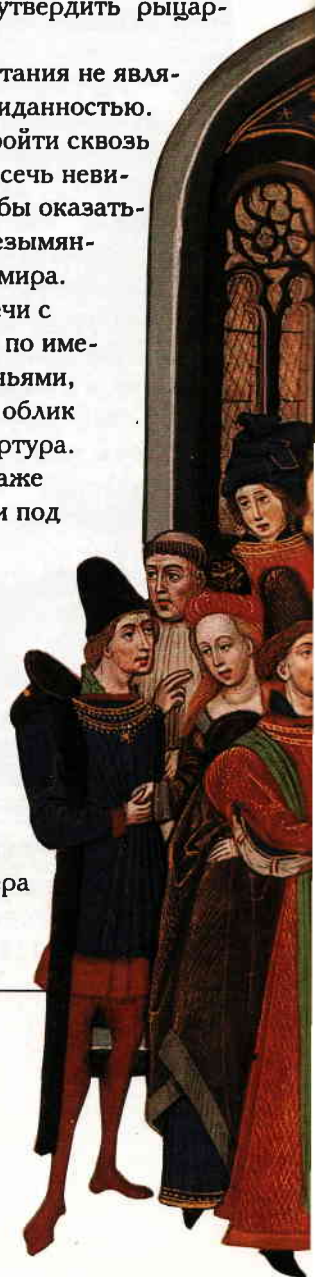
Подолгу, иногда целый год, рыцарь мог отсутствовать, а затем однажды его иссеченные непогодой штандарты появлялись на поле у врат Камелота, а друзья по воинскому братству могли увидеть его истрепанные одежды. Вот как описывали в хронике возвращение Гевейна: «Усталый и изможденный рыцарь восседал на отощавшем коне, в кольчуге, рассеченной в нескольких местах, и со щитом, столь изрубленным, что невозможно было прочесть девиз. Но доброе копье рыцарь твердо сжимал в руке».

Он победил в сражениях и теперь может позволить себе немного отдохнуть. В Англии царил мир, но времена были такие странные, что продвигаясь в глубь страны, можно было встретить всяческие чудеса. В горах на севере жили жестокие великаны-каннибалы. В озерах и реках обитали подданные волшебной Файри, капризные, могущественные и очень опасные. В чаще лесов, — а большая часть тогдашней Англии была покрыта лесами, — вдруг обнаруживались фонтаны, охраняемые бессмертными существами. Над гладью горных озер возносились сияющие дворцы, обрамленные цветущими полями, и там бесконечно долго томились пленные рыцари.

Те, кто отправлялся на западное побережье острова, к туманному Ирландскому морю, часто видели прозрачные хрустальные башни дивных замков на волшебных островах. А за изгибом лесной дороги обнаруживались безмолвные сторожевые башни с окнами пустыми, как глазницы мертвеца, и ответом на рыцарский вызов было только шуршание плюща да скрип седла. Конь встревоженно пятился, чувствуя, как и сам рыцарь, напряженное чуткое молчание неведомых существ. Но можно было проникнуть в замок и силой духа, отвагой и мощью утвердить рыцарские права.

Подобные испытания не являлись такой уж неожиданностью. Достаточно было пройти сквозь дремучий лес и пересечь невидимую границу, чтобы оказаться лицом к лицу с безымянными силами иного мира. А еще бывали встречи с хорошо известными по именам черными колдуньями, которые принимали облик придворных леди Артура. Многие рыцари и даже сам король попадали под власть их чар.

Король Артур искал королеву и нашел ее в Гиневере, дочери Леодеграна Корнуолльского. Прекрасным было ее приданое: сто отважных рыцарей и Круглый Стол Утера Пендрагона.

Леди Тьмы, неуловимые как блики на воде, могли быть добрыми и злыми, благорасположенными и враждебными к смертным. Даже их облик был изменчив: они могли явиться в облике старой карги или юной красавицы — как им заблагорассудится.

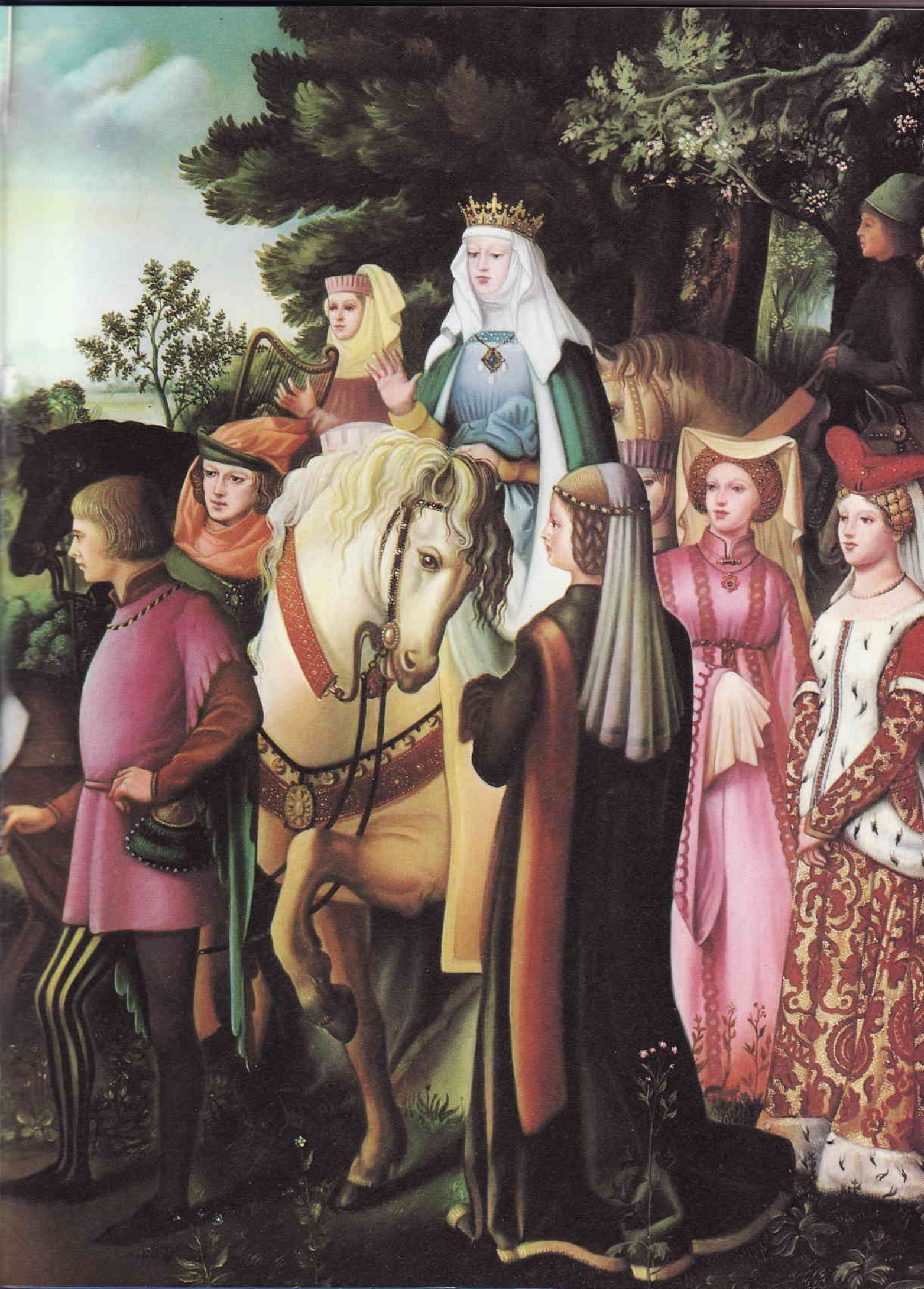
Наиболее известны среди них сводные сестры короля Артура, дочери его матери Игрейн от первого брака. Одна из них — Моргауза, королева Оркнейская. В молодости Артур, не зная из-за насланного ею

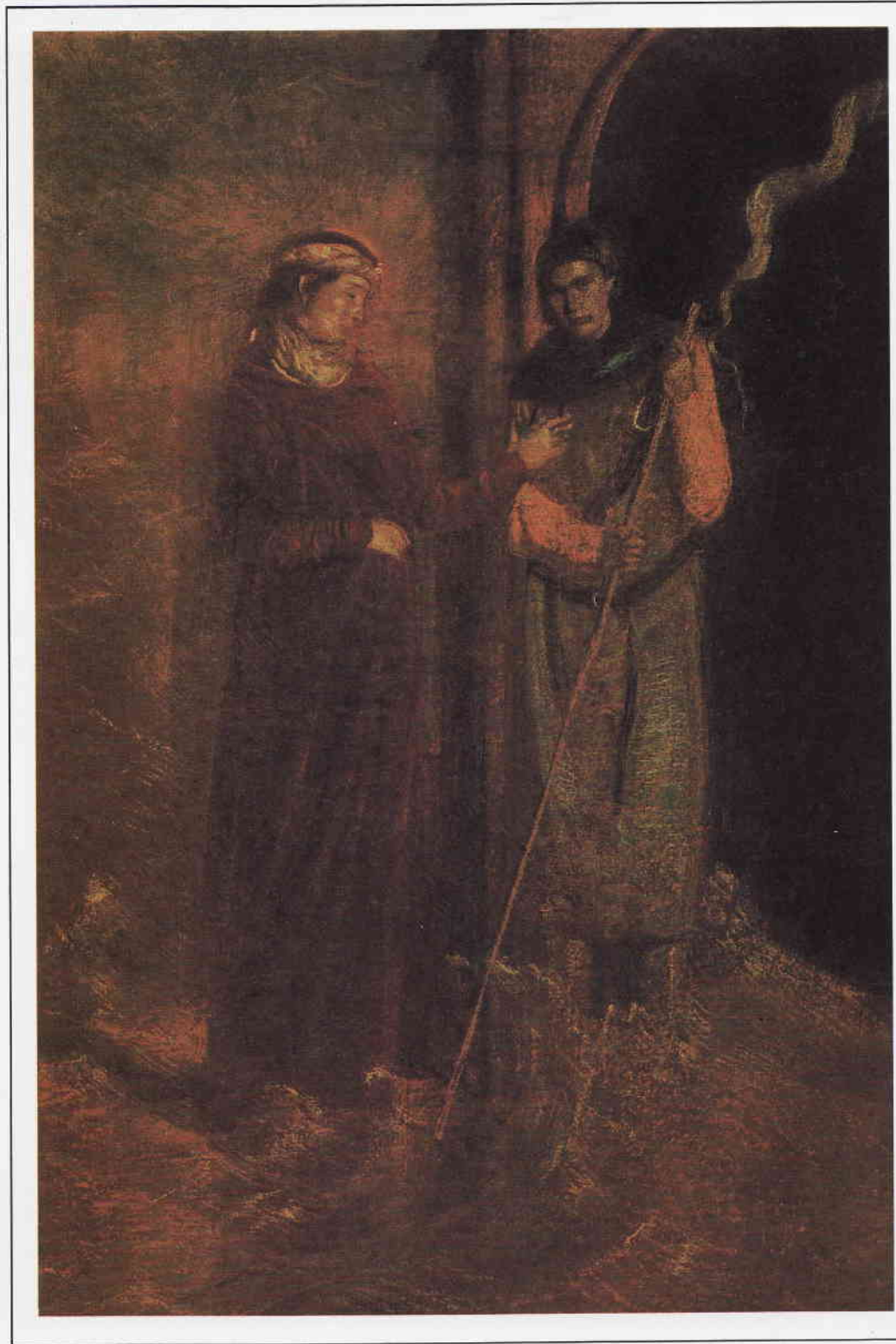
ли, кем-то другим ли колдовства, что совершает кровосмешение, зачал с нею сына, Мордреда, который впоследствии стал разрушителем королевства. Другая — Фея Моргана, которая появлялась в облике то жуткой ведьмы, то прелестной соблазнительницы. Говорили, что она создала волшебную долину, всю в изумрудной зелени, орошаемой искрящимися струями фонтанов и окруженную непроницаемой воздушной стеной. Она завлекала туда рыцарей

Среди обширных лесов и плодородных полей Англии возвышались могучие увенчанные стягами башни прекрасного замка Камелот. В дни расцвета рыцарства здесь собиралась геройская дружина короля Артура.

Ланселот, лучший из лучших рыцарей Артура, в детстве упрятан был феями в подводное царство. По достижении им возраста вступления в рыцари, Дева Озера, королева фей, завершила обучение юноши волшебству и отправила его к королю Артуру.

и они проводили время в свое удовольствие, позабыв о войне, — заживо умершие для рыцарства. Но говорили также, что Моргана обладала искусством целительницы и вместе с другими феями обитала на волшебном острове Авалон, предоставляя время от времени убежище тяжелораненым.

И последней в троице великих волшебниц, самой загадочной из всех, была Дева Озера. Часть летописцев утверждали, что живет она в хрустальной горе в морской глубине, где всегда царит весна. Но большинство считало, что обитель ее — чистейшее горное озеро, название которого неведомо никому. Как жемчужины сияют башни ее замка из озерных глубин; а кое-кто считал, что и сама вода — лишь иллюзия, использованная Девой Озера, чтобы оградиться от надоедливых посетителей. Сокровища таились в перламутровом замке — волшебные кольца, плащи-невидимки да и меч короля Артура, Калибурн, находился здесь. Говорили, что Дева иногда удерживает в плену кого-то из смертных, но в конечном итоге ее поступки, сколь бы причудливыми и капризными они не казались, приносят благо. Это она некогда защитила сэра Ланселота, самого великого из Артуровых героев, в котором соединились радость и печаль рыцарства.

Ланселот родился в Западной Франции, в Бенвике, позже именуемом Беан, или Байонна. Он был королевским сыном, но Бан, его отец, погиб в сражении, когда Ланселоту исполнился всего год. Понимая, сколь смутны времена,

Дева Озера забрала ребенка в свое недоступное царство. Так Ланселот, подобно героям прошлых эпох, возвращен был в мире ином. Дева Озера воспитала его, следя, чтобы Ланселот овладел не только воинскими искусствами, но и правилами хорошего тона и следовал законам чести. И когда пришел час и Ланселот был готов, сама представила его королю Артуру в Камелоте и рекомендовала к посвящению в рыцари.

Так впервые появился Ланселот в большом зале королевского дворца, сопровождаемый прозрачной, едва видимой феей. И стал он как бы вторым оружием, подаренным Артуру Девой Озера, живым Калибурном. Высокий и стройный, настоящий королевич, он посвятил жизнь служению Артуру, а меч — защите королевства. Опясала его мечом королева Гинебра; и говорят поэты, что в тот самый момент, когда она застегнула перевязь и с улыбкой подняла взор, взгляды их встретились, и затрепетало сердце юного рыцаря. Всем существом своим навсегда полюбил он Гинебру.

Юн и застенчив он был, выросший вдали от людей, но учтивость и воспитание позволили ему подружиться с остальными рыцарями. Добросердечный и отзывчивый, искренний и любезный, он завоевал любовь товарищей. Но сражаться с ним никто не стремился, поскольку на турнирах не было равных Ланселоту.

Рыцарь, пойманный в волшебные сети

Воспитанный волшебницей, Ланселот был захвачен в плен Феей Морганой. Это произошло в один из дней его странствий, когда рыцарь, отпустив своего коня поспать, прилег отдохнуть под яблоней и уснул. Все четыре владычицы Фейри проезжали мимо, в сопровождении своей свиты, и увидели спящего Ланселота. Это были королева Северных Ветров, королева Востока, королева Дальних Островов и Фея Морганя. Когда они увидели спящего рыцаря, то спешили и заспорили, кому из них он достанется в любовники. "Пусть он решит сам", — сказала Фея Морганя, исчерпав аргументы. И при помощи волшебства перенесла Ланселота в тюрьму своего замка. Несколько часов спустя он проснулся и увидел перед собой четырех королев. Морганя сразу же объяснила ситуацию: "Ты Ланселот Озерный, сын короля Бана, — сказала она, — ты влюблен в королеву Гиневу, но для нее ты потерян навсегда. Сейчас выбери из нас ту, любовником которой ты станешь." "Я не стану выбирать. Не нужна мне ни одна из вас", — твердо сказал Ланселот и отвернулся. Воздарило напряженное молчание. "Тогда сгнивай в этой камере", — бросила Морганя, и отвергнутые женщины покинули комнату. Итак Ланселот на много дней был заточен в тюрьму, строя планы освобождения, но ему требовалась помощь, чтобы противостоять колдовству и бежать. И помощь пришла в лице служанки, которая приносила ему еду. Ланселот был так учтив и галантен с нею, так вежлив и обходителен, что однажды ночью она вывела его из тюрьмы на свободу. Что же касается злобной Морганя, то она попыталась еще несколько раз пленить Ланселота. Она пыталась использовать колдовство, но чары ее были бессильны против рыцаря, преданного своей королеве.

После турниров обычно происходили пиры. Ланселот, когда мог, наблюдал за королевой, глядя на отблески огня на ее золотистых волосах, или замечал улыбку, вспыхнувшую в ее темных глазах, но он не приближался к ней, за исключением тех случаев, когда правила двора обязывали к этому. Поэтому он не видел, как ее глаза с удовольствием следили за его грациозной фигурой.

Конечно, постепенно турниры и пиры утомили рыцарей. И с приходом зеленого апреля они стали покидать крепость, выезжая из огромных ворот, чтобы проскакать по полям, окружающим замок, в дремучие леса, находящиеся неподалеку. Парами и поодиночке покидали они крепость, отправляясь на поиски приключений, — Гэвейн и Кейрис, Кей и Бедвер, Борс и сам Артур. Ланселот тоже отправился испытать себя. Выезжая из ворот, он оглянулся и увидел королеву, глаза которой многое сказали ему.

В течение следующих месяцев вести о подвигах Ланселота прибывали в Камелот, приносимые возвращающимися рыцарями, странствующими монахами, бардами. Они рассказывали о кровавых битвах и чудесных освобождениях: так, он спас двух рыцарей короля Артура, которых заточил в замке зловещий лорд Туркуин. Сражение с ним было таким жестоким, что кони погибли под рыцарями, и много часов они сражались пешими, пока Ланселот не обезглавил Туркуина. Рассказывали также, что в Корнуолле Ланселот убил двух велика-

нов. Что он нашел волшебную долину, в которой Фея Моргана держала своих измученных узников. Он перебил стражу, охранявшую это место. В числе убитых был любовник колдуньи. Ланселот отрубил ему голову и послал ее Моргане в обмен на освобождение узников.

Все знали, что заклятья, лежащие на долине Морганы, мог преодолеть лишь доблестнейший из рыцарей. И победа Ланселота показывала его исключительную отвагу. Не все победы совершаются оружием. Иногда требуется отвага, ум и мужество. Два эпизода из рассказов о приключениях Ланселота показывают, как он применил свои личные качества. Трудно сказать, когда именно это происходило, но о первом приключении рассказывают вот что.

Ланселот заблудился в лесу. Ветви деревьев смыкались над узкой тропой. Ни шороха, ни птичьего пения не было слышно, лишь скрип седла, позвякивание колокольчика на узде да топот копыт, приминающих лесные травы. Но вдруг вдалеке послышалась музыка — гобой, лютня, барабан. Ланселот устремился вперед и вскоре очутился на лесной поляне. Там возвышалась башня, а на цветущем лугу танцевали дамы с кавалерами. Все были нарядно одеты, в изысканных головных уборах, бледные с безучастными взорами продолжали они бесконечное элегантно кружение.

А рядом на траве стояла шахматная доска, и на ней с грациозностью танцоров передвигались золотые и серебряные фигуры, хотя ничьи руки не касались их. Лан-

селот спешился и какое-то время наблюдал за движениями шахматных фигур. Вдруг он почувствовал осторожное прикосновение и посмотрел вниз: рядом стоял карлик.

Правила таковы, — промолвил карлик, — если рыцарь приведет одну из сторон к победе, — пленники будут освобождены, но только величайший рыцарь в мире может победить в игре. Карлик ехидно рассмеялся, поклонился и исчез.

Ланселот не знал заколдованных танцоров, но понимал, что именно они и есть пленники. Честь требовала, чтобы он приложил все усилия к их освобождению, но не силой оружия, а только силой ума. Если он потерпит поражение, он утратит то, что для рыцаря дороже всего — звание лучшего в мире.

Ланселот внимательно посмотрел на доску. Конечно, он умел играть в эту прекрасную игру, но уверенней он себя чувствовал в настоящих, а не в призрачных битвах. Но пока он наблюдал, золотые и серебряные фигурки выстроились ровными рядами: пешки и офицеры, ладьи и кони, короли и королевые друг против друга и замерли, ожидая его повелений. Вздохнув, Ланселот сделал первый ход золотой пешкой: на два поля королевской линии. Серебряные фигуры ответили соответствующим ходом: королевская пешка серебряных стала напротив на собственное четвертое поле. Вскоре Ланселот целиком погрузился в игру, не обращая никакого внимания на заколдованных танцоров, продолжающих безостановочное кружение.

Ланселот обратил внимание на то, что фигурами противника командует серебряная королева, внимательно оберегая своего маленького короля. Пристально наблюдая за игрой, она командовала перемещениями фигур, но, кажется, не слишком заботилась о собственной безопасности. Ланселот понял, как победить этого маленького вождя армии, и почувствовал облегчение. Его золотые шахматисты ринулись в бой.

Жертвой пешки Ланселот выманил из укрытия серебряную королеву. Позиция стала неустойчивой. Ланселот еще раз все обдумал. Серебряная королева, отойдя от строя своих пешек, защищенного офицерами и ладьями, сама не была надежно защищена. И Ланселот начал фланговую атаку ладьей и офицером, и за пять ходов обезвредил королеву.

С достоинством она покинула доску, а все серебряные фигуры повернулись в своих клетках, глядя ей вслед. Но ее глаза, как прежде, внимательно следили за полем.

«Нет, ты больше не можешь управлять игрой», — сказал ей Ланселот. И с удивлением Ланселот увидел, что королева, будто уличенная в преступлении, поспешно закрыла глаза.

После этого задача упростилась, действия серебряных фигур стали сумбурными. Пешки сбились на середине поля, офицеры стали ходить как попало, и даже столкнулись друг с другом. Ладьи подтянулись друг к другу и замерли, охраняя себя, но не позиции.

Через несколько минут все было почти закончено. «Шах», —

Прекрасная дева из Астолат

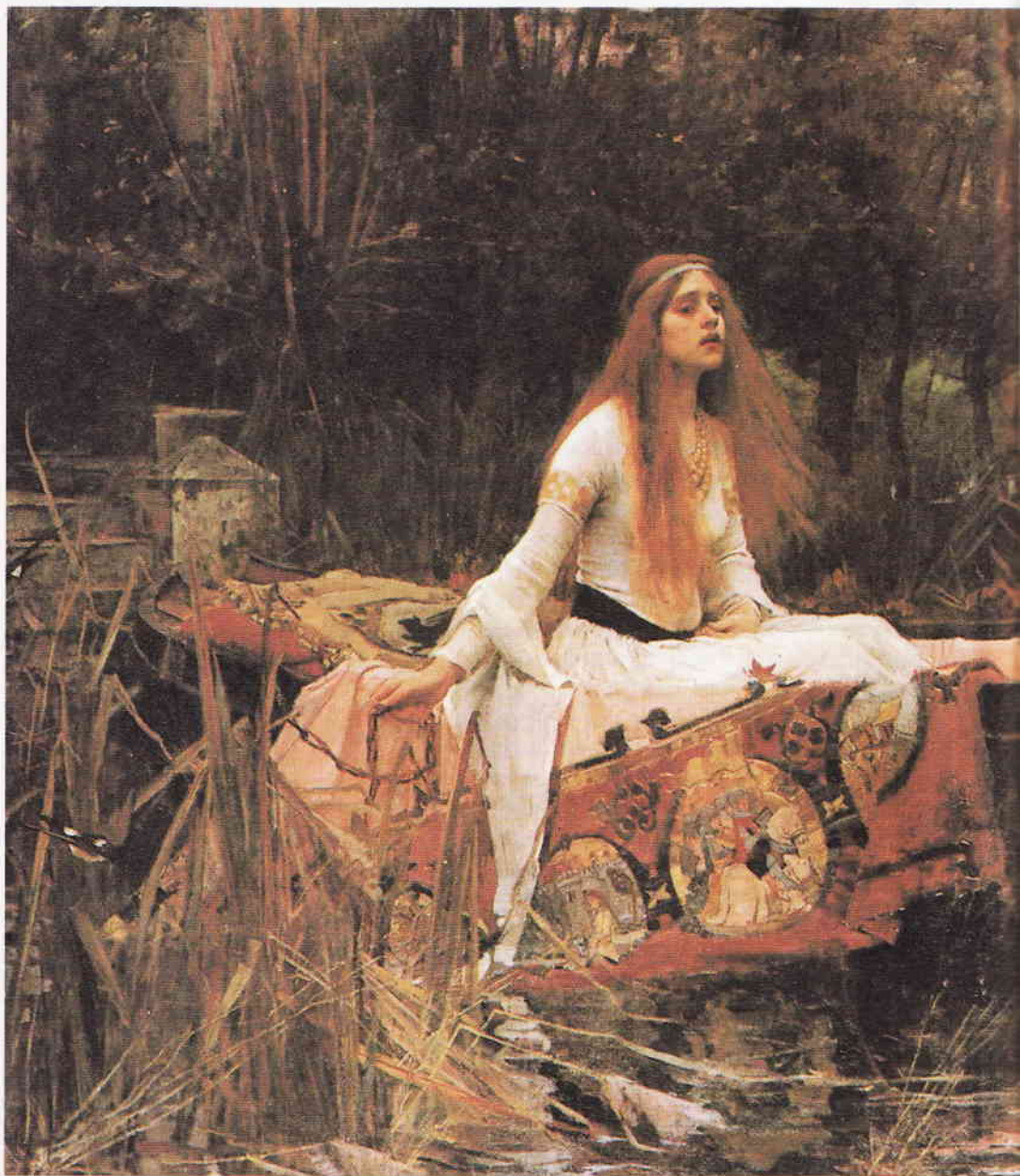
Многие девушки вздыхали о Ланселоте. Но сердце его принадлежало Гиневре. Он полюбил ее в тот день, когда был представлен при дворе короля Артура. Поэтому девушки, повздыхав, забывали его. И лишь одна его любила так же сильно, как он королеву. Девушку, нежную красавицу, звали Элайн. Когда она впервые увидела Ланселота из окна башни, то не знала, кто он. Ланселот странствовал в поисках приключений. Отец Элайн предоставил ему убежище на ночь, как было принято в те времена. Элайн, сидя рядом с Ланселотом и своим отцом в большом зале, узнала, что Ланселот будет принимать участие в завтрашнем состязании рыцарей. Элайн, не в силах скрыть чувства, попросила сэра Ланселота надеть ее знак. Так было принято: рыцарь в сражении или на турнире повязывал на шлем или руку знак — ленточку или какую-нибудь деталь одежды дамы своего сердца. Но Ланселот никогда не делал этого. Ленту Гиневры привязать на шлем он не мог, а поэтому не привязывал никакой. Он отказал было и Элайн, но девушка так сильно огорчилась, что Ланселот уступил и повязал шлем алым, украшенным жемчугом рукавом ее платья. На турнире никто не узнал отважного рыцаря. В тот день Ланселот в жарких схватках победил сорок рыцарей, но и сам был ранен. Элайн целый месяц нежно ухаживала за ним. А когда Ланселот оправился от ран, сказала, что мечтает стать его женой. Очень ласково Ланселот ответил, что никогда ни на ком не женится. В отчаянии юная леди сказала, что согласна стать его любовницей. Ланселот, растроганный силой девичьей любви, объяснил, что сердце его навсегда принадлежит другой, и один вернулся в Камелот. А Элайн умерла от любви. Исполняя последнюю волю, гроб поставили в барку и пустили по реке, текущей в Камелот. Конечно же, в великой грусти Ланселот встретил погребальный челн и похоронил прекрасную Элайн.

сказал Ланселот, передвигая золотую пешку. Золотая королева горделиво взглянула на серебряного короля.

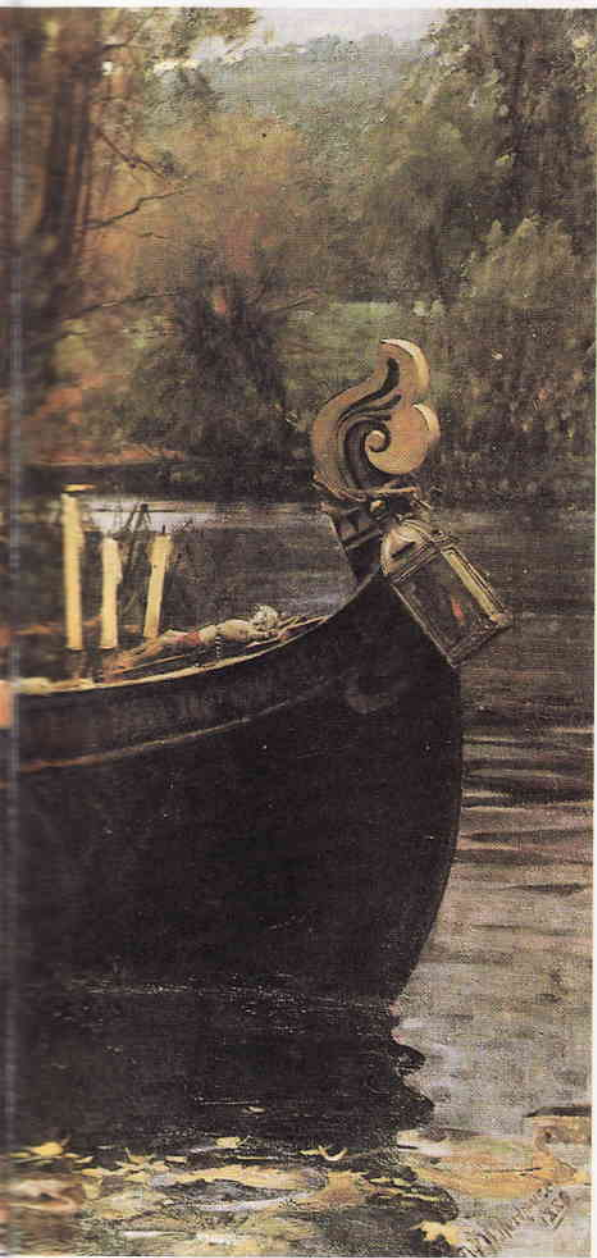
Некоторое время серебряные обдумывали ситуацию. Но ничто уже не могло спасти их короля.

«Мат вам, трусливые», — засмеялся Ланселот и расправил могучие плечи. Музыка стихла, танцы прекратились.

На лицах танцующих появился румянец, а в глазах — осмысленное

выражение. Отдав Ланселоту, самому достойному рыцарю в мире, благодарный поклон, они поспешили поскорее домой, в те края, где жили, прежде чем попасть в колдовской плен. И Ланселот то-

же оседлал коня и отправился дальше.

Следующий подвиг, или следующий после следующего — точная хронология никому не известна, — был таков: Ланселот увидел замок у дороги и как только въехал в ворота, к нему, рыдая, подбежала девушка и попросила помочь ее брату. Тот убил рыцаря Гилберта в честном поединке и сам был ранен. Сейчас тело сэра Гилберта лежит в часовне, около ворот; а его вдова, колдунья, наложила проклятие на победителя. Раны юноши не заживут до тех пор, пока не найдется храбрый рыцарь, который перевяжет раны одеждой сэра Гилберта и прикоснется к ним мечом убитого. Ланселот улыбнулся девушке, спешился, оставил коня у ворот и направился к часовне.

Задача казалась легкой, пока Ланселот не увидел, что вход в часовню охраняют тридцать воинов-чудовищ, одетых во все черное. Они стояли, не шевелясь, но заслышав шаги Ланселота, с жуткими улыбками, обнажившими не менее жуткие клыки, стали окружать рыцаря.

Мурашки побежали по спине Ланселота, страх, казалось, сковал рыцаря, но, преодолев мгновение слабости, Ланселот поднял щит и, расталкивая черных чудовищ, вошел в часовню, где лежало тело сэра Гилберта. Ланселот взял меч сэра Гилберта, но как только оторвал полоску ткани от его туники, земля задрожала.

Ланселот оглянулся. Все тридцать черных фигур стояли в дверях часовни, загораживая выход. Ланселот поднял меч убитого и направился к ним. Как только он приблизился, фигуры расступились,

освобождая выход, но зазвучал угрожающий голос:

— Опусть меч, сэр Ланселот, брось его, или ты погибнешь.

Но Ланселот не замедлил шаг — и мрачная часовня осталась позади. Рыцарь вышел на свет и увидел, от кого исходили угрозы. Молодая женщина, черноволосая, зеленоглазая, во вдовьих одеждах, говорила с холодной улыбкой:

— Оставь меч Ланселот, или ты не уйдешь живым.

— Я не сделаю этого, — ответил Ланселот.

ворят, что она умерла, как только Ланселот прикоснулся мечом ее мертвого мужа к ране юного рыцаря.

Все это рассказывалось при дворе короля Артура. Осенью, когда дни становились короткими, а вечера долгими и холодными, возвратившиеся в замок рыцари, сидя у камина, рассказывали истории о совершенных подвигах. И чаще всего звучало имя Ланселота, всеми любимого рыцаря, который был украшением их рыцарского братства.

Тогда леди сменила тон:

— Правильно, мой рыцарь, иди, я поцелую тебя...

Но Ланселот снова отрицательно покачал головой:

— Нет, никогда.

После этих слов леди как бы поблекла и стала растворяться в воздухе. Слышался только голос:

— О, я давно полюбила тебя. И ты будешь моим, когда перестанет биться твое сердце...

Это была колдунья Хелавес, одна из помощниц Морганы, вестница смерти. Но мужество Ланселота и его стойкое сердце победили ее. Го-

Мужественные рыцари знали, что смерть поджидает каждого, но готовы были встретить ее с достоинством. Однажды Ланселот увидел свое собственное надгробие, но все же продолжал совершать новые подвиги.

Ланселот был величайшим воином королевства, защитником короля и королевы. Он посвятил королеве Гиневре свою верность и преданность, и все знали, что он рыцарь королевы. В те времена у всех знатных дам были свои рыцари, которые рассчитывали разве что на благосклонную улыбку своей дамы. Таковы были правила рыцарства.

Мужественные рыцари знали, что смерть поджидает каждого, но готовы были встретить ее с достоинством. Однажды Ланселот увидел свое собственное надгробие, но все же продолжал совершать новые подвиги.

Король наблюдал за происходящим с доброй улыбкой: Ланселот был ему как сын, а кроме того, рыцарь был первым защитником чести королевы.

Но любовь Ланселота к королеве не была просто придворной любовью. Он давно отдал ей свое сердце. Его верность королеве была всем известна. У него не было любовных приключений с другими женщинами.

Но со временем королева ответила на его любовь, хотя оба они понимали, что это предательство по

дений Малеганта он вступил в кровавый бой с несколькими рыцарями и убил их всех, за исключением самого принца. Об этой битве известно немного, только то, что все лошади были убиты и лошадь Ланселота — тоже.

Дальше, очевидно, он пошел пешком, в тяжелых доспехах, с оружием, оттягивающим руки; а кроме того, он был утомлен нелегкой битвой. Ланселот дошел до деревушки — типичной для пограничных земель: куры возились в придорожной пыли, дети равнодушно разгля-

отношению к королю и пятно на чести Ланселота.

Это произошло после похищения королевы. История похищения довольно запутанна, но основные события таковы: принц по имени Малегант взял в заложники несколько знатных рыцарей короля Артура и требовал в обмен на них королеву, поскольку восплаал к ней любовью. Гиневра отважно отправилась в его страну, королевство Горр. Говорили, что оттуда никто никогда не возвращался. Так или иначе, но Ланселот отправился следом за королевой. На границе вла-

дывали его. Ланселот не увидел ни одного коня, только несколько мулов.

Однажды Ланселот освободил заколдованных пленников, сыграв в шахматы с неизвестным волшебником. Говорят, что шахматную доску, на которой он выиграл это сражение, Ланселот преподнес как трофей королеве Гиневре, слишком мелких, непригодных под рыцарское седло.

На грязной деревенской дороге стояла телега, запряженная клячей. Стоящий рядом карлик, ехидно посмеиваясь, сказал: «Садись, рыцарь,

Однажды Ланселот освободил заколдованных пленников, сыграв в шахматы с неизвестным волшебником. Говорят, что шахматную доску, на которой он выиграл это сражение, Ланселот преподнес как трофей королеве Гиневре.

я отвезу тебя в Горр, где ты найдешь свою королеву».

Ланселот колебался: на таких телегах возили преступников или трупы, для рыцаря сесть в нее совершенно унижительно, но выхода не было, хотя гордость Ланселота страдала. Карлик взмахнул кнутом, и телега тронулась.

Они ехали почти целый день. Миновали несколько таких же грязных деревушек, и везде ребятишки смеялись и улюлюкали им вслед, потешаясь над Ланселотом.

рыцаря были защищены, а вот ладони мост-меч рассек так, что кровь капала в реку.

Малегант ждал рыцаря; и ждала его королева. Правила рыцарства были соблюдены: Гиневра увидела, как Малегант был побежден, поставлен на колени и принужден обеспечить безопасное возвращение королевы домой под покровительством Ланселота.

Но королева с негодованием отвернулась от подошедшего к ней спасителя. Она была рассержена,

Наконец телега остановилась на берегу реки.

«Здесь», — сказал карлик. Ланселот выбрался из телеги.

Река была черной; деревья вокруг стояли голые.

«Мост», — снова коротко бросил карлик и, безобразно гримасничая, кивнул головой.

Ланселот взглянул и увидел, что через реку переброшен мост — огромный блестящий острый меч. А на другом берегу, среди деревьев, стояла прямоугольная башня — тюрьма королевы.

Ланселот перебрался на другой берег, изранив руки в кровь. Ноги

потому что узнала о том, что ради спасения королевы, увезенной злым принцем, сэр Ланселот поступил своим рыцарским достоинством. Поскольку его конь был убит, он поехал освобождать королеву на телеге, которая использовалась только для перевозки преступников и отъявленных негодяев.

Ланселот некоторое время колебался, садиться ли на позорную телегу, — получалось, что рыцарь ставил свою гордость выше ее безопасности. Как бы то ни было, они поссорились, и Ланселот, огорченный, ушел в лес.

Чтобы спасти королеву, увезенную злым принцем, сэр Ланселот поступил своим рыцарским достоинством. Поскольку его конь был убит, он поехал освобождать королеву на телеге, которая использовалась только для перевозки преступников и отъявленных негодяев.

Скоро королеве сказали, что он убит. И тогда Гинебра поняла, что любит Ланселота. Когда он вернулся, чтобы отвезти ее в замок короля Артура, Гинебра увела его в тайные покои — и с тех пор они стали любовниками.

Ланселот вернул королеву в Камелот, но это было грустное возвращение, потому что они не могли жить друг без друга. Они старались быть осторожными, но все заменили перемену: их тайные улыбки, шепот, их неожиданный гнев и ре-

казал собрать всех младенцев Англии, родившихся в день весеннего равноденствия, в ладью и отправить к нему в Камелот. Зачем — никому не известно. Ладья утонула, и лишь младенец Мордред был прибит волной к берегу и остался жив. Мордред думал — может быть, не без основания, — что отец хочет убить его.

У Артура не было законных детей, а Мордред, рожденный вне брака, не мог наследовать трон — и сделал все, чтобы этот трон раз-

вность. Король ничего не замечал, но желающие раскрыть ему глаза уже находились.

Двор короля Артура был уже не тот, что прежде: появились интриги, создавались мелкие союзы и группировки вместо сплоченности и чести, что царили раньше. Это было связано с Мордредом — сыном короля Артура от его сестры Моргазы. Мордред всегда улыбался, но это был негодяй, ненавидевший Артура. Когда молодой Артур узнал, что Моргаза — его сестра и что она родила от него сына, то при-

рушить. Он собрал вокруг себя группу недовольных юных негодников. Когда Мордред полностью убедился, что его подозрения о связи королевы и Ланселота верны, то начал действовать и постепенно разрушил все хорошее, что было в Камелоте.

Чтобы достичь замка, где томилась королева Гинебра, Ланселоту пришлось перебраться на другой берег по лезвию острого меча. Он спас королеву, но на руках Ланселота остались глубокие раны.

Чтобы достичь замка, где томилась королева Гинебра, Ланселоту пришлось перебраться на другой берег по лезвию острого меча. Он спас королеву, но на руках Ланселота остались глубокие раны.

Сэр Персиваль

Герои Круглого Стола были странствующими рыцарями, которые бродили по свету в поисках приключений и подвигов. И находили их: так, однажды сэр Персиваль де Гейлс набрел на замок волшебницы. Там он увидел рыцаря, прикованного цепями к каменному столбу. Ударом меча сэр Персиваль разбил цепи и освободил рыцаря. А когда узнал его печальную историю, то пошел разыскивать саму волшебницу: при помощи колдовства она, ради развлечения, приковывала рыцарей к столбам. На Персиваля ее колдовство не действовало, и когда он отыскал колдунью, то заставил ее расколдовать всех рыцарей. И вот один за другим камни и валуны вокруг замка оживали, превращаясь в рыцарей, — оказалось, что каждый камень был заколдованным пленником волшебницы.

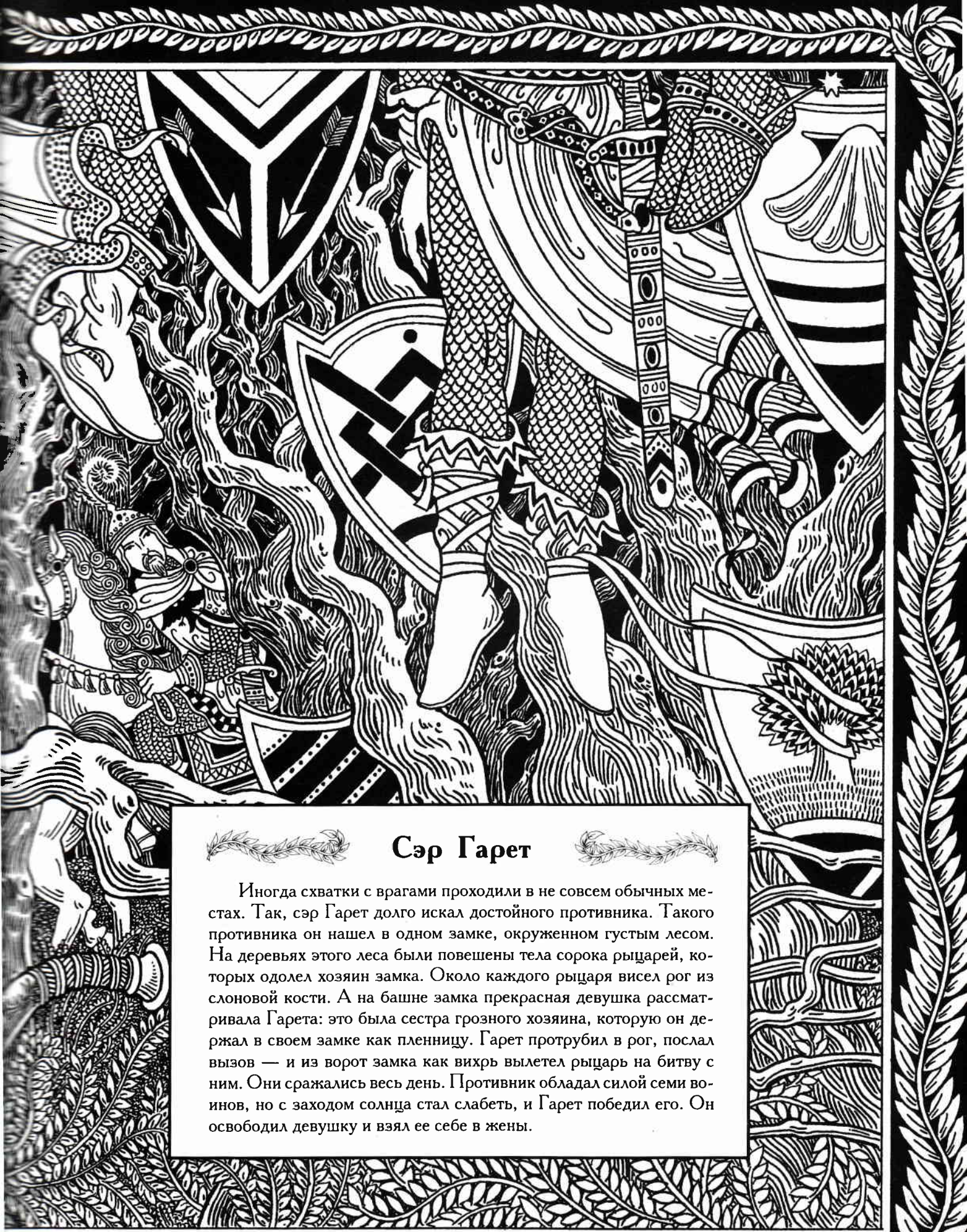

Сэр Борс

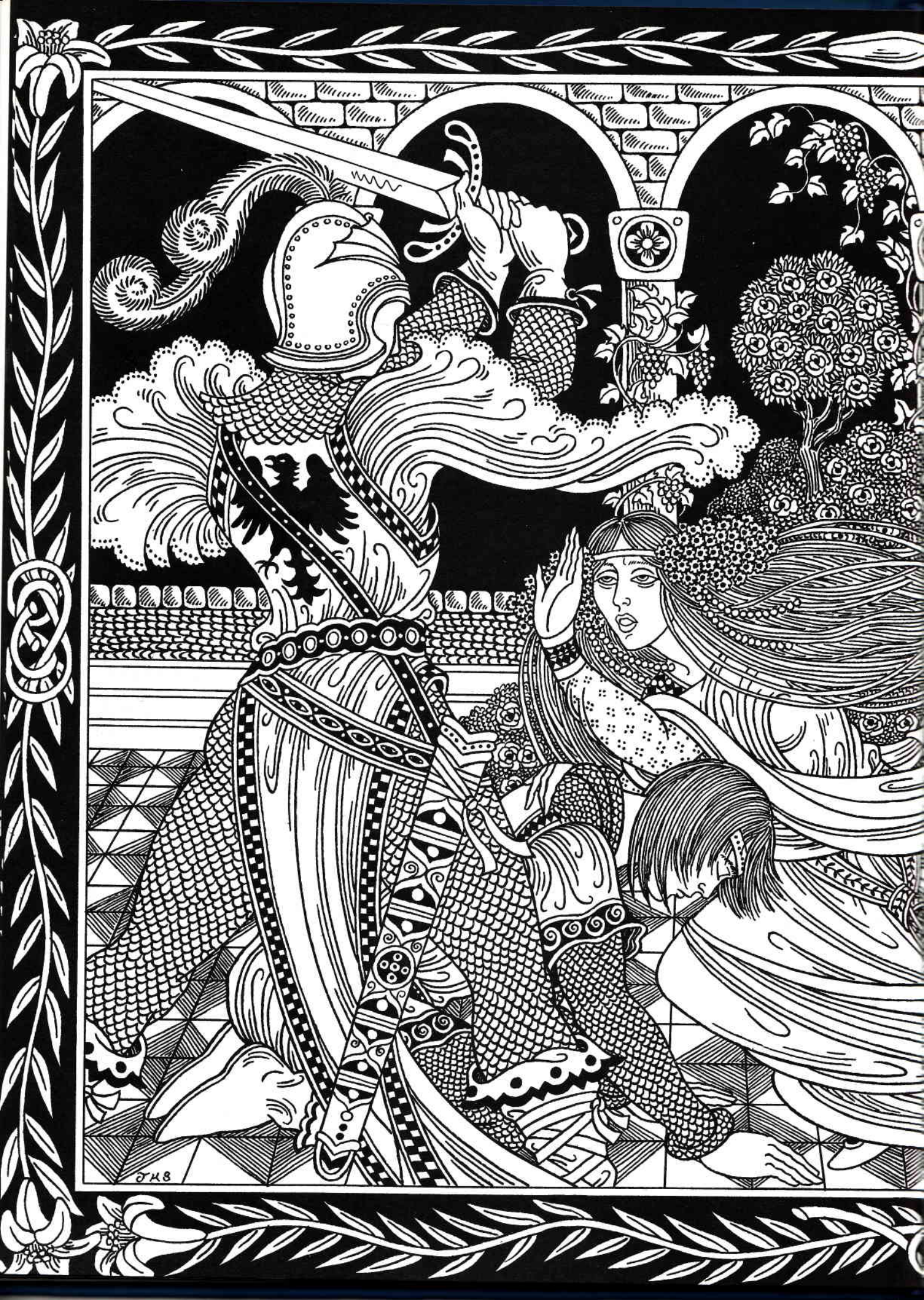
Эта история о сэре Борсе, которого при помощи волшебства удержали от братоубийства, чтобы он был достоин совершить свои грядущие подвиги. Как-то раз Борсу пришлось сделать выбор: странствуя в поисках приключений, он увидел, что разбойники напали на его брата Лайонела, а недалеко взывала о помощи девушка, тоже пойманная разбойниками. Борс оставил брата наедине со своей судьбой и бросился на помощь девушке. Когда он вернулся, Лайонел был уже свободен и взбешен выбором Борса. Примирение не удалось. Начался жестокий поединок. Борс одержал победу, потому что был сильнее. Но когда он занес меч для последнего смертельного удара, между братьями вспыхнула завеса пламени. Узрев сие чудо, Борс опустил меч; его брат остался жив, но Борс никогда больше не общался с ним.

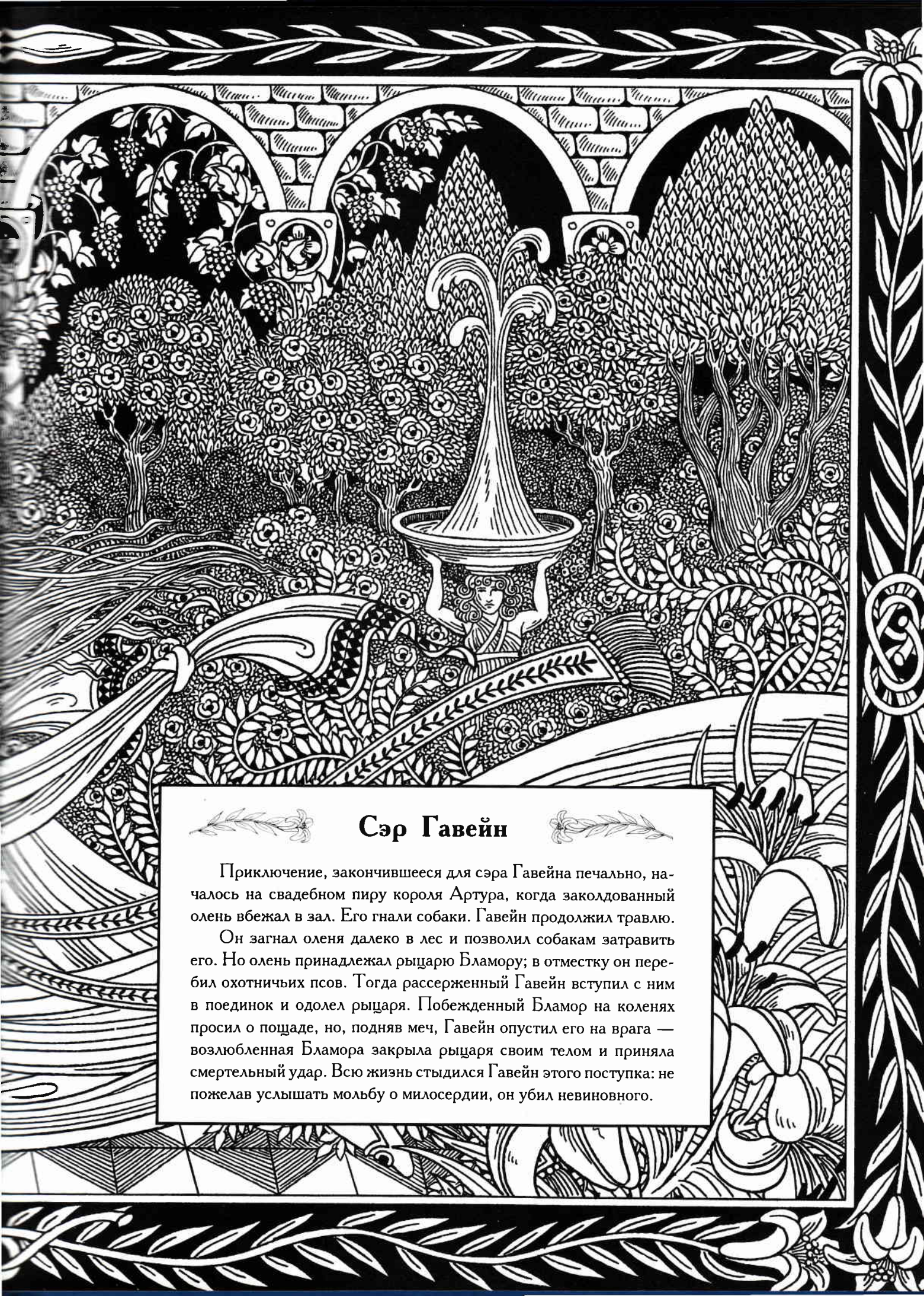

Сэр Гарет

Иногда схватки с врагами проходили в не совсем обычных местах. Так, сэр Гарет долго искал достойного противника. Такого противника он нашел в одном замке, окруженном густым лесом. На деревьях этого леса были повешены тела сорока рыцарей, которых одолел хозяин замка. Около каждого рыцаря висел рог из слоновой кости. А на башне замка прекрасная девушка рассматривала Гарета: это была сестра грозного хозяина, которую он держал в своем замке как пленницу. Гарет протрубил в рог, послал вызов — и из ворот замка как вихрь вылетел рыцарь на битву с ним. Они сражались весь день. Противник обладал силой семи воинов, но с заходом солнца стал слабеть, и Гарет победил его. Он освободил девушку и взял ее себе в жены.

Сэр Гавейн

Приключение, закончившееся для сэра Гавейна печально, началось на свадебном пиру короля Артура, когда заколдованный олень вбежал в зал. Его гнали собаки. Гавейн продолжил травлю.

Он загнал оленя далеко в лес и позволил собакам затравить его. Но олень принадлежал рыцарю Бламору; в отместку он перебил охотничьих псов. Тогда рассерженный Гавейн вступил с ним в поединок и одолел рыцаря. Победленный Блamor на коленях просил о пощаде, но, подняв меч, Гавейн опустил его на врага — возлюбленная Бламора закрыла рыцаря своим телом и приняла смертельный удар. Всю жизнь стыдился Гавейн этого поступка: не пожелав услышать мольбу о милосердии, он убил невинного.

Глава четвертая

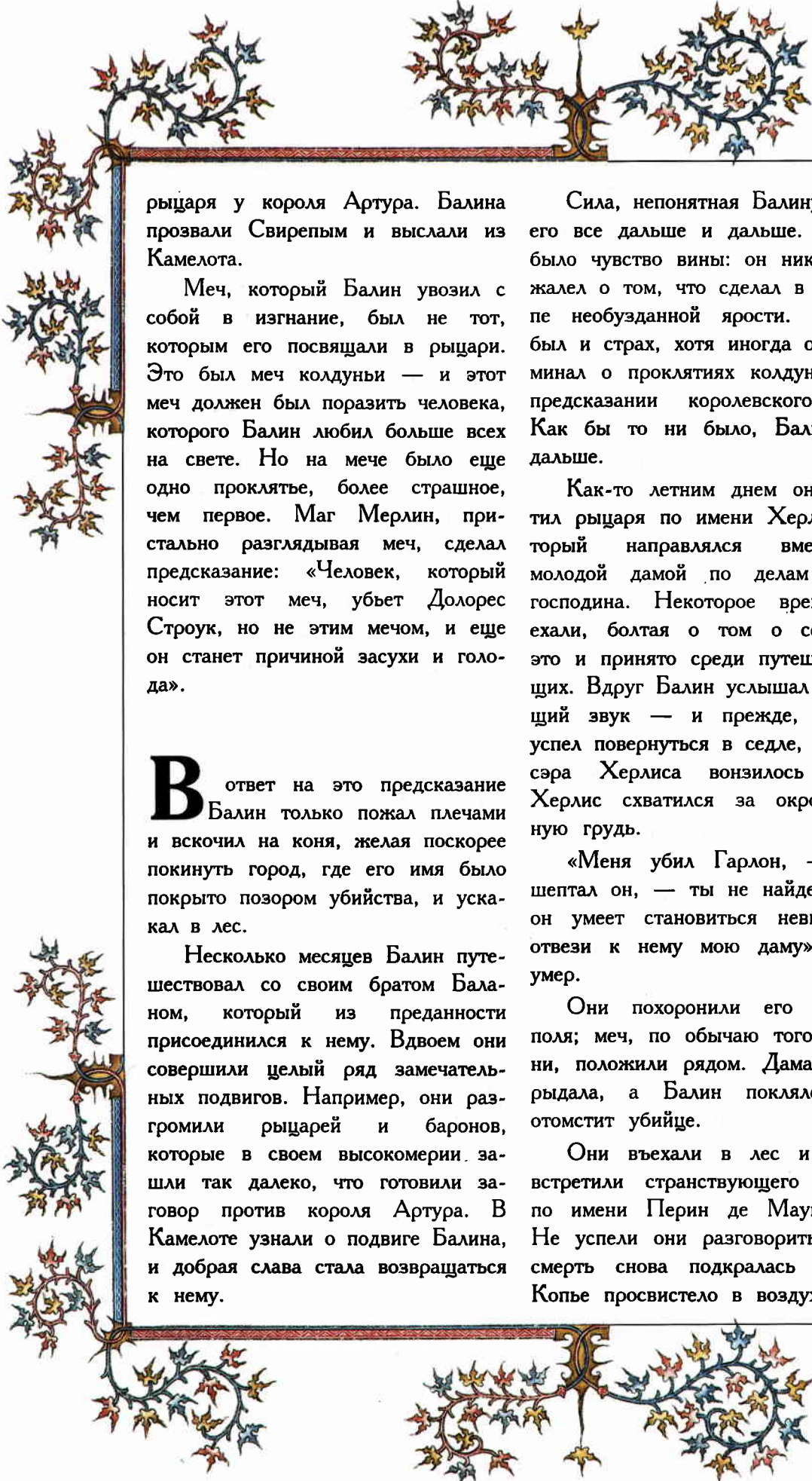
Величайший подвиг

Во времена правления короля Артура одна часть страны очень сильно отличалась от остальных. К северу от зеленых лесов Камелота природа начинала меняться. Вместо дубовых и березовых рощ, лугов, покрытых колокольчиками, вместо пения птиц и топота оленей простиралась пустыня: пески, скалы и серые безжизненные склоны гор.

Можно было неделю идти и не встретить ничего живого, разве что иногда — грифа, сидящего на сухой дубовой ветке. Эта местность называлась Опустошенные земли.

Посреди мертвой коричневой равнины, в чаше пересохшего озера стоит каменная плита, на которой высечена надпись: «Здесь покоится Балин де Саваг, Рыцарь-о-Двух Мечах, который нанес плачевный удар и поразил Долорес Строук».

Тот, кто покоится в этой могиле, когда-то был рыцарем короля Артура. За десять лет до гибели Балина изгнали из Камелота, потому что он, будучи нрава крутого и необузданного, в гневе убил родственника короля, а потом и Владычицу Озера, волшебницу, которая требовала голову

рыцаря у короля Артура. Балина прозвали Свирепым и выслали из Камелота.

Меч, который Балин увозил с собой в изгнание, был не тот, которым его посвящали в рыцари. Это был меч колдуньи — и этот меч должен был поразить человека, которого Балин любил больше всех на свете. Но на мече было еще одно проклятье, более страшное, чем первое. Маг Мерлин, пристально разглядывая меч, сделал предсказание: «Человек, который носит этот меч, убьет Долорес Строук, но не этим мечом, и еще он станет причиной засухи и голода».

В ответ на это предсказание Балин только пожал плечами и вскочил на коня, желая поскорее покинуть город, где его имя было покрыто позором убийства, и ускорил в лес.

Несколько месяцев Балин путешествовал со своим братом Баланом, который из преданности присоединился к нему. Вдвоем они совершили целый ряд замечательных подвигов. Например, они разгромили рыцарей и баронов, которые в своем высокомерии зашли так далеко, что готовили заговор против короля Артура. В Камелоте узнали о подвиге Балина, и добрая слава стала возвращаться к нему.

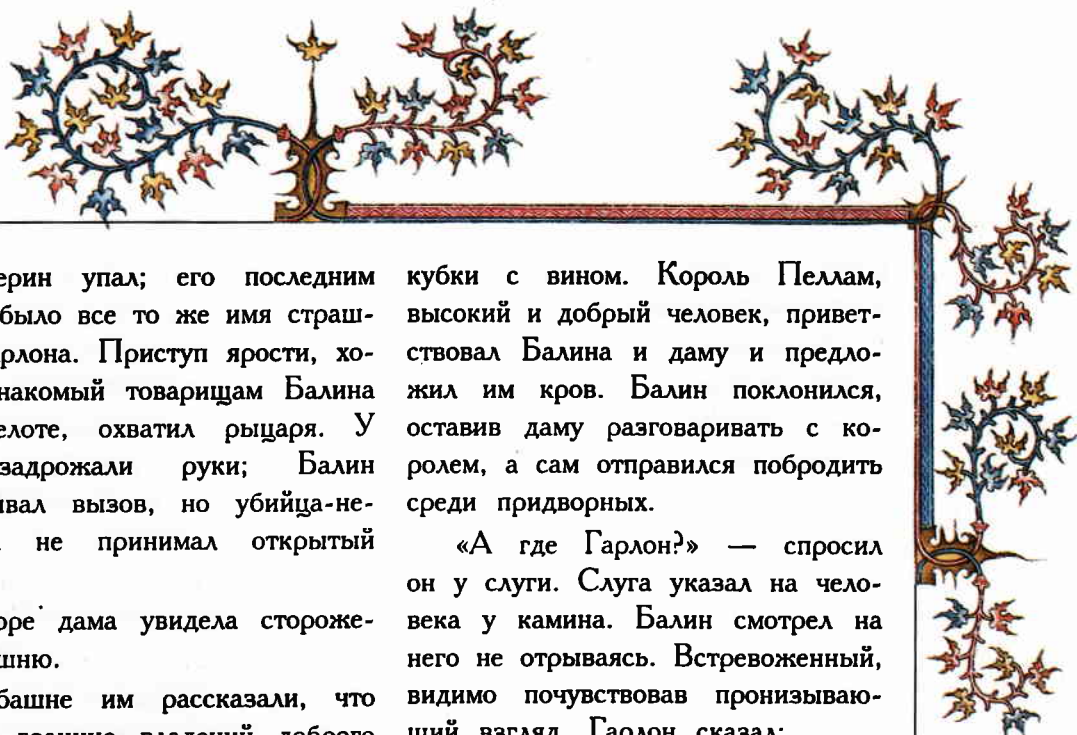
Сила, непонятная Балину, гнала его все дальше и дальше. Это не было чувство вины: он никогда не жалел о том, что сделал в приступе необузданной ярости. Это не был и страх, хотя иногда он вспоминал о проклятиях колдуньи и о предсказании королевского мага. Как бы то ни было, Балин ехал дальше.

Как-то летним днем он встретил рыцаря по имени Херлис, который направлялся вместе с молодой дамой по делам своего господина. Некоторое время они ехали, болтая о том о сем, как это и принято среди путешествующих. Вдруг Балин услышал свистящий звук — и прежде, чем он успел повернуться в седле, в грудь сэра Херлиса вонзилось копье. Херлис схватился за окровавленную грудь.

«Меня убил Гарлон, — прошептал он, — ты не найдешь его: он умеет становиться невидимым; отвези к нему мою даму», — и умер.

Они похоронили его посреди поля; меч, по обычаю того времени, положили рядом. Дама горько рыдала, а Балин поклялся, что отомстит убийце.

Они въехали в лес и вскоре встретили странствующего рыцаря по имени Перин де Маунтбелир. Не успели они разговориться, как смерть снова подкралась к ним. Копье просвистело в воздухе — и

сэр Перин упал; его последним словом было все то же имя страшного Гарлона. Приступ ярости, хорошо знакомый товарищам Балина в Камелоте, охватил рыцаря. У него задрожали руки; Балин выкрикивал вызов, но убийца-невидимка не принимал открытый бой.

Вскоре дама увидела сторожевую башню.

В башне им рассказали, что они на границе владений доброго короля Пеллама. У него богатое королевство и людям хорошо живется в нем. Но есть одно огорчение: это Гарлон, брат короля. Он бродит, невидимый, по окраинам королевства и убивает встречающихся рыцарей, просто так, ради забавы. Это поступки трусливого убийцы.

Утром Балин отправился в королевство Пеллама.

Дорога шла круто вверх. В зеленой долине перед замком росли вишневые сады. Поля были хорошо возделаны и плодородны. Замок короля стоял на возвышении посреди озера, и флаги, развевающиеся на башнях замка, отражались в чистой глади вод.

Путешественники проехали по полям и вишневым садам к мосту, который соединял замок с берегом озера. Балин и дама были приняты в замке Пеллама.

Здесь было много нарядно одетых придворных; слуги разносили

кубки с вином. Король Пеллам, высокий и добрый человек, приветствовал Балина и даму и предложил им кров. Балин поклонился, оставив даму разговаривать с королем, а сам отправился побродить среди придворных.

«А где Гарлон?» — спросил он у слуги. Слуга указал на человека у камина. Балин смотрел на него не отрываясь. Встревоженный, видимо почувствовав пронизывающий взгляд, Гарлон сказал:

«Найди себе место, чурбан, и не пялься на меня».

Ярость охватила Балина. Выкрикивая имена Херлиса и Перина, он выхватил свой заколдованный меч и пронзил им Гарлона. Конечно, придворные были поражены, они остоленели от удивления.

Но через минуту на него бросилась толпа рыцарей; Пеллам взмахнул мечом и выбил оружие из рук Балина, чей заколдованный меч упал в лужу крови убитого Гарлона.

Балин мчался, безоружный, по незнакомому замку, ища оружие. Вдруг он оказался в лабиринте. Балин бежал по необыкновенно крутой лестнице. Голоса преследователей остались далеко позади. Балин не знал, как далеко он находится от преследователей. Вот он уже бежит

вдоль стены; а вдалеке виднеется небо и уголок фруктового сада.

В конце стены — низкая арка; а за ней — еще одна крутая лестница. Балин мчится по лестнице.

Наверху — деревянная дверь, украшенная изображением каких-то странных существ.

Не слышно ничьих голосов, абсолютная тишина и покой охватывают Балина. Помедлив, рыцарь потихоньку открыл дверь.

Стены небольшой комнаты были покрыты темным бархатом и по нему расшиты золотом. Пол сиял мозаикой; потолок — как вечернее небо, поблескивал золотыми звездами. Посреди комнаты — стол, а на нем какой-то предмет, покрытый белой тканью; над ним — сияющее копье. И все это в мерцающем, пульсирующем, как дыхание волшебного существа, свете.

Балин стоял зачарованный. Это походило на обитель старинных богов. Громадная и непознанная сила дремала здесь; как будто сама комната была священным сосудом, в котором билось живое сердце. Нет, этот чертог не предназначен для простых смертных.

Послышались шаги. Балин оглянулся — в дверях с мечом в ножнах стоял король Пеллам; он молчал, разглядывая Балина.

Рыцарь с быстротой зверя бросился к сияющему копью, схватил его и ударил короля.

Всего одно короткое мгновение было у Балина, чтобы понять, что он натворил: рука была обожжена, кругом все ходило ходуном от страшного вихря; окровавленная фигура короля осветилась вспышкой молнии — и наступила темнота.

Балин медленно приходил в себя. Он валялся в грязи; грязь покрыла лицо и набилась в рот. Ему было холодно.

Балин открыл глаза — кругом серое небо, камни и обуглившийся лес. Рядом с ним сидел маг Мерлин. Он молчал, разглядывая мертвую землю вокруг. Балин не понимал, как Мерлин оказался здесь, но и не пытался понять: поступки магов не имеют объяснения.

«Ты опутан паутиной своей судьбы, — сказал маг. — Безрассудно, как зверь, ты взял заколдованный меч у волшебницы; ты шел по жизни, гонимый своей гордыней и свирепостью. Ты осквернил священные земли Грааля, ты вторгся в святыню древних и могучих богов. Король лежит искалеченный в разрушенном замке; все вокруг него разрушено и испепелено: воды нет, птицы не поют. Но королю можно еще помочь. Тебе — нет».

«Что же мне делать?» — угрюмо спросил Балин.

Далорес Строук была причиной того, что необузданный рыцарь Балин покалечил короля заколдованным копьём. И земли, когда-то богатые и плодородные, стали пустыней. Расколдовать их мог только самый достойный в мире рыцарь.

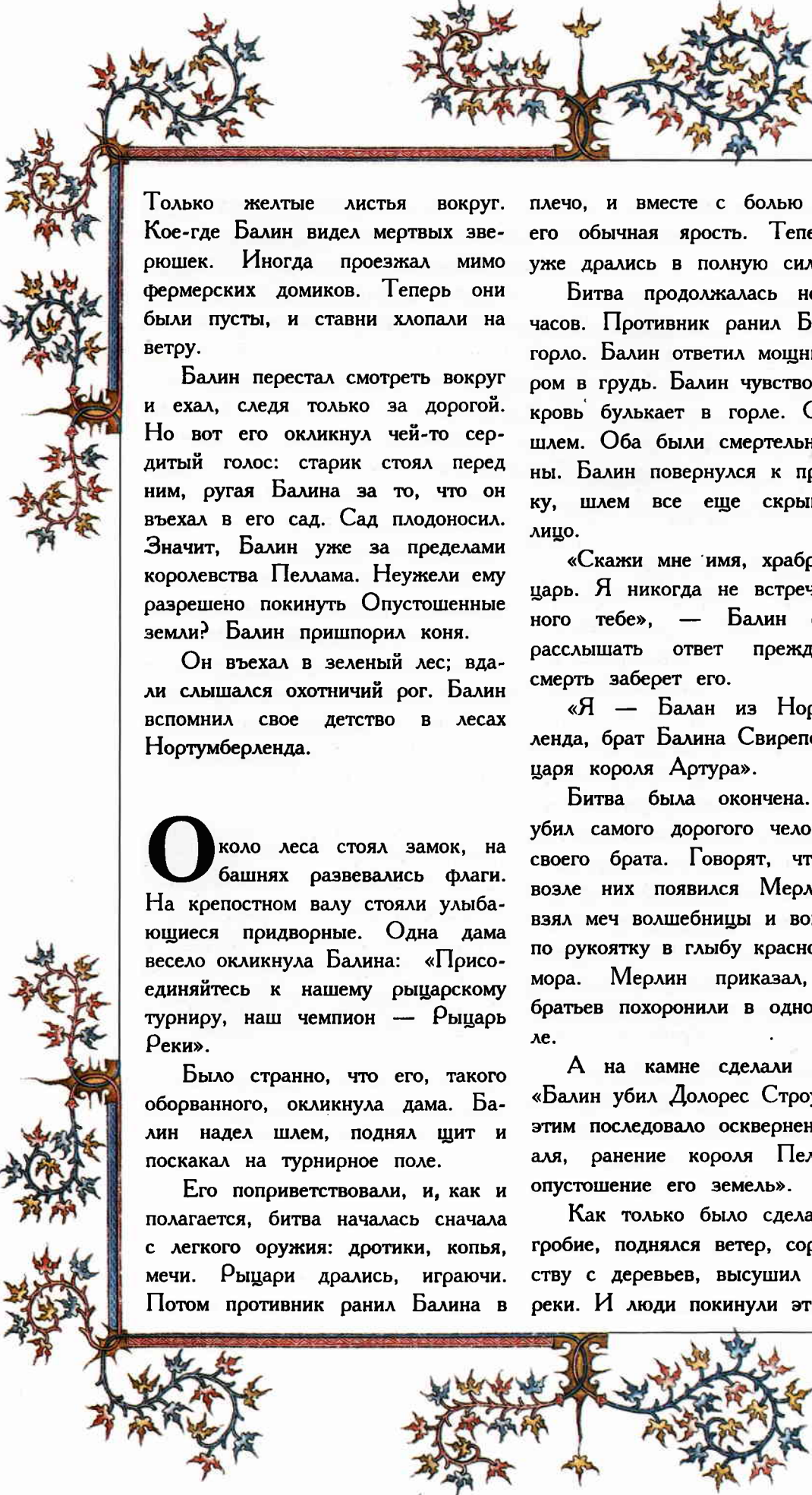

«То, что ты и должен, — ответил маг, — бери свой меч и следуй за ним до самого конца».

Балин взял меч, который был выбит у него из рук королем Пелламом, сел на ожидавшего его коня

и отправился навстречу судьбе. Он оглянулся, чтобы помахать на прощание Мерлину, но маг исчез.

Холодный ветер дул в спину Балину. В прежде цветущих вишневых садах было пусто и голо.

Только желтые листья вокруг. Кое-где Балин видел мертвых зверюшек. Иногда проезжал мимо фермерских домиков. Теперь они были пусты, и ставни хлопали на ветру.

Балин перестал смотреть вокруг и ехал, следя только за дорогой. Но вот его окликнул чей-то сердитый голос: старик стоял перед ним, ругая Балина за то, что он въехал в его сад. Сад плодоносил. Значит, Балин уже за пределами королевства Пеллама. Неужели ему разрешено покинуть Опустошенные земли? Балин прищипорил коня.

Он въехал в зеленый лес; вдали слышался охотничий рог. Балин вспомнил свое детство в лесах Нортумберленда.

Около леса стоял замок, на башнях развевались флаги. На крепостном валу стояли улыбающиеся придворные. Одна дама весело окликнула Балина: «Присоединяйтесь к нашему рыцарскому турниру, наш чемпион — Рыцарь Реки».

Было странно, что его, такого оборванного, окликнула дама. Балин надел шлем, поднял щит и поскакал на турнирное поле.

Его поприветствовали, и, как и полагается, битва началась сначала с легкого оружия: дротики, копья, мечи. Рыцари дрались, играючи. Потом противник ранил Балина в

плечо, и вместе с болью пришла его обычная ярость. Теперь они уже дрались в полную силу.

Битва продолжалась несколько часов. Противник ранил Балина в горло. Балин ответил мощным ударом в грудь. Балин чувствовал, что кровь булькает в горле. Он снял шлем. Оба были смертельно ранены. Балин повернулся к противнику, шлем все еще скрывал его лицо.

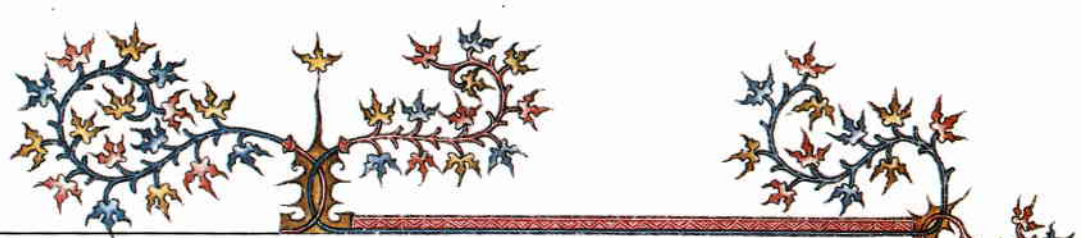
«Скажи мне имя, храбрый рыцарь. Я никогда не встречал равного тебе», — Балин старался расслышать ответ прежде, чем смерть заберет его.

«Я — Балан из Нортумберленда, брат Балина Свирепого, рыцаря короля Артура».

Битва была окончена. Балин убил самого дорогого человека — своего брата. Говорят, что тогда возле них появился Мерлин. Он взял меч волшебницы и вогнал его по рукоятку в глыбу красного мрамора. Мерлин приказал, чтобы братьев похоронили в одной могиле.

А на камне сделали надпись: «Балин убил Долорес Строук, и за этим последовало осквернение Грааля, ранение короля Пеллама и опустошение его земель».

Как только было сделано надгробие, поднялся ветер, сорвал листву с деревьев, высушил озера и реки. И люди покинули эти места.

Так, если верить историкам, началось самое большое деяние рыцарей Круглого Стола, самое большое и последнее.

Весть о раненом короле и его разоренном королевстве дошла до Камелота. Или, может быть, Мерлин сам рассказал об осквернении Грааля.

Пришло время задать вопрос — что такое Грааль? Откуда взялась волшебная сила Грааля?

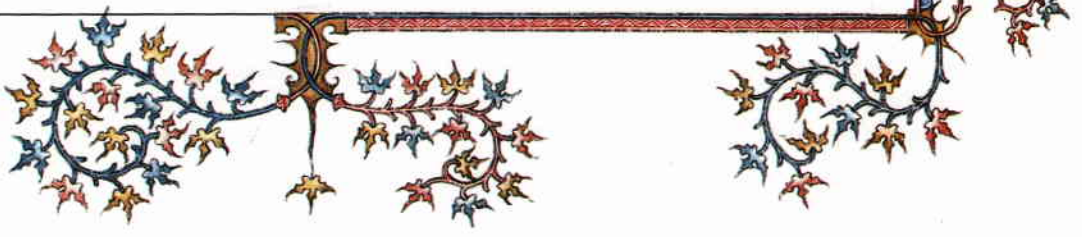
Грааль — источник неиссякаемого изобилия, а копье, которое парило над ним, имело громадную силу. Об этом говорили и пели с тех пор, как люди научились говорить и петь. Индийские сказания говорят, что Грааль — это огонь, похищенный у Солнца, а копье приносит плодородие даже иссушенным землям. В Греции говорили, что это — чаша со всеми элементами жизни, где хранятся души новорожденных. В Ирландии были легенды, в которых говорилось, что Грааль — это сокровище Туата Де Данан, воинствующего племени, жившего на острове еще до появления теперешних людей,

сокровище, приносящее богатство и непобедимость.

Легенды различны, но все они связывают Грааль с благополучием, безопасностью, плодородием. Но описание формы Грааля всегда различно. Кто говорит, что это чаша, кто — котел или блюдо. Некоторые считают, что это камень, некоторые — изумруд.

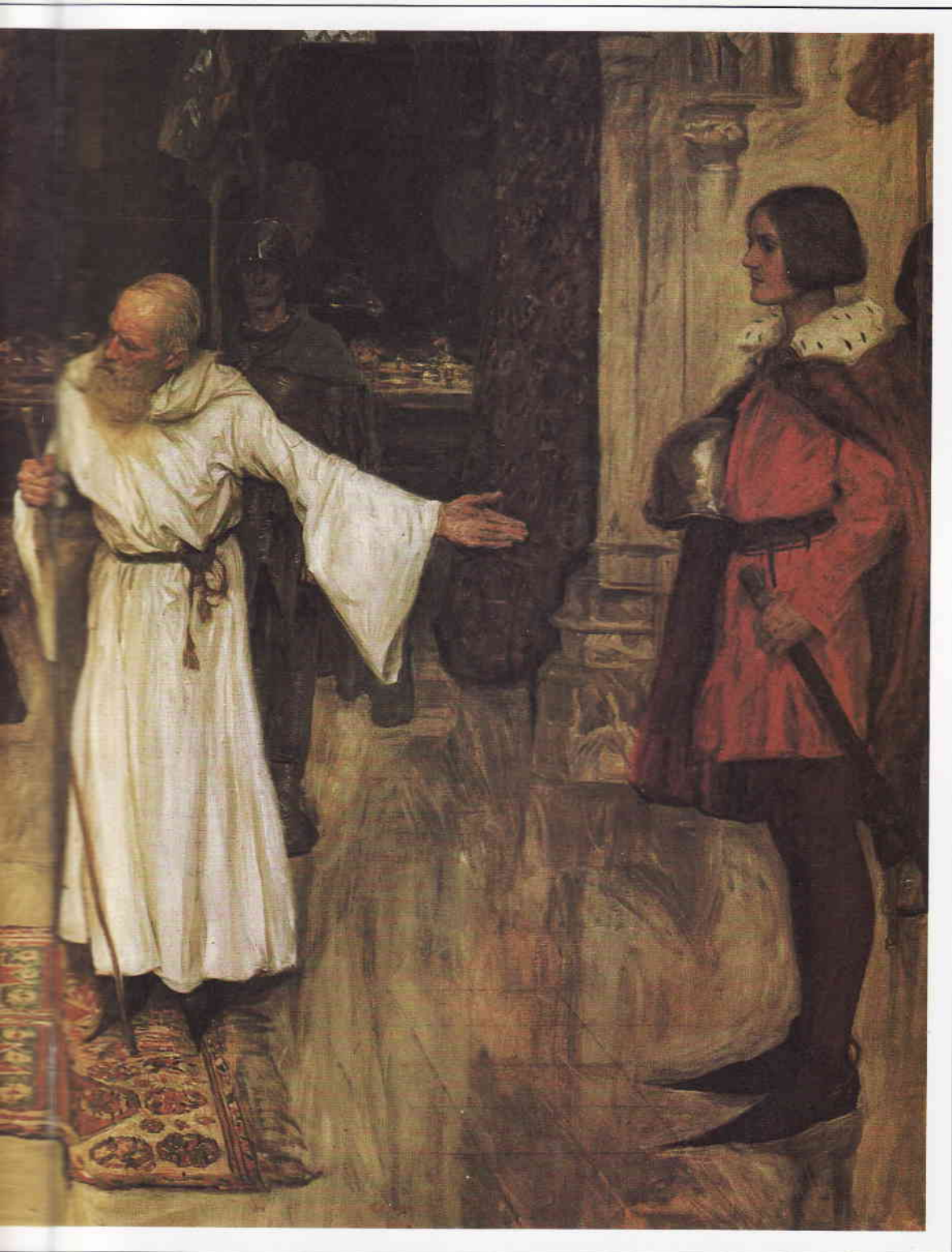
У христиан свое представление о том, что такое Грааль. Копье, что схватил Балин — это то самое копье, которым пронзили грудь Иисуса, а Грааль — это чаша, куда стекала кровь Спасителя. Обе эти святыни были привезены в Англию Иосифом Аримафлейским, который построил замок, чтобы сберечь эти святыни, а потом передал эти обязанности роду короля Пеллама.

Но история Грааля все же более древняя, чем само христианство. Что до времен короля Артура, то тогда было известно, что где-то в Британии есть земля, потерявшая плодородие, ее король ранен, а святыни, оберегающие королевство, осквернены.

В сопровождении старого монаха, при дворе короля Артура появился молодой рыцарь, одетый во все алое. Сын Ланселота и Девы Грааля, он был непобедим. Его звали Галахад. Он хотел присоединиться к рыцарям Круглого Стола.

Говорили, что только самый достойный рыцарь в мире сможет возвратить плодородие почве и здоровье — королю. И еще, все это можно сделать не при помощи оружия, а словами, хотя неизвестно, что это за слова. Рыцарь должен быть родственником короля Пеллама.

Дальнейшие события были довольно странными. Земля Вейст и замок Карбонек то появлялись, то исчезали. Рыцари могли видеть только голые камни, а через минуту — дворец короля Пеллама там, где только что ничего не было. А те, кто входил в ворота замка, позже рассказывали удивительные вещи.

Ланселот, самый доблестный рыцарь в мире, после долгих поисков нашел замок среди каменной пустыни. Его проводили в зал, где все сияло великолепием. На стенах горели факелы, в волосах у дам сияли бриллианты. Раненый король лежал на ложе. Он учтиво приветствовал Ланселота, а его глаза внимательно рассматривали рыцаря.

Наконец, поговорив с Ланселотом, король стал демонстрировать чудеса. Заиграла музыка, хотя музыкантов нигде не было. Затем в комнату вошли девушки с бокалами, пажы с тарелками, полными фруктов. Среди вошедших был юноша, в руках у него — копье, на конце копья — алый ручеек.

Рядом с юношей была девушка удивительной красоты. Длинными белыми пальцами она держала какой-то предмет, скрытый белым покрывалом, но свет от этого предмета был ярче солнечного. Ланселот хотел посмотреть, что это, но ему не разрешили.

Все это произвело на Ланселота сильное впечатление, глаза его наполнились слезами, он повернулся к королю, но Пеллам только сказал: «Та, что несла Грааль — моя дочь». Он подал сигнал. Все ушли. Сияние исчезло, музыка смолкла.

Но случилось еще что-то. В эту ночь Ланселот ночевал в замке и стал отцом ребенка, которого родила дочь Пеллама. Тут не обошлось без магии. Ланселот навсегда отдал свое сердце королеве и не желал никакой другой женщины. Но ему принесли кольцо королевы, и Ланселот решил, что королева где-то рядом и, не задавая лишних вопросов, отправился на свидание. Утром он проснулся рядом с Граальской девой, дочерью короля Пеллама. Рассерженный и огорченный, Ланселот покинул замок.

Продолжение этой истории случилось через несколько лет в середине лета, когда цветут сады Камелота и соловьи поют свои песни.

Когда пришло время, весть о Граале дошла до Камелота. Вдохновленные этой тайной, рыцари Круглого Стола отправились на его поиски. Их дамы плакали при расставании.

Некий старец попросил аудиенции у короля Артура. Его приняли. Старик, одетый в белые шерстяные одежды, пришел с молодым юношей, почти мальчиком. Он был как две капли воды похож на Ланселота, но без его улыбки и теплоты. Голубые глаза смотрели холодно, губы всегда плотно сжаты. Мерлин встал рядом с королем. Ланселот некоторое время смотрел на сына, потом отвернулся.

«Это Галахад», — сказал старик, поклонился и ушел. Все смотрели на Ланселота.

Мерлин промолвил: «Мы устроим испытание». Он подвел юношу к месту у круглого стола, которое предназначалось для самого достойного рыцаря. Ланселот, считавшийся самым достойным, никогда не занимал этого места, зная, что земная любовь к королеве — пятно на его чести. Сын Ланселота не колебался ни секунды; и как только он занял это место, на спинке стула засияли буквы: «Это место сэра Галахада».

«Пойдемте», — позвал маг, и все последовали на берег реки, где вдруг появился громадный мраморный камень, в нем по рукоятку торчал меч. На украшенной драгоценными камнями рукоятке были выгравированы слова: «Меня сможет вытащить только тот, кто будет владеть мною. И это может

быть только самый достойный рыцарь в мире».

Мерлин повернулся к Ланселоту, но он отрицательно покачал головой. Подошел Галахад и легко вынул меч. «Это меч Баина, он давно ждал освобождения».

Все вернулись в крепость, и Галахад с ними. Его, конечно, еще испытывали. Он победил с легкостью всех рыцарей на турнирном поле, как когда-то это делал его отец. Сам Ланселот отказался от состязания с Галахадом. Любя его, никто не стал комментировать отказ.

Галахаду тоже ничего не сказали. Он был очень сильным воином, но не стал одним из придворных рыцарей: всегда держался в стороне. Его не интересовали женщины, никто не видел, чтобы он улыбался.

Историки того времени описывают Галахада, как человека исключительной честности, почти святого; и это, скорее всего, так и было. Он был зачат не без помощи магии (кто ее применил, Пеллам ли или кто другой — неизвестно) и воспитан с единственной целью — вернуть к жизни Опустошенные земли. В его жилах текла кровь лучшего рыцаря в мире, а также кровь короля Грааля.

Сейчас Галахад готов был исполнить то, для чего он был рожден, и встретить великое испытание как герой. Первый среди равных,

После прощания рыцари короля Артура отправились в путь; скоро они расстались, и каждый продолжал поиски в одиночестве.

Сопровождаемый ангелами, шел Галахад с одной целью — найти Опустошенные земли и Грааль. И его поиски увенчались успехом, потому что он был самым достойным рыцарем в мире.

он должен был доказать свою храбрость. Галахад оттачивал свое рыцарское мастерство и ждал знака, который ему обязательно должны были ниспослать.

И он его дождался. Это произошло в конце лета, вечером, ког-

да рыцари собирались на пир. Все смеялись и пели, все, кроме Галахада, что не было необычным. Он стоял в стороне, наблюдая, как заходящее солнце золотит флажки на башне, а радуга играет на украшенных камнями поясах рыцарей.

Свет стал ярче. Свет молодил лица товарищей Артура, как бы стирая следы некоторой озлобленности, которую каждый накопил за прожитые годы. Они стали такими же молодыми, какими были, когда их посвящали в рыцари. Изменились все, кроме Галахада, но он ведь был совсем молод.

Рыцари молчали. Над их головами, вне досягаемости, возник Грааль, как всегда завернутый в белое покрывало.

Через мгновение все исчезло, но осталось сияние. И слова, только что прозвучавшие, тоже остались в памяти рыцарей:

«Тот, кто освободит Вейстленд, должен подготовиться к опасным путешествиям, чтобы найти замок Грааля, и задать вопрос. Тот, кто задаст его, получит ответ. И он будет самым достойным рыцарем в мире».

На рассвете следующего дня рыцари отправились на поиски. Король Артур смотрел, как рыцари, гордость его юных дней, поблескивая оружием, выезжали из ворот замка. Гинебра плакала.

Самые лучшие уехали первыми: Гавейн и Борс, Эктор и Лионель, Ланселот. И Галахад. И Персиваль.

В жилах Персиваля тоже текла кровь Пеллама, короля Грааля. Персиваль был одним из немногих, которым дано было увидеть Грааль. Потому что только самые достойные, — а рыцарь Персиваль был одним из них, — могли созерцать волшебство.

Но, к сожалению, Персиваль был немного наивен. Он был зрелым рыцарем и как бы маленьким мальчиком одновременно, существом с удивленно распахнутыми глазами. Необыкновенно честный сам,

он всегда безоговорочно верил другим, следовал любому совету. И никогда не предавался сомнениям или размышлениям.

Он был племянником Пеллама. Мать вырастила его в лесу, и он был совершенно незнаком с законами цивилизации. Когда он впервые увидел оленя в лесу, он подумал, что это козел, потерявший свои рога. Он долго преследовал, а поймав, загнал его во двор к овцам. Мать удивилась его проворству и наивности. Когда он впервые встретил в лесу рыцарей, то упал на колени, думая,

что это боги, чем вызвал раздражение воинов. А когда он узнал, чем занимаются рыцари, то без колебаний решил присоединиться к ним. Мать рыдала, но он, взяв короткий меч, потрепанный плащ и материнские наставления, которым всегда следовал, отправился ко двору короля, чтобы стать рыцарем. Так и остался навсегда — наивным, милым и привлекательным парнем.

Он прибыл в Камелот и в тот же день вступил в драку с рыцарем, который хотел украсть зо-

Галахад в девичьем замке

лотой кубок. Персиваль убил его своим коротким мечом.

Рыцари короля Артура приняли Персиваля в свое братство, правда, постарались сделать его несколько более цивилизованным. И скоро он стал прекрасным воином и даже приобрел некоторый лоск, свойственный рыцарям.

И все же он остался невероятно бесхитростным человеком. И, может быть, поэтому из-за своей смелости и высокого происхождения он был одним из первых рыцарей Круглого Стола, кто нашел Грааль. Примерно

через месяц после начала поисков, он набрел на старый замок. Его приняли, как до этого принимали Ланселота, его проводили в зал, и с ним тоже говорил раненый король. Персиваль был изумлен роскошью двора, изумлен той церемонией, которую он увидел в замке Грааля. А когда девушки с печальными лицами внесли кровоточащее копье и Грааль, он ошеломлен. Грааль был укрыт покрывалом, но свет от него исходил, как от солнца. Сияние Грааля человек может вынести, только если он достоин смотреть в лицо вечности.

Среди подвигов, совершенных разыскивающим Грааль Галахадом, известно смелое и доброе дело. Он нашел замок, где для распутных рыцарей содержались пленные девушки. В одиночку Галахад разогнал рыцарей и освободил девушек. Он отдал замок в распоряжение леди высокого происхождения, а чтобы обеспечить прекрасным дамам защиту, Галахад собрал рыцарей со всей округи для несения караульной службы в замке. Затем Галахад продолжил свой путь, а распутные рыцари получили по заслугам — вскоре все они были перебиты сэром Гевсином и его братом.

Слуги и девушки ушли и унесли с собой сокровища. Персиваль смотрел на окружающих его придворных — какой надеждой сияли их глаза! Персиваль открыл рот, собираясь заговорить.

Но не произнес ни звука: король Артур предупредил его, что недопустимы бессмысленная болтовня и неуместное любопытство. Свет сиял еще мгновение, прежде чем растаять. Персиваля увели в его покои; придворные, потеряв к нему всякий интерес, отвернулись.

Он был обескуражен. Но уснул сэр Персиваль мгновенно, как человек с совершенно чистой совестью, каковым он и был.

Проснувшись, Персиваль позвал слугу, но никто не ответил. Он пошел искать своих хозяев, но замок обезлюдел. Утренний туман гулял по пустым коридорам. Персиваль вышел, перебрался на другую сторону рва, где его ждал конь, а когда оглянулся — замка уже не было.

Но Персивалю было дано увидеть Грааль еще раз. А его товарищи прошли всю Британию, но ни одна тропинка не привела их в Вейсленд. Они много сражались, как в далекой юности, с безымянными рыцарями, гигантами и драконами.

Гавейн и Ланселот, путешествующие вместе, нашли дорогу к замку Грааля. Ланселот надеялся, что на

этот раз ему удастся взглянуть на волшебство.

Но честь Ланселота была запятнана, и ему не дано было узреть Грааль. Великий воин и благородный рыцарь, Ланселот все же предал короля Артура, и это лишило его способности видеть божественное сияние. А Гавейн, — самый сильный, храбрый и великодушный, — увидел солнечное сияние Грааля.

И он задал вопрос, когда Грааль и копье уже вынесли из зала: «Именем Бога, объясните, что обозначают эти вещи?»

Древний Грааль был окружен каким-то забытым ритуалом, слова, произнесенные над ним, имели древнюю силу. Но лишь человек безупречной честности и храбрости мог их произнести. Ланселот, когда он первый раз приблизился к магическому сосуду, не смог заговорить. Персиваль, пораженный благоговейным страхом, тоже молчал. Заговорил только Гавейн и, сам того не ведая, помог возрождению Вейсленда. Король Пеллам все еще лежал с незаживающими ранами, но на иссушенные земли пролился долгожданный дождь, и маленькие зеленые ростки показались среди голых камней.

А к замку Грааля уже приближались другие рыцари. В маленькой бухте, где серые волны омывают

Храбрый сэр Гавейн и сэр Эктор вместе отправились на поиски. В лесу они увидели старую часовню, и предчувствие охватило их обоих. Но сэр Эктор, испугавшись судьбы, повернул назад. Гавейн же был решительнее и продолжил поиск.

И вот, наконец, вместе с другими рыцарями, отправившимися на
поиски Грааля, Галахад взирает на тайну тайн. Увиденное
унесло рыцаря далеко за пределы реального мира.

В поисках Грааля многие рыцари погибли, но судьба Ланселота была еще печальнее: он нашел замок Грааля, но, не будучи кристально честным, не смог войти в замок. А его товарищ, сэр Гавейн, был удостоен чести увидеть Грааль.

Британский берег, встречаются три утомленных долгим путешествием и бесконечными сражениями рыцаря короля Артура. Вот их имена: преданный сэр Борс, сэр Персиваль, детски наивный, и Галахад, как всегда сдержанный, но с сияющими глазами. Цель, для которой он был рожден, приближалась.

В бухте, покачиваясь на волнах, поджидал рыцарей маленький корабль. Рыцари оставили лошадей на берегу и взошли на борт. Кораблем никто не управлял, но он, казалось, знал куда плыть.

Они пристали к берегу. Вокруг стояли засохшие деревья. Рыцари

нашли то, что искали. Перед ними был замок Грааля. Мост через пересохшее озеро был опущен, ворота распахнуты.

Они вошли в зал все вместе. Король Пеллам подал знак — девушка вынесла Грааль. Это была незнакомка — мать Галахада к тому времени умерла.

Глаза придворных с надеждой смотрели на рыцарей. Заговорил один Галахад: «Что есть Грааль и кому он служит?»

Он нашел верную старую формулу, которая возродила силу Грааля. Где-то в замке зазвенел серебряный колокольчик. Потом в

наступившей тишине раздались забытые всеми звуки — дождь барабанил по крыше замка. Старый король кивнул Галахаду. Галахад обмакнул руку в кровь, что капала с копья, и прикоснулся ко лбу короля.

Король встал на ноги, раны зажили, он стал молод и здоров и подозвал своего внука и племянника.

«Ты будешь отныне хранить Грааль», — сказал он Персивалю.

«А ты, Галахад, ты выполнил свое предназначение. Теперь ты получишь ответ на свой вопрос». Король Пеллам опустил Грааль, чтобы Галахад заглянул в его глубины.

Солнце засияло на лице Галахада. То, что он увидел, было слишком сильно для смертного; сердце Галахада замерло. Король подхватил тело величайшего рыцаря.

Обняв освещенную божественным сиянием голову внука, король Пеллам обратился к сэру Борсу:

«Ты будешь моим посланником. Возвращайся к королю Артуру и скажи, что поиски Грааля закончены и земля возрождена. Скажи ему, что величайшее деяние свершилось и что конец близок».

Сэр Борс повиновался королевскому приказу — зимним вечером вернулся он в Камелот. Он нашел там совсем немногих своих товарищей, что вернулись после долгих поисков: Ланселота и Гавейна, Гаррета и Бедевера.

Когда сэр Борс вымылся, поел и согрелся, все уселись у камина, и Борс рассказал им историю Грааля, а потом передал слова короля Пеллама, что конец близок.

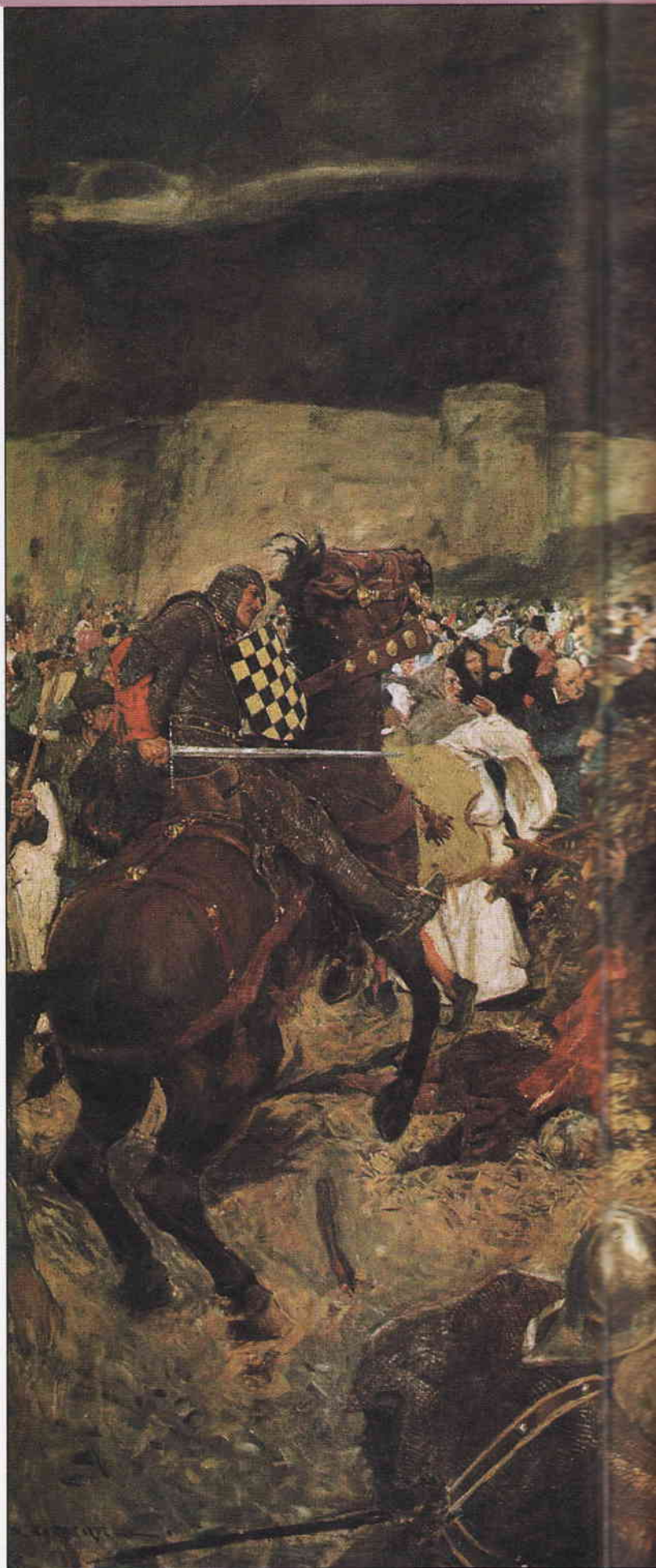
Так и было. Король Артур молчал. Грустно ему было узнать, что смерть близка, но еще печальнее было то, что королевство должно погибнуть, что законы рыцарства, храбрости и чести исчезнут с лица земли.

Последняя битва великого короля

Братство Круглого Стола распалось прекрасным майским днем, когда при дворе старого и усталого короля Артура появились тайные враги. Возглавлял врагов Артура и Ланселота Мордред — внебрачный сын Артура. У Мордреда было четверо сводных братьев: Агравейн, такой же злобный, как и сам Мордред; Гавейн, Гахерис и Гарет были искренне преданы королю и Ланселоту. Когда Мордред и Агравейн решили выступить против короля, братья отказались присоединиться к ним.

Мордред задумал доказать, что Ланселот — любовник королевы и, следовательно, предал короля. Однажды ночью Мордред и Агравейн, сопровождаемые двенадцатью вооруженными рыцарями, украли веревочную лестницу, которая вела в покои королевы, а затем принялись стучать в дверь. Ответил им Ланселот. Он, безоружный, действительно был с королевой, как давний ее любовник. Но подлый замысел рыцарей не удался. Ланселот открыл дверь и, втащив первого из рыцарей, Колгреванса, в покои, захлопнул дверь и убил рыцаря его же оружием. Затем, в доспехах Колгреванса, распахнул дверь и перебил всех остальных, кроме Мордреда, который сбежал.

Из-за предательства Мордреда — внебрачного сына короля Артура, королева Гинебра была обречена на сожжение. Спас ее сэр Ланселот.

Ланселот со своими сторонниками удалился в собственную крепость Джойс Гард, а Мордред доложил обо всем королю. Пойманный в ловушку собственными законами, король обязан был сжечь Гиневру, свою жену, на костре за измену.

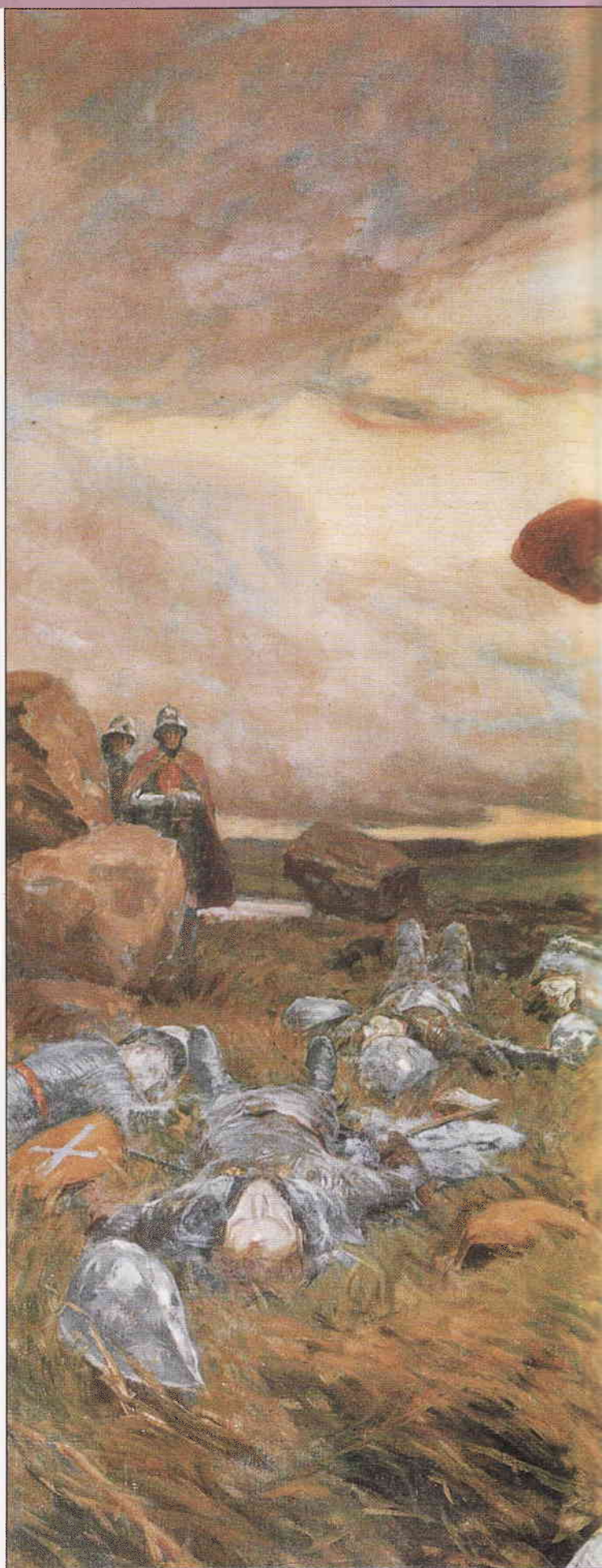
В пасмурное утро казни, когда Гиневру привязали к столбу, Ланселот со своим отрядом прорвался через охрану и спас королеву. Но в бою за ее освобождение он убил безоружных и не узнанных им Гарета и Гахериса. Освободив королеву, он усадил ее в седло и увез в свою крепость.

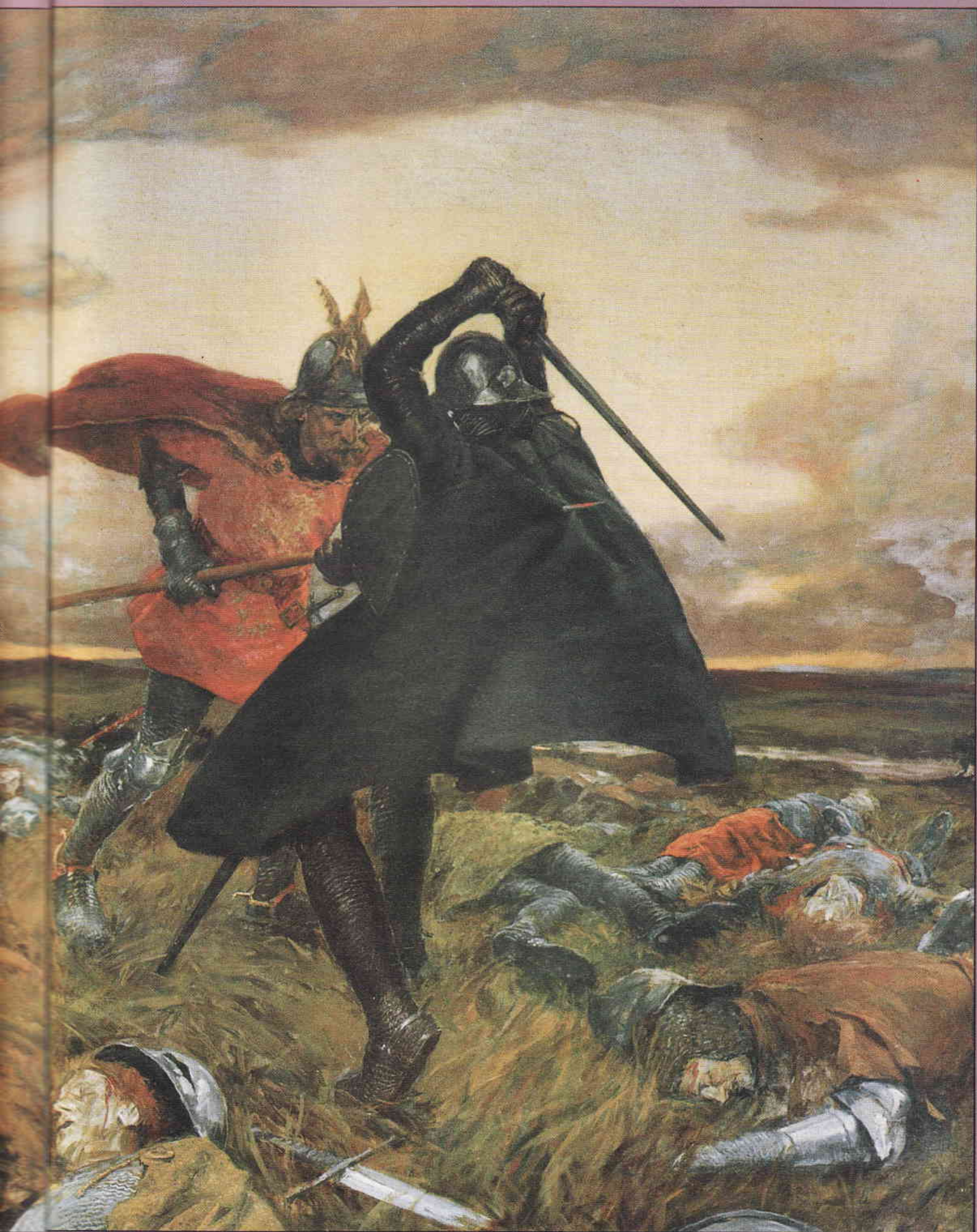
Зарыдал Гавейн, узнав об убийстве братьев. И хотя был он другом Ланселоту и противником Мордреда, по законам чести он должен был отомстить. С армией Артура Гавейн осадил Джойс Гард и вызвал Ланселота на поединок — так было принято в эпоху героев. Но Ланселот отказался сражаться с Гавейном или королем, поскольку любил их. Месяцы он выжидал, пока епископ убедил Артура простить и принять назад королеву. Она выполнила свой долг. Распрощавшись с королевой, Ланселот со своей дружиной отправился во Францию.

Братство было разрушено, светлая честь рыцарей Круглого Стола запятнана. Артур со своей дружиной вернулся в безмолвный Камелот в ожидании последнего часа.

И он наступил: Гавейн, требуя отмщения, вызывал к королевской чести и, наконец, во главе с армией Артура отправился во Францию на битву с Ланселотом. Артур оставил регентом Англии своего сына Мордреда. В течение многих месяцев продолжались сражения во Франции, пока земли Ланселота не опустели. Каждый день Гавейн вызывал своего старого друга на поединок, и каждый день Ланселот

Такова была последняя битва короля Артура. Его копье пронзило тело сына, а меч сына смертельно ранил отца.

отказывался, пока насмешки и оскорбления Гавейна не изранили его честь. И тогда Ланселот принял вызов.

Они сошлись на поле у крепостных ворот. Все утро возрастали силы Гавейна, а Ланселот, хорошо зная о тайной природе сил своего друга и врага, сдерживал натиск. К полудню силы Гавейна стали убывать, и когда он стал драться как простой смертный, Ланселот свалил его. Истекая кровью, Гавейн, поверженный, попросил Ланселота добить его. Но Ланселот отказался. «Честь рыцаря не позволяет мне добивать раненого. Когда встанешь на ноги — будем сражаться с тобой», — сказал он и удалился. Перемирие продолжалось, пока Гавейн залечивал раны, а затем он снова вызвал Ланселота на бой, и вновь Ланселот отступал утром и победил к вечеру. Вновь его меч рассек череп Гавейна, и вновь земля обагрилась кровью. Гавейн был повержен, но Ланселот не стал добивать своего старого друга, лежащего на земле.

Но в третий раз им сражаться не довелось: пришло известие о предательстве Мордреда, узурпировавшего трон. Он даже собирался жениться на Гиневре, жене своего отца, и королева взывала о помощи.

Узнав об этом, Артур поклялся убить своего сына и для этого направился на родину. Армии встретились на Сальсберейской равнине. В тот день погиб цвет рыцарства. Как он и поклялся, Артур нашел Мордреда и пронзил его своим копьем, но Мордред не умер сразу. Воя, как зверь, он прополз по древку копья и нанес Артуру смертельный удар мечом. И сделав это, Мордред упал.

Артур опустился на землю. Поле битвы затихло: над ним раздавались лишь стоны раненых и звуки шагов мародеров,

Поддерживаемый своим верным рыцарем сэром Бедивером, умирающий король ожидал волшебный корабль, который должен был перевезти его через моря в другой мир.

бродящих среди тел. Король ненадолго закрыл глаза — бороться со смертью, это единственное, что ему оставалось. Когда он их открыл, то увидел перед собой озабоченное лицо сэра Бедивера, склонившееся над ним.

Король Артур отдал Бедиверу последний в своей жизни приказ: его меч Экскалибур должен был быть возвращен в воды, из которых он пришел — тем обитателям другого мира, которые изготовили его несокрушимое лезвие. Возле поля битвы было небольшое озеро, над поверхностью которого стелился туман. И туда, послушный королевскому приказу, Бедивер бросил меч. Из воды появилась рука, которая поймала Экскалибур на лету и вместе с ним скрылась без единого всплеска.

Говорят, что Бедивер помог королю добраться до озера, и оба они видели, как корабль под шелковыми парусами медленно появился из тумана. На корабле стояла высокая женщина, одетая в черное. Она подняла тело раненого короля на руки и отнесла его на судно. После чего этот корабль отплыл и скрылся в тумане. Видя такой конец, Бедивер прослезился.

Он, как и многие другие, был уверен, что Артур не умер. Женщина эта, как рассказывают, принадлежала к свите волшебницы Феи Морганы, которая забрала Артура на Яблочный остров Авалон, чтобы вылечить его и заботиться о нем, пока он вновь не понадобится Англии.

Что же касается Гиневры, то она ушла в монастырь, где и окончила свои дни. Ланселот, как говорят, ушел в пустыню, где тоже умер. А Бедивер и еще несколько таких же рыцарей отправились путешествовать в дальние страны. Когда они составились, то рассказывали истории о днях своей молодости: о блестящем братстве, которое существовало в дни, когда Артур правил Британией, и о благородных рыцарях, сражавшихся с честью и отвагой.

Говорят, что король Артур спит на волшебном острове Авалоне, ожидая, пока не наступит день, когда его люди снова позовут его.

Иллюстрации

В книге использованы иллюстрации

Cover: N. C. Wyeth, private collection, photographed by Robert Walch. 1—5: Artwork by Alicia Austin. 6, 7: Artwork by Yvonne Gilbert. 8—11: Artwork by Winslow Pinney Pels. 12, 13: Artwork by Judy King-Rieniets. 15: Detail from *The Arming of Perseus*, Sir Edward Burne-Jones, courtesy Southampton Art Gallery and Museums, Southampton. 17—20: Artwork by Leo and Diane Dillon. 23: J. C. Leyendecker, from *Century Magazine*, January 1907, courtesy Library of Congress. 24, 25: Artwork by Judy King-Rieniets. 26, 29: Seaghan Mac Cathmhaoil, from *The Tain* by Mary A. Nutton, Talbot Press, Dublin, 1907. 30, 31: Artwork by Alicia Austin. 32, 33: Seaghan Mac Cathmhaoil, from *The Tain* by Mary A. Nutton, Talbot Press, Dublin, 1907. 34—41: Artwork by Gary Kelley. 42, 43: Artwork by John Jude Palencar. 44, 45: Artwork by Judy King-Rieniets. 47: Artwork by Walter Brooks. 48: From *La Fleur des Histoires* of Jean Mansel, Det Kongelige Bibliotek, Copenhagen, Thott 568, f. 21v. 50, 51: Artwork by Walter Brooks. 52—57: Artwork by Jill Karla Schwarz. 58, 59: Artwork by Judy King-Rieniets. 60—63: Artwork by

Kinuko Y. Craft. 64—73: Arthur Rackham, from *Siegfried and the Twilight of the Gods*, William Heinemann, 1911, by permission of Barbara Edwards, courtesy Mary Evans Picture Library, London, border artwork by Judy King-Rieniets. 74, 75: Artwork by James C. Christensen. 76, 77: Artwork by Judy King-Rieniets. 78: Artwork by John Jude Palencar. 80: Arthur Rackham, from *Irish Fairy Tales* by James Stephens, The Macmillan Company, New York, 1920, by permission of Barbara Edwards, courtesy Mary Evans Picture Library, London. 83: Louis Rhead, from *King Arthur and His Knights* by Sir James Knowles, Harper and Brothers Publishers, New York, 1924. 84, 85: Bibliotheque Royale, Brussels, Ms. 9243, f. 39v. 86, 87: Artwork by Ralle. 88: Artwork by John Collier. 90, 91: William Frank Calderon, courtesy Sotheby Parke Bernet & Co., London. 92, 93: Artwork by Judy King-Rieniets. 94, 95: J. W. Waterhouse, courtesy The Tate Gallery, London. 96—99: Courtesy The Pierpont Morgan Library, M. 806, f. 161v, f. 253v, f. 158, f. 166. 100—107: Artwork by Jill Karla Schwarz. 108, 109: Artwork by Mark Langeneckert. 110, 111: Artwork by Judy King-Rieniets. 113: W. Russell Flint, from *Le Morte Darthur* by Sir Thomas Malory, © The Medici

Society Ltd., 1910/1911, courtesy Mary Evans Picture Library, London. 114, 115: Artwork by Judy King-Rieniets. 116, 117: William Hatherell, courtesy King Arthur's Hall Ltd., Tintagel, photographed by Derek Bayes, London. 119, 120: Sir Edward Burne-Jones, courtesy Birmingham Museums and Art Gallery, Birmingham. 122, 123: Arthur Hughes, Walker City Art Gallery, Liverpool, courtesy The Bridgeman Art Library, London. 124, 125: Edwin Austin Abbey, courtesy Trustees of the Boston Public Library. 127: Sir Edward Burne-Jones, Birmingham Museums and Art Gallery, courtesy The Bridgeman Art Library, London. 128, 129: Edwin Austin Abbey, courtesy Trustees of the Boston Public Library. 130: Sir Edward Burne-Jones, private collection, photographed by Geoffrey Shakerley, London. 132—135: William Hatherell, courtesy King Arthur's Hall Ltd., Tintagel, photographed by Derek Bayes, London. 136, 137: John Mulcaster Carrick, courtesy Sotheby Parke Bernet & Co., London. 138, 139: Sir Edward Burne-Jones, courtesy Museo de Arte de Ponce (Fundacion Luis A. Ferre), Puerto Rico. 144: Artwork by Alicia Austin.

Библиография

- Barber, Richard:
King Arthur in Legend and History. Ipswich, England: The Boydell Press, 1973.
The Knight and Chivalry. New York: Harper & Row, 1982.
- Book of British Birds. London: Drive Publications, 1974
- Brombert, Victor, ed., *The Hero in Literature*. Greenwich, Connecticut: Fawcett, 1969.
- Castles. New York: Greenwich House, 1982.
- Cavendish, Richard, *King Arthur & The Grail: The Arthurian Legends and Their Meaning*. New York: Taplinger, 1979.*
- Coolidge, Olivia E., *Legends of the North*. Boston: Houghton Mifflin, 1951.
- Cross, Tom Peete, and Clark Harris Slover, eds., *Ancient Irish Tales*. Totowa, New Jersey: Barnes & Noble, 1969.*
- Cunliffe, Barry, *The Celtic World*. New York: McGraw-Hill, 1979.
- Cutler, U. Waldo, *Stories of King Arthur and His Knights*. New York: Thomas Y. Crowell, 1924.
- De Vries, Jan, *Heroic Song and Heroic Legend*. Transl. by B. J. Timmer. New York: Arno Press, 1978 (reprint).
- Dillon, Myles, *Early Irish Literature*. The University of Chicago Press, 1972 (reprint).*
- Gantz, Jeffrey, transl.:
Early Irish Myths and Sagas. New York: Penguin Books, 1982.*
The Mabinogion. New York: Penguin Books, 1981.
- Gibson, Michael, *The Knights*. New York: Arco Publishing, 1981.
- Goodrich, Norma Lorre, *Medieval Myths*. New York: New American Library, 1977.
- Green, Roger Lancelyn, *King Arthur and His Knights of the Round Table: Newly Re-Told Out of the Old Romances*. Harmondsworth, England: Puffin Books, 1982.
- Gregory, Lady, ed. and transl.:
Cuchulain of Muirthemne: The Story of the Men of the Red Branch of Ulster. Gerrards Cross, England: Colin Smythe, 1979 (reprint of 1902 edition).*
- Gods and Fighting Men: The Story of the Tuatha De Danaan and of the Fianna of Ireland*. Gerrards Cross, England: Colin Smythe, 1979 (reprint of 1904 edition).*
- Hamilton, Edith, *Mythology*. New York: New American Library, 1969 (reprint).
- Heller, Julek, and Deirdre Heaton, *Knights*. New York: Schocken Books, 1982.
- Holmes, Urban Tigner, *Chretien de Troyes*. New York: Twayne Publishers, 1970.
- Hull, Eleanor, ed. and compiler, *The Cuchullin Saga in Irish Literature*. London: David Nutt in the Strand, 1898.
- Hyde, Douglas, *A Literary History of Ireland*. London: Ernest Benn, 1969.
- Jackson, Kenneth Hurlstone, transl., *A Celtic Miscellany: Translations from the Celtic Literatures*. London: Routledge & Kegan Paul, 1951.
- Jenkins, Elizabeth, *The Mystery of King Arthur*. New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1975.
- Jiriczek, Otto L., *Northern Hero Legends*. London: J. M. Dent, 1902.
- Janes, Gwyn, *Scandinavian Legends and Folk-tales*. London: Oxford University Press, 1956.
- Joyce, P. W., *A Smaller Social History of Ancient Ireland*. London: Longmans, Green, 1906.*
- Ker, W. P., *Epic and Romance: Essays on Medieval Literature*. New York: Dover Publications, 1957.

- Kinsella, Thomas, transl., *The Tain*. London: Oxford University Press, 1970.*
- Knowles, Sir James, compiler, *King Arthur and His Knights*. New York: Harper & Brothers, 1923.
- Leach, Maria, ed., *Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend*. 2 vols. New York: Funk & Wagnalls, 1949.*
- Lowly, Shirley Park, *Familiar Mysteries; The Truth in Myth*. New York: Oxford University Press, 1982.
- MacKenzie, Donald A., *Teutonic Myth and Legend*. Boston: Longwood Press, 1978 (reprint of 1934 edition).
- MacManus, Seumas, *The Story of the Irish Race: A Popular History of Ireland*. Old Greenwich, Connecticut: The Devin-Adair Co., 1983.*
- Malory, Sir Thomas:
Le Morte D'Arthur. 2 vols. Edited by Janet Cowen. New York: Penguin Books, 1983
LeMorteDarthur. Edited by R. M. Lumiansky. New York: Charles Scribner's Sons, 1982.*
Tales of King Arthur. Edited by Michael Senior. New York: Schocken Books, 1980.*
- Matarasso, P. M., transl., *The Quest of the Holy Grail*. New York: Penguin Books, 1982.
- Matthews, John, *The Grail: Quest for the Eternal*. New York: Crossroad Publishing, 1981.
- Medieval Epics*. New York: The Modern Library, 1963.*
- Nun, Alfred, *Studies on the Legend of the Holy Grail with Especial Reference to the Hypothesis of Its Celtic Origin*. New York: Cooper Square, 1965.
- Oinas, Felix J., ed., *Heroic Epic and Saga: An Introduction to the World's Great Folk Epics*. Bloomington: Indiana University Press, 1978.
- Pyle, Howard, *The Story of the Champions of the Round Table*. New York: Dover Publications, 1968 (reprint of 1905 edition).
- Rees, Alwyn and Brinley, *Celtic Heritage: Ancient Tradition in Ireland and Wales*. New York: Thames and Hudson, 1961.*
- Rolleston, T. W., *The High Deeds of Finn and Other Bardic Romances of Ancient Ireland*. New York: Lemma Publishing, 1973.
- Ross, Anne, *Pagan Celtic Britain: Studies in Iconography and Tradition*. London: Routledge and Kegan Paul, 1967
- Sayers, Dorothy L., transl., *The Song of Roland*. New York: Penguin Books, 1981 (reprint).
- Sophocles, *The Oedipus Cycle*. Transl. by Dudley Fitts and Robert Fitzgerald. New York: Harcourt, Brace & World, 1949.
- Squire, Charles, *Celtic Myth & Legend: Poetry & Romance*. North Hollywood, California: Newcastle Publishing, 1975 (reprint of 1905 edition).
- Stephens, James, *Irish Fairy Tales*. New York: Abaris Books, 1978
- Sutcliff Rosemary:
The High Deeds of Finn Mac Cool. New York: E.P. Dutton, 1967.
The Hound of Ulster. New York: E. Dutton, 1963.
- Troyes, Chretien de, *Arthurian Romances*. Transl. by W. Wistar Comfort. New York: E.P. Dutton, 1913.*
- Weston, Jessie L., *From Ritual to Romance*. New York: Anchor Books, 1957 (reprint of 1920 edition).

*Литература, отмеченная звездочкой, была особенно полезна при подготовке этого тома.

ББК 84(0)
Л33

Перевод
С. ИВАНИЧЕНКО

Легенды доблести

Редактор И. ШУРЫГИНА

Художественный редактор И. МАРЕВ

Технический редактор Г. ШИТОЕВА

Корректоры Н. КУЗНЕЦОВА., И. САХАРУК,
Л. ЧУЛАНОВА,

АР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать
01.10.96 г. Уч.-изд. л. 19,15. Цена 74 000 р.
Клубная цена 33 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
12184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Легенды доблести. — М.: ТЕРРА, 1996. — 144 с.: ил. — (Зачарованный
Л33 мир).

ISBN 5-300-00792-7

В книге собраны легенды и предания, рассказывающие о подвигах известных героев древности.

Л 4703000000-551
А30(03)-96 Без объявл.

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00792-7

"Authorized Russian language edition © 1996,
Publishing Center "TERRA". Original edition
© 1984, Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form,
by any electronic or mechanical means, including
information storage and retrieval devices or systems,
without prior written permission from the publisher,
except that brief passages may be quoted for review."

Time-Life Books is a trademark of Time Warner
Inc."

Перевод на русский язык. © 1996, Издательский
центр «ТЕРРА». Оригинальное издание © 1984,
Time-Life Books BV. Все права защищены.

Не допускается воспроизведение текста и/или ил-
люстраций любым механическим или электронным
способом, включая информационные базы данных
и системы, без письменного разрешения издателя.

Time-Life Books является торговой маркой Time
Warner Inc.

